Г. Р. Державинъ.

СОБРАНІЕ
РУСКИХЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СОБРАНІЕ
РУСКИХЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ,

ВЗЯТЫХЪ

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ЛУЧШИХЪ СТИХОТВОРЦЕВЪ РОССІЙСКИХЪ И ИЗЪ МНОГИХЪ РУСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ,

ИЗДАННОЕ

ВАСИЛІЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Wer kann des Sängers Zauber lösen,
Wer seinen Tönen wiedersteh' n?
Wie mit dem Stab des Götterboten,
Beherrscht er das bewegte Herz:
Er taucht es in das Reich der Todten,
Er hebt es staunend himmelwärts,
Und wiegt es zwischen Ernst und Spiele
Auf schwanker Leiter der Gefüle.

SCHILLER

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1810.

ПЕРЕВОДЪ ЭПИГРАФА.

Кто можетъ уничтожить очарованіе Пѣснопѣвца, и кто не покорится его гармоніи? Въ рукахъ его могущественный жезлъ посланника боговъ! онъ царь растроганнаго сердца: онъ увлекаетъ его за собою то въ область мертвыхъ, то въ горнія жилища боговъ, и, переходя отъ веселаго къ важному, водитъ его по легкой лѣстницѣ чувствъ.

Шиллеръ.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

Отъ Издателя.

Издатель сего Собранія имѣлъ намѣреніе соединить въ немногихъ Томахъ лучшія произведенія Рускихъ Поэтовъ: книга его есть, такъ сказать, сокращеніе нѣсколькихъ сотъ книгъ, въ которыхъ все то разсѣяно, что имъ представляется вмѣстѣ и въ порядкѣ.

Нѣмцы, Англичане и Французы давно имѣютъ собранія отечественныхъ стихотвореній, и частныя и общія, и всѣ роды и одинъ только родъ поэзіи объемлющія; напротивъ у насъ, хотя мы уже довольно богаты поэтами, по сіе время, кромѣ немногихъ пѣсенниковъ, не было еще ничего подобнаго. *Приношеніе Религіи*, изданное Г. Вышеславцовымъ, заключаетъ въ себѣ однѣ только духовныя стихотворенія. Въ *Лонидахъ* Господина Карамзина; въ *Свитѣ Музъ* и въ *Таліи*, напечатанныхъ въ С. Петербургѣ, собраны однѣ стихотворенія новѣй-

шія. Вотъ первый и вѣроятно весьма несовершенный опытъ собранія *общаго.* Въ книгѣ, нами издаваемой, соединены *всѣ роды* Поэзіи; а матеріалами для составленія оной послужили сочиненія классическихъ Рускихъ Поэтовъ, начиная отъ Кантемира до нашего времени, нѣкоторыя частныя собранія, и вообще почти всѣ Рускіе Журналы, до 1811 года изданные; и эта книга, не говоря уже объ удовольствіи, которое можетъ она доставить людямъ со вкусомъ (естьли только они останутся довольны выборомъ Издателя) имѣетъ и то особенное преимущество, что для нѣкоторыхъ изъ читателей нашихъ замѣняетъ она цѣлую *библіотеку Стихотворцевъ*, а для другихъ, имѣющихъ въ своей библіотекѣ всѣ оригинальныя Рускія книги, и могущихъ получать всѣ издаваемые въ Россіи Журналы, соединяетъ въ одинъ составъ разсѣянное во множествѣ книгъ, слѣдовательно или мало имъ извѣстное, или и совсѣмъ отъ нихъ забытое.

Остается желать, чтобы нашъ выборъ и тотъ порядокъ, въ которомъ расположили мы издаваемыя нами Стихотворенія, могли заслужить одобреніе отъ Читателя.

Мнѣніе частнаго человѣка не есть еще общее мнѣніе; слѣдовательно и мы, сообразовавшись въ выборѣ нашемъ со мнѣніемъ собственнымъ, не можемъ надѣяться, чтобы всѣ вообще были съ нимъ согласны. Вотъ правила, которыхъ мы въ этомъ случаѣ старались держаться: всему превосходному, слѣдовательно всему лучшему въ произведеніяхъ классическихъ Русскихъ Поэтовъ назначили мы въ нашемъ Изданіи почетное мѣсто; но вмѣстѣ съ стихотвореніями первой степени старались мы не забыть и такихъ, которыя, не имѣя превосходства отличнаго, съ нѣкоторыхъ однако сторонъ заслуживаютъ вниманіе нашихъ читателей; съ именами, ознаменованными славою, желали мы соединить и имена неизвѣстныя, то есть имена такихъ поэтовъ, которые, написавъ весьма немного, но это немногое съ дарованіемъ, не получили еще достаточнаго права на славу; или имена такихъ поэтовъ, которые, по множеству произведеній своихъ, заслужили одно незавидное наименованіе писателей *обильныхъ* и въ нѣкоторыхъ только отрывкахъ показали нѣсколько дарованія. Сообразно съ этимъ правиломъ, все выходящее изъ границы посредственнаго, то есть или написанное слогомъ прія-

нымъ, съ легкостію, и имѣющее нѣкоторую привлекательную живость, или, не смотря на грубый слогъ, отличающееся высокостію мыслей и силою чувства, ощутительныхъ подъ корою грубаго слога; острая эпиграмма, пріятная басня, пріятная пѣсня — единственное произведеніе поэта неизвѣстнаго, или единственно хорошее между произведеніями поэта плодовитаго — должны имѣть право гражданства въ нашемъ Собраніи: ибо намѣреніе наше состояло не въ томъ, чтобы соединить однѣ превосходнѣйшія произведенія Стихотворцевъ классическихъ, но въ томъ, чтобы издать вообще *всѣ* Рускія стихотворенія, по чему-либо заслуживающія не быть пренебреженными отъ Публики; и читатель, имѣющій образованный вкусъ, долженъ рѣшить: слѣдовали ли мы въ выборѣ своемъ правиламъ строгой разборчивости.

Разположеніе издаваемыхъ нами Стихотворцевъ могло быть двоякое: или *хронологическое*, или *техническое* (позволяемъ себѣ это выраженіе за неимѣніемъ другаго). Въ первомъ случаѣ Стихотворцы слѣдовали бы одинъ за другимъ въ томъ порядкѣ, который опредѣляется

временемъ ихъ существованія; — но съ одного уже взгляда можно замѣтить, сколь трудно было бы опредѣлить съ надлежащею точностію: которому изъ современныхъ Писателей принадлежитъ первое, и которому послѣднее мѣсто — и мы предпочли сему хронологическому порядку другой, то есть *техническій*, слѣдуя которому, издаваемыя нами Стихотворенія расположили мы по *родамъ поэзіи*, не наблюдая (для большаго разнообразія) никакого особеннаго порядка въ разпредѣленіи самихъ Стихотворцевъ; и посредствомъ такого разпредѣленія, естьли не ошибаемся, соединено въ Изданіи нашемъ преимущество точнаго порядка съ пріятностію разнообразія. — Въ *первыхъ двухъ* Томахъ помѣщены стихотворенія, принадлежащія къ классу *Лирической* поэзіи, которой одно отдѣленіе заключаетъ въ себѣ *Оды*, а другое *Пѣсни* *), *Романсы*, *Баллады*. (Бал-

---

1) Во второмъ Томѣ, въ отдѣленіи *пѣсенъ*, *романсовъ и балладъ* помѣщены, по неосмотрительности двѣ піесы: *къ милой подругѣ* (217 стр.) и *роща* (131 стр.); первая должна принадлежать къ *посланіямъ*, послѣдняя къ *смѣси*. Просимъ у нашихъ читателей извиненія. Изъ

лады по своему содержанію принадлежатъ къ поэзіи повѣствовательной, а по своей формѣ должны причислены быть къ лирической; чтобы уничтожить это противорѣчіе, включили мы въ отдѣленіе лирической поэзіи Баллады *короткія*, тѣ именно, которыя могутъ быть положены на музыку и пѣты; а *длинныя*, которыхъ никому невозможно пропѣть, не утомивъ груди своей, помѣстили въ отдѣленіе повѣстей стихотворныхъ.) *Третій* Томъ содержитъ въ себѣ стихотворныя *Повѣсти*, *Сказки* и *Басни*. Главное различіе между повѣстію и сказкою состоитъ, естьли не ошибаемся, въ тонѣ Стихотворца, который въ первой подходитъ болѣе къ эпической важности, а въ послѣдней къ простому, обыкновенному разсказу. Въ *четвертомъ* Томѣ помѣщены *Сатиры*, *Посланія*, *Элегіи*, *Идилліи*, *Стихотворенія дидактическія и описательныя*; а въ *пятомъ* подъ именемъ *Смѣси* заключаются: 1е. мѣлкія стихотворенія: *эпиграммы*, *мадригалы*, *дистихи* и пр. 2 е. *отрывки изъ эпиче-*

пѣсенъ народныхъ выбрано такъ мало потому, что мы уже имѣемъ довольно полныя ихъ собранія.

скихъ поэмъ, и стихотвореній драмматическихъ, которыя, по причинѣ своей обширности, не могли быть помѣщены цѣлыя, но также не могли быть и забыты *въ Собраніи Рускихъ Стихотвореній*; и наконецъ 3е. такія стихотворенія, которыя по содержанію своему не принадлежатъ ни къ какому особенному роду поэзіи.

Но чтобъ сдѣлать издаваемую нами книгу и въ другомъ отношеніи полезною, надлежало бы къ образцамъ стихотворнаго искусства, въ ней предлагаемымъ, присоединить и самую теорію сего искусства; теорію общую примѣнить въ особенности къ поэзіи Руской; критически разсмотрѣть и красоты и недостатки Рускихъ поэтовъ, и наконецъ, опредѣливъ отличительный характеръ Рускаго стихотворства, изобразить исторически и начало его и ходъ и постепенное образованіе; но . . . этотъ подвигъ требуетъ силъ Геркулесовыхъ, которыя весьма немногимъ въ удѣлъ достались. Мы не желали угостить нашихъ читателей посредственнымъ, а для произведенія чего-нибудь достойнаго вниманія ихъ въ этомъ родѣ еще не находимъ въ себѣ ни доста-

точныхъ способностей, ни знаній необходимыхъ. Одна только опытность многихъ лѣтъ даетъ нѣкоторое право отважиться на такой исполинскій подвигъ. Лагарпъ, Квинтиліянъ новѣйшихъ временъ, сочинялъ свой *Курсъ словесности* въ послѣдніе годы жизни, тогда, когда уже его мысли, напитанныя свѣдѣніями разнообразными, приведены были въ надлежащую зрѣлость и опытностію и лѣтами.

Въ выборѣ предлагаемыхъ Стихотвореній руководствовало насъ строгое безпристрастіе — желаемъ усердно, чтобы читатели наши могли прибавить: *и вкусъ просвѣщенной.* Впрочемъ мы думаемъ, что наше Собраніе, при всѣхъ могущихъ скрываться въ немъ недостаткахъ, должно быть принято отъ всякаго любителя поэзіи съ удовольствіемъ. Легко можетъ однако случиться, что, не смотря на безпристрастіе наше, нѣкоторыя стихотворенія, имѣющія право занимать почетное мѣсто *въ сословіи избранныхъ*, или нами забыты, или и совсѣмъ не были намъ извѣстны (хотя въ послѣднемъ и не слѣдовало бы, по правиламъ самолюбія, признаваться): въ такомъ случаѣ, напередъ раскаяваясь въ

неосторожности своей и невѣжествѣ; просимъ читателя, и въ особенности Господъ Журналистовъ, просвѣтить насъ своими совѣтами; а мы съ своей стороны обѣщаемся ими воспользоваться, и помѣстить въ *прибавленіи* забытое нами, или намъ неизвѣстное.

Въ заключеніе предлагаемъ почтеннымъ соотечественникамъ нашимъ, имѣющимъ нѣкоторыя связи на Парнассѣ, способствовать намъ въ продолженіи этаго Изданія. Естьли бы они согласились снабжать Издателя произведеніями своей Музы, предоставивъ ему необходимое право *свободнаго выбора* и *употребленія* то каждый годъ могла бы издаваема быть одна порядочная книжка, служащая продолженіемъ *Собранію Рускихъ Стихотвореній* и имѣющая тотъ же самый титулъ *). Въ составъ ея могли бы входить и тѣ стихотворенія, которыя Издатель находилъ бы или въ Журналахъ, или въ другихъ Рускихъ книгахъ, и каждая

*) Само по себѣ разумѣется, что въ этомъ продолженіи не можетъ быть сохраненъ тотъ порядокъ, которому слѣдовали мы въ первыхъ пяти Томахъ, и что *роды поэзіи* необходимо должны быть смѣшаны.

книжка была бы украшена и портретомъ одного изъ извѣстныхъ Рускихъ Писателей, и виньетомъ, для сохраненія совершеннаго однообразія съ издающимися нынѣ пятью Томами. Естьли это предложеніе одобрено будетъ нашими Стихотворцами, то просимъ ихъ доставлять произведенія свои въ Контору Университетской Типографіи, съ надписью: *Издателю Собранія Рускихъ Стихотвореній.*

Ж.

1810 года Декабря 17.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОДЫ.

Стран.

I. Фелица. - - - - - - 3
II. Рабство. - - - - - 12
III. Подагра. - - - - - 17
IV. На кончину Г. Орлова. - - - 20
V. На день возшествія на Престолъ ЕЛИСАВЕТЫ. - - - - - 21
VI. Кладбище. - - - - - 29
VII. Къ Эвтерпѣ. - - - - - 31
VIII. На имянины. - - - - 33
IX. На истребленіе въ Россіи званія раба ЕКАТЕРИНОЮ Второю. - - 35
X. Арфа. - - - - - - 39
XI. Военная пѣснь. - - - - 40
XII. Ѳеодицея. - - - - - 44
XIII. На кончину Великой Княжны ОЛЬГИ ПАВЛОВНЫ. - - - - - 48
XIV. Ручей. - - - - - - 53
XV. Берегъ. - - - - - 55
XVI. Цѣпи. - - - - - - 56
XVII. Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкъ. - 57
XVIII. Пѣснь Божеству. - - - - 62
XIX. Видѣніе въ Майскую ночь. - - 64

Стран.

XX. На рожденіе Великаго Князя МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА. - - - 67
XXI. Ода изъ Горація. - - - - 70
XXII. Отвѣтъ Рафаеля пѣвцу Фелицы. 73
XXIII. Преложеніе 49 псалма. - - 79
XXIV. Къ Добродѣтели. - - - 81
XXV. Ключь. - - - - - 85
XXVI. На побѣду Россійскаго флота надъ Турецкимъ. - - - - - 87
XXVII. На смерть Князя Мещерскаго - 96
XXVIII. Ермакъ. - - - - - 100

ПѢСНИ, РОМАНСЫ и БАЛЛАДЫ.

I. Выйду я на рѣченьку. - - - 109
II. Ахъ, когдабъ я прежде знала. - 111
III. На смерть дочери. - - - - 112
IV. Я вечоръ въ лугахъ гуляла. - - 113
V. Чувство дружбы. - - - - 114
VI. Пусть кто хочетъ пишетъ оды. - 116
VII. Романсъ. - - - - - 117
VIII. Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ. - 119
IX. Стонетъ сизый голубочикъ. - - 121
X. Къ цвѣтку. - - - - - 123
XI. Красота и уборъ. - - - - 124

Стран.
И- - 67
- 70
. 73
- 79
- 81
- 85
дЪ
- 87
- 96
- 100
ДЫ.
- 109
- 111
- 112
- 113
- 114
- 116
- 117
- 119
- 121
- 122
- 124

Стран.
XII. Съ душевной пустотою. - - 125
XIII. Темира нѣкогда велѣла. - - 126
XIV. Наслажденіе. - - - - 127
XV. Мотылёкъ и роза. - - - 128
XVI. Къ цитрѣ. - - - - - 129
XVII. Все мило предо мною. - - - 130
XVIII. Роща. - - - - - - 131
XIX. Потеря дня. - - - - 132
XX. Воинъ своей милой. - - - 134
XXI. Видѣлъ славный я Дворецъ. - - 135
XXII. Другу моему. - - - - 136
XXIII. Ириса! ты узнать желаешь. - 137
XXIV. Доволенъ я судьбою. - - - 138
XXV. Видъ прелестный, милы взоры. - 139
XXVI. Естьли то тебѣ пріятно. - - 140
XXVII. Мы желали — и свершилось. - 142
XXVIII. Чижикъ. - - - - - 144
XXIX. Ты велишь мнѣ равнодушнымъ. - 145
XXX. Къ соловью. - - - - 146
XXXI. Пѣсня моей дочери. - - 147
XXXII. Пастухъ къ городскому жителю. 149
XXXIII. Друзьямъ моимъ. - - - 150
XXXIV. Наконецъ твои обманы. - - 151
XXXV. Съ Милетой позднею порою. - 154
XXXVI. Полно льститься мнѣ слезами. 155
XXXVIII. Поля, лѣса густые. - - 156
XXXIX. Романсъ. - - - - 157
XL. На листочкѣ нѣжной розы. - - 158

Стра

XLI. Дуэтъ. - - - - - - 15 LXV
XLII. Разлучившися со мною. - - 16 LXIV
XLIII. Голубочикъ нѣжной, страстной! 16 LXX
XLIV. Не зрѣлибъ никогда мы въ жизни ясныхъ дней. - - - - - 16 LXX
XLV. Вечеркомъ румяну зорю. - - 16 LXX
XLVI. Веселой часъ. - - - - 16 LXX
XLVII. Пѣсня. - - - - - 16
XLVIII. Къ Элизѣ. - - - - 17 LXX
XLIX. Приди, приди на этотъ лугъ. - 17 LXX
L. Раиса. - - - - - - 17 LXX
LI. Къ лирѣ. - - - - - 17 LXX
LII. Любовь, что въ сердцѣ я питаю. - 17 LXX
LIII. Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду. 18 LXX
LIV. Зарокъ. - - - - - - 18 LXX
LV. Пастушка надъ рѣкой. - - - 18 LXX
LVI. Естьлибъ ты была на свѣтѣ. - 18 LXX
LVII. Катинькѣ. - - - - - 18 LXX
LVIII. Тоска по милой. - - - - 18 LXX
LIX. Милая вечоръ сидѣла. - - - 18 LXX
LX. Пѣсня о Добромъ Царѣ. - - — LXX
LXI. Къ Темирѣ. - - - - - 19 LXX
LXII. Чижикъ. - - - - - 19 LXX
LXIII. Вечеръ, на канунѣ новаго года. 19 XC
LXIV. Къ Мальвинѣ. - - - - 19 XC
LXV. Пѣсня за обѣдомъ съ друзьями. - 19 XC
LXVI. Романсъ. - - - - - 19 XC
LXVII. Къ соловью. - - - - 20 XC

Стран.
LXVIII. Свидѣтели тоски моей. - - 202
LXIX. Всего богатства міра. - - - 204
LXX. Побѣда красоты. - - - - 206
LXXI. Къ милой. - - - - - 207
LXXII. Романсъ. - - - - - 209
LXXIII. Бѣдная Дуня. - - - - 211
LXXIV. Какъ мнѣ не плакать, ахъ! какъ мнѣ не рваться. - - - - 213
LXXV. Ириса. - - - - - 214
LXXVI. Мудрость. - - - - 215
LXXVII. Бѣдная птичка. - - - 216
LXXVIII. Къ милой подругѣ. - - 217
LXXIX. Умирающее дитя. - - - 218
LXXX. Деревенская пѣсня. - - - 220
LXXXI. Пчела. - - - - - 221
LXXXII. Къ голубку. - - - - 222
LXXXIII. Философы, пьяный и трезвый. 223
LXXXIV. Блаженство любви. - - 226
LXXXV. Купидонъ и бабочка. - - 228
LXXXVI. Къ Хлоѣ. - - - - 229
LXXXVII. Фіялка и Терновникъ. - - 230
LXXXVIII. Пріятное смущеніе. - - 232
LXXXIX. Къ Надинѣ. - - - - 233
XC. Къ васильку. - - - - - 235
XCI. Сладость благотворительности. - 238
XCII. Венеринъ поясъ. - - - 241
XCIII. Воспоминаніе. - - - - 242
XCIV. Похвала зимѣ, дѣтская пѣсня - 244

Стр.
XCV. Романсъ. - - - - - 2
XCVI. Мечта. - - - - - 2
XCVII. Къ Горлицѣ. - - - - 2
XCVIII. Безъ тебя, моя Глафира. - - 2
XCIX. Голубокъ, куда ты мчишься. - 2
C. Прости мнѣ дерзкое роптанье. - - 2
CI. Голубокъ. - - - - - - 2
CII. На что, печальна лира. - - - 2
CIII. Безъ друга и безъ милой. - - 2
CIV. Къ играющему младенцу. - - 2
CV. Договоръ. - - - - - 2
CVI. О любезной, о мой милой. - - 2
CVII. Невинная пастушка. - - - 2
CVIII. Къ моей хижинкѣ - - - 2
CIX. Къ Хлоѣ. - - - - - 2
CX. Весеннее чувство. - - - 2
CXI. Выборъ жениха. - - - - 2
CXII. Другъ сердечной, другъ мой милой. 2
CXIII. Потопленіе. - - - - 2
CXIV. Плачетъ бѣдная Надина. - - 2
CXV. Мнѣ о любви твоей довольно. - 2
CXVI. Куда мнѣ, сердце страстно. - 2
CXVII. Когда веселій на крылахъ. - 2
CXVIII. Что съ тобою, ангелъ, стало. 2
CXIX. Болеславъ, Король Польскій. - 2
CXX. Я счастливъ былъ во дни невинности безпечной. - - - - 2

Стран.
CXXI. Мрачна буря и весною. - - 281
CXXII. Каррикатура. - - - - 282
CXXIII. Уныніе. - - - - - 286
CXXIV. Къ младенцу. - - - - 289
CXXV. Зимы дни мрачны изчезаютъ. - - 291
CXXVI. Старинная любовь, баллада. - 293
CXXVII. У кого душевны силы. - - 295

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I. Не голубушка въ чистомъ полѣ воркуетъ. - - - - - - 297
II. Ты безщастный, доброй молодецъ. 298
III. Ты проходишь дорогая. - - - 300
IV. Протекли, ахъ, дни весенніе. - 301
V. Охъ, вы славныя Руски кислы щи. 302
VI. Чернобровой, черноглазой. - - 303
VII. Ахъ, не ласточка, не ясенъ соколъ. 305
VIII. Поверхъ дубчика. - - - - 307
IX. Ты душа моя. - - - - 309
X. Вы осенніе. - - - - - 311
XI. Ахъ, ты поле, поле чистое. - - 312
XII. Перестань стонать, кукушечка. - 313

Стран.
XIII. На восходѣ красна солнышка. - 313
XIV. У душечки красной дѣвицы. - 314
XV. Ахъ, чтожь ты голубчикъ. - - 315
XVI. Ты рябинушка. - - - - 316
XVII. Ты воспой, воспой, жавороночикъ. 317
XXIII. Ужь какъ палъ туманъ на сине море. 318
XIX. Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить. - - - - - - 320
XX. У рѣки сидя дѣвка плакала. - - 321
XXI. Мы любовницъ оставляемъ. - - 322
XXII. Деревенское житье. - - - - 323
XXIII. Ахъ, ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ. - - - - - - 324
XXIV. Ахъ, далече, далече въ чистомъ полѣ. - - - - - - 325
XXV. Ты дуброва моя дубровушка. - 326
XXVI. Возлѣ садику млада хожу. - 327
XXVII. Ахъ кабы на цвѣты не морозы. 328
XXVIII. Ахъ, какъ тошно мнѣ тошненько. 329

Стран.
- 313
- 314
- 315
- 316
). 317
e. 318
y-
- 320
- 321
- 322
- 323
b-
- 324
b
- 325
- 326
- 327
328
). 329

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ,

ОДЫ.

L' Ode . . . . .
Elevant jusqu' au ciel son vol ambitieux,
Entretient dans ses vers commerce avec les dieux.
Aux Athletes dans Pise elle ouvre la barriere,
Chante un vainqueur poudreux au bout de sa carriere,
Mene Achille sanglant aux bords du Simois,
Ou fait flechir l' Escaut sous le joug de Louis.
. . . . . .
Son ſtyle impetueux souvent marche au hasard ;
Chez elle un beau desordre est un effet de l' art.

BOILEAU, ART POËTIQUE. CHANT I.

ПЕРЕВОДЪ ЭПИГРАФА.

Ода . . . летящая на небеса полетомъ гордымъ бесѣдуетъ съ Богами. Она отверзаетъ поприще Олимпійскому Атлету; славитъ побѣдителя, покрытаго прахомъ при концѣ ристалища; ведетъ окровавленнаго Ахилла на берега Симоиса, и налитъ бурному Реину покорствовать игу Людовика. . . . . Не рѣдко слогъ ея, въ быстротѣ своей уклоняется отъ правилъ; и въ ней прелестный безпорядокъ есть дѣло искусства.

Буало, Искусство Стихотворца. Пѣснь I.

ОДЫ.

I.

ФЕЛИЦА.

Богоподобная Царевна
Киргиз - Кайсацкія Орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору,
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ:
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай, найти ее, совѣтъ!

Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить;
Какъ укрощать страстей волненье
И щастливымъ на свѣтѣ быть!
Меня Твой голосъ возбуждаетъ,
Меня Твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ.
Мятясь житейской суетою,
Сего дня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ Твоимъ не подражая,
Почасту ходишь Ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за Твоимъ столомъ.
Не дорожа Твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ,
И всѣмъ изъ Твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.

Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клобъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня Парнасска не сѣдлаешь,
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,
Не ходишь съ трона на востокъ:
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душею,
Полезныхъ дней проводишь токъ.

А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ Персовъ похищаю,
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю,
То, возмечтавъ, что я Султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ.

Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ —
Тамъ славной окорокъ Вестфальской,
Тамъ звенья рыбы Астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ —
Шампанскимъ вафли запиваю,
И все на свѣтъ забываю
Средь винъ, сластей и ароматъ.

Или средь рощицы прекрасной,
Въ бесѣдкѣ, гдѣ фонтанъ шумитъ,
При звонѣ арфы сладкогласной,
Гдѣ вѣтерокъ едва дышитъ,
Гдѣ все мнѣ роскошь представляетъ,
Къ утѣхамъ мысли уловляетъ,
Томитъ и оживляетъ кровь:
На бархатномъ диванѣ лежа,
Младой дѣвицы чувства нѣжа,
Вливаю въ сердце ей любовь.

Или великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ Англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ,
Или съ красавицей какой
Я подъ качелями гуляю;
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ.

Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ;
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту,
И забавляюсь лаемъ псовъ;
Или надъ Невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ.

*

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой;
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю,
Полкана и Бову читаю;
За Библїей зѣвая сплю.

*

Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякой человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюзгой,
Между тщеславья и порокомъ,
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

*

Нашелъ; — но льзяль не заблуждаться
Намъ слабымъ смертнымъ въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ въ слѣдъ страстямъ идти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды?
Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ;
Нашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣжь добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?

❖

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна! свѣтъ изъ тьмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ щастье
Ты можешь только созидать!
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

❖

Едина Ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачествы сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снизхожденьемъ правишь,
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цѣну ихъ.
Царей они подвластны волѣ;
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

❖

Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь Ты честь;
Пророкомъ Ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть;
А что сїя ума забава
Калифовъ добрыхъ честь и слава.
Снизходишь Ты на лирный ладъ;
Поэзїя Тебѣ любезна,
Прїятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

*

Слухъ идетъ о Твоихъ поступкахъ,
Что Ты ни мало не горда;
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Прїятна въ дружбѣ и тверда;
Что Ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

*

Неслыханное также дѣло,
Достойное Тебя одной,
Что будто Ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей Зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О! коль щастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ Ангелъ кроткой, Ангелъ мирной,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ низпосланъ скипетръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
И казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе Царей не пить.

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить;
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ;
Не щолкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы вѣрнъ имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ.

Ты вѣдаешь, Фелица, нравы
И человѣковъ и Царей;
Когда Ты просвѣщаешь нравы.
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ Твои отъ дѣлъ отдохновенья,
Ты пишешь въ сказкахъ поученья,
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
„Не дѣлай ничего худова;
„И самаго сапира злова
„Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь.“

Стыдиться слыть Ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, не любимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужныль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славноль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ!

*

Фелицы слава — слава Бога,
Который брани усмирилъ;
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ;
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, изцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;

*

Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать:
Который воду разрѣшаетъ,
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать, и прясть, и шить:
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И щастие дома находить;

*

Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ. —
Вѣщай, премудрая Фелица!
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ,
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ? —
У трона развѣ Твоего!

*

Но гдѣ Твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ — Смирнѣ — Кашемирѣ? —
Послушай: гдѣ Ты ни живешь,
Хвалы мои Тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки, иль бешметя
За нихъ я отъ Тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ!

*

Прошу великаго Пророка,
Да праха ногъ Твоихъ коснусь;
Да словъ Твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь!
Небесныя прошу я Силы,
Да ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо Тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ Твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

Державинъ.

II.

РАБСТВО

Прїемлю лиру, мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней:
Простерши руку, отягченну
Желѣзныхъ бременемъ цѣпей,
Для пѣсней жалобныхъ настрою;
И согласясь съ моей тоскою,
Унылый, томный звукъ пролью
Отъ струнъ, рѣкой омытыхъ слезной:
Отчизны моея любезной
Порабощенье воспою.

*

А Ты, который обладаешь
Единъ подсолнечною всей,
На милость души преклоняешь
Возлюбленныхъ Тобой Царей,
Хранишь отъ злаго ихъ навѣта!
Содѣлай, да Владыки свѣта
Внушатъ мою нелестну рѣчь;
Да гласу правды кротко внемлютъ.
И на злодѣевъ лишь подъемлютъ
Тобою имъ врученный мечь.

*

Въ печальны мысли погруженный.
Пойду, отъ людства удалюсь
На холмъ, древами осѣненный;
Въ густую рощу уклонюсь;

Подъ мрачнымъ, мшистымъ дубомъ сяду.
Тамъ моему прискорбну взгляду
Прискорбный все являетъ видъ:
Ручей тамъ съ ревомъ гору роетъ,
Уныво вѣтръ межъ сосенъ воетъ;
Летя съ древъ, томно листъ шумитъ.

Куда ни обращу зѣницу,
Омытую потокомъ слезъ,
Вездѣ, какъ скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь;
Изчезли сельскія утѣхи,
Игрива рѣзвость, пляски, смѣхи,
Веселыхъ пѣсней гласъ утихъ;
Златыя нивы спротвѣютъ;
Поля, лѣса, луга пустѣютъ;
Какъ туча, скорбь легла на нихъ.

Вездѣ, гдѣ кущи, села, грады
Хранилъ отъ бѣдъ свободы щитъ,
Тамъ тверды зиждетъ власть ограды,
И вольность узами тѣснитъ.
Гдѣ благо, щастіе народно
Со всѣхъ сторонъ текли свободно,
Тамъ рабство ихъ отгонитъ прочь.
Увы! Судьбѣ угодно было,
Одно чтобъ слово превратило
Нашъ ясный день во мрачну ночь.

Такъ древле міра Вседержитель
Изъ мрака словомъ свѣтъ создалъ.
А вы, Цари! на толь Зиждитель
Своей подобну власть вамъ далъ,

Чтобы во областяхъ подвластныхъ,
Изъ щастливыхъ людей нещастныхъ,
И зло изъ общихъ благъ творить?
На толь даны вамъ скиптръ, порфира,
Чтобъ были вы бичами міра,
И вашихъ чадъ могли губить?

Воззрите вы на тѣ народы,
Гдѣ рабство тяготитъ людей;
Гдѣ нѣтъ любезныя свободы,
И раздается звукъ цѣпей:
Тамъ къ бѣдству смертные рожденны,
Къ уничиженью осужденны,
Нещастій полну чашу пьютъ;
Подъ игомъ тяжкія державы
Потоками льютъ потъ кровавый,
И зле смерти жизнь влекутъ.

Насилія властей страшатся;
Потупя взоръ, должны стенать;
Поднявъ главу воззрѣть боятся
На жезлъ, готовый ихъ карать.
Въ веригахъ рабства унываютъ;
Низвергнуть ига не дерзаютъ,
Обременяющаго ихъ;
Отъ страха казни цѣпенѣютъ,
И мыслію насилу смѣютъ
Роптать противъ оковъ своихъ.

Я вижу ихъ: они изходятъ
Поспѣшно изъ жилищь своихъ.
Но для чего съ собой выводятъ
Несущихъ розы дѣвъ младыхъ?

Почто, въ знакъ радости народной,
Въ забавѣ искренней, свободной,
Сей празднуютъ прискорбный часъ?
Чей образъ лаврами вѣнчаютъ,
И за кого днесь возсылаютъ
Къ Творцу своихъ моленій гласъ?

*

Ты зришь, Царица! се ликуетъ
Стенящій въ узахъ Твой народъ!
Съ восторгомъ днесь онъ торжествуетъ
Твой громкій на престолъ восходъ.
Яремъ свой носитъ терпѣливо,
И молитъ Небо, да щастливо
Ты царствуешь, народъ любя! — —
И Тыль его умножишь муки,
Обременишь цѣпями руки,
Благословляющи Тебя?

*

Но нѣтъ! — Души Твоей доброты
Подвластные боготворятъ;
Твой кроткій судъ, Твои щедроты
Врага, преступника щадятъ;
Возможноль, чтобъ сама Ты нынѣ
Повергла въ жертву злой судьбинѣ
Тебя любящихъ чадъ Твоихъ?
И мыслей Ты чужда суровыхъ: — —
Такъ что же? — Благъ не скрылаль новыхъ
Подъ мнимымъ гнетомъ бѣдствій сихъ?

*

Такъ Ты, возлюбленна Судьбою,
Царица преданныхъ сердецъ,
Взложенный Вышняго рукою
Носяща съ славою вѣнецъ,

Сгущенну тучу бѣдѣ надѣ нами
Любви къ намъ Твоея лучами,
Какъ бурнымъ вихремъ разобьешь;
И къ благу бѣдствїе устроя,
Унылыхъ чадъ Твоихъ покоя,
На жизнь ихъ радости прольешь.

*

Дашь зрѣть намъ то златое время,
Когда спасительной рукой
Веригъ постыдныхъ сложишь бремя
Съ отчизны моея драгой.
Тогда, о лестно упованье!
Прервется въ тѣхъ краяхъ стенанье,
Гдѣ въ первый разъ узрѣлъ я свѣтъ.
Тамъ вмѣсто воплей и стенанїй
Раздастся шумъ рукоплесканїй,
И съ щастьемъ вольность процвѣтетъ.

*

Тогда, прогнавши мракъ печали
Изъ мысли горестной моей,
И зря, что Небеса скончали
Тобой нещастье нашихъ дней,
Отъ узъ свободными руками
Зеленымъ лавромъ и цвѣтами
Украшу лиру я мою;
Тогда, во слѣдъ правдивой славы,
Съ блаженствомъ Твоея державы,
Твое я имя воспою.

Капнистъ.

III.

ПОДАГРА.

(Г. . И. . Ш. . . у.)

— За что, мучительница злая,
Подагра, смерти лютой дочь!
Ни чьихъ лѣкарствъ не уважая,
Меня терзаешь день и ночь?
За что всѣ боли сѣединенны
Образчикъ кажутъ мнѣ Геенны?
Иль лучшій изо всѣхъ міровъ
Не могъ стоять въ теченье вѣка
Безъ сей злодѣйки человѣка?
Такъ бѣдной нашъ кричалъ Ш-въ. —

*

Вдругъ дунулъ вѣтръ въ его покоѣ,
Дверь отперлась — больной въ дверяхъ
Зритъ что-то блѣдное, сухое,
Чуть, чуть стояще на клюкахъ.
„Оставь на время удивленье!
Ему вѣщаетъ привидѣнье:
Подагра я, какъ видишь самъ.
Ты къ небу жалобы возносишь,
И на меня управы просишь;
Однако всё по-пустякамъ.

*

„Припомни молодыя лѣта,
Какъ роскошей ты тьму вкушалъ:
Еще тогда же съ ихъ совѣта
Ко мнѣ ты съ зовомъ присылалъ.

Когда въ объятіяхъ Климены
Любовью силы истощенны
Ты шелъ возставить за обѣдъ:
Тутъ сокъ Шампанска винограда,
Погаснаго огня награда,
Былъ первой твой ко мнѣ билетъ.

*

„Ш—въ! чрезмѣрныя забавы
Хоть чувствіямъ пріятно льстятъ,
Но знай, что лютыя отравы
Онѣ со временемъ родятъ.
Такъ солнечны лучи прекрасны
Готовятъ лѣтомъ дни ненастны,
Сбирая въ воздухъ сѣрный паръ;
Который, тамъ скопяся въ кучи,
Опасныя раждаетъ тучи
И яркой молніи ударъ.

*

„Вотъ для чего я, другъ любезной,
Въ гостяхъ такъ часто у тебя.
Но естьлибъ, взявъ совѣтъ полезной,
Ты жилъ, умѣренность любя;
Когдабъ, въ забавахъ зная мѣру,
Ты жертвой Вакха и Венеру
Такъ часто съ молоду не чтилъ;
Когдабъ умѣлъ владѣть собою:
То въ палецъ сильною стрѣльбою
Тебя бы рокъ не поѣтилъ.

*

„Теперь, я знаю, ты согласенъ,
Что самъ отвсюду виноватъ.
Пока мой боль тебѣ ужасенъ,
Уставъ умѣренности святъ;
При мнѣ ты секты Эпикрета:
И думаешь: нужна діэта!
Но только лишь я дверью хлопъ;
Послѣдователь Эпикура,
Летишь въ объятія Амура,
И за простудой скачешь въ клобъ."

*

Рекла; и яко тѣнь пропала
На утренней зарѣ изъ глазъ;
А съ нею вмѣстѣ убѣжала
И лютая болѣзнь тотчасъ.
Но только лишь онѣ сокрылись,
Едва отъ взора удалились,
Уже готовъ Ш—въ мой встать;
Кричитъ: дай, Филька, одѣваться,
Пора съ постелей разставаться;
И рѣчь подагры — оправдать!

К. Д. Горчаковъ.

IV.

НА КОНЧИНУ Г. ОРЛОВА.

Что слышу я? — Орелъ изъ стаи той высокой,
Котора въ воздухѣ плыла
Впреди Минервы свѣтлоокой,
Когда она съ Олимпа шла;
Орелъ, который надъ Чесмою
Предъ флотомъ Россїянъ летаялъ —
Внезапно, роковой стрѣлою
Сраженный, съ высоты упалъ!

Увы! гдѣ, гдѣ его подъ солнцемъ днесь паренье?
Гдѣ по морямъ его слѣды?
Гдѣ бурно громовъ устремленье
И пламенны межь тучь бразды?
Гдѣ быстрыя, всезрящи очи
И грудь, отважности полна? . . . .
Все, все сокрылъ мракъ вѣчной ночи —
Осталась слава лишь одна!

Державинъ.

V.

НА ДЕНЬ ВОЗШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ

ЕЛИСАВЕТЫ.

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.
Благословенное начало
Тебѣ, Богиня, возсіяло.
И нашихъ искренность сердецъ
Предъ трономъ Вышняго пылаетъ,
Да щастіемъ Твоимъ вѣнчаетъ
Его средину и конецъ.

Да движутся свѣтила стройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да текутъ спокойно
Тебѣ въ послушныхъ берегахъ;
Вражда и злость да истребится,
И огнь и мечь да удалится
Отъ странъ Твоихъ и всякій вредъ;
Весна да разсмѣется нѣжно,
И ратай въ нивахъ безмятежно
Сторичный плодъ да соберетъ.

Съ способными вѣтрами споря,
Терзать да не дерзнетъ Борей
Покрытаго судами моря
Пловущими къ землѣ Твоей.
Да всѣхъ глубокій миръ питаетъ;
Желѣзо браней да не знаетъ,
Служа въ трудѣ безмолвныхъ селъ,
Да злобна зависть постыдится,
И славъ свѣтъ да удивится
Твоихъ великодушныхъ дѣлъ.

Священны да хранятъ уставы
И правду на судѣ судьи;
И время Твоея державы
Да ублажатъ раби Твои.
Сосѣды да блюдутъ союзы;
И вамъ, возлюбленныя Музы,
За горьки слезы и за страхъ,
За грозно время и плачевно
Да будетъ радость повсядневно,
При Невскихъ обновясь струяхъ.

Годину ту воспоминая,
Среди утѣхъ мятется умъ!
Еще крутится мгла густая,
Еще наноситъ страшный шумъ!
Тамъ буря искры завиваетъ,
И алчный пламень пожираетъ
Минервинъ съ громкимъ трескомъ храмъ!
Какъ мѣдь въ горнилѣ небо рдится,
Богатство разума стремится
На низъ къ трепещущимъ ногамъ.

Дражайши Музы, отложите
Взводить на мысль печали тѣнь;
Веселымъ гласомъ возгремите,
И пойте сей великій день,
Когда въ отеческой коронѣ
Блеснула на Россійскомъ тронѣ
Яснѣе дня Елисаветъ;
Какъ ночь на полдень премѣнилась,
Какъ осень намъ съ весной сравнилась;
И тьма произвела намъ свѣтъ.

Въ луга усыпанны цвѣтами
Царица трудолюбныхъ пчелъ,
Блестящими шумя крылами,
Летитъ между прохладныхъ селъ;
Стекается, оставивъ розы
И сотомъ напоенны лозы,
Со тщаніемъ отвсюду рой
Свою царицу окружаетъ,
И тѣсно въ слѣдъ ея летаетъ
Усердіемъ вперенный строй.

Подобнымъ жаромъ воспаленный
Стекался здѣсь Россійскій родъ,
И радостію восхищенный,
Тѣснясь, взиралъ на Твой приходъ.
Младенцы купно съ сѣдиною
Спѣшили слѣдомъ за Тобою.
Тогда великій градъ Петровъ
Въ едину стогну умѣстился,
Тогда и вѣтръ остановился,
И плескъ взносилъ до облаковъ.

Тогда во всѣ предѣлы свѣта,
Какъ молнія, достигнулъ слухъ,
Что царствуетъ Елисавета,
Петровъ въ себѣ имѣя духъ.
Тогда нестройные сосѣды
Отчаялись своей побѣды,
И въ мысли отступали вспять.
Монархиня! кто Россовъ знаетъ,
И ревность ихъ къ Тебѣ внимаетъ,
Помыслитъ ли противу стать?

Что Марсъ кровавый не дерзаетъ
Руки своей простерти къ намъ,
Твои онъ силы почитаетъ
И власть подобну небесамъ.
Левъ нынѣ токмо зритъ ограду,
Чѣмъ путь ему пресѣченъ къ стаду.
Но море нашей тишины
Уже предѣлы превосходитъ,
Своимъ избыткомъ миръ наводитъ,
Разлившись въ западны страны.

Европа, утомленна въ брани,
Изъ пламени подъявъ главу,
Къ Тебѣ свои простерла длани
Сквозь дымъ, куреніе и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чѣмъ, для блаженства смертныхъ рода,
Всевышній нашъ украсилъ вѣкъ,
Склонилась для ея защиты,
И мечь Твой, лаврами обвитый,
Не обнаженъ войну пресѣкъ.

Европа и весь мїръ свидѣтель,
Народовъ разныхъ милїонъ,
Колика нынѣ добродѣтель
Россїйскїй украшаетъ тронъ!
О какъ сїе насъ услаждаетъ,
Что вся вселенна возвышаетъ,
Монархиня, Твои дѣла!
Народовъ Твоея державы
Различна рѣчь, одежда, нравы;
Но всѣхъ согласна похвала.

Единымъ гласомъ всѣ взываемъ,
Что Ты защитница и Мать;
Твои доброты изчисляемъ,
Но всѣхъ не можемъ описать.
Когда воспѣть щедроты тщимся,
Безгласны красотѣ чудимся.
Побѣдыль славить мысль течетъ,
Какъ пали Готѳы предъ Тобою?
Но больше мирною рукою
Ты цѣлый удивила свѣтъ.

Весьма необычайно дѣло,
Чтобъ всѣми кто дарами цвѣлъ:
Тотъ крѣпкое имѣетъ тѣло —
Но слабъ въ немъ духъ и умъ незрѣлъ;
Въ другомъ блистаетъ умъ небесный —
Но домъ себѣ имѣетъ тѣсный,
И духу силъ недостаетъ;
Иной прославился войною —
Но жизнью миръ порочитъ злою
И самъ съ собой войну ведетъ.

Тебя, Богиня, возвышаютъ
Души и тѣла красоты;
Что въ многихъ, раздѣлясь, блистаютъ,
Едина всѣ имѣешь Ты.
Мы видимъ, что въ Тебѣ единой
Великій Петръ съ Екатериной
Къ блаженству нашему живетъ.
Похвалъ пучина отворилась!
Смущенна мысль остановилась,
Что словъ къ тому недостаетъ

Однако духъ еще стремится,
Еще кипитъ сердечный жаръ,
И ревность умолчать стыдится:
О Муза! усугубь твой даръ,
Гласи со мной въ концы земныя,
Коль нынѣ радостна Россія!
Она, коснувшись облаковъ,
Конца не зритъ своей державы;
Гремящей насыщенна славы,
Покоится среди луговъ.

Въ поляхъ, исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими чистыми струями,
Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
Сѣдитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ,
И вкругъ довольства изчисляетъ,
Возлегши лактемъ на Кавказъ.

„Се нашею, рекла, рукою
Лежитъ поверженный Азовъ;
Рушитель нашего покою
Огнемъ казненъ среди валовъ!
Се знойные Каспійски бреги,
Гдѣ варварски презрѣвъ набѣги,
Сквозь стень и блата Петръ прошелъ,
Въ средину Азіи достигнулъ,
Свои знамена тамъ воздвигнулъ,
Гдѣ день скрывали тучи стрѣлъ!

„Въ моей послушности крутятся
Тамъ Лена, Обь и Енисей,
Гдѣ многіе народы тщатся
Драгихъ мнѣ въ даръ ловить звѣрей;
Едва покровъ себѣ имѣя,
Смѣются лютости Борея;
Чудовищамъ дерзаютъ въ слѣдъ,
Гдѣ верьхъ до облакъ простираетъ,
Угрюмы тучи раздираетъ,
Поднявшись съ дна морскаго ледъ.

„Здѣсь Днѣпръ хранитъ мои границы,
Гдѣ Готѳъ гордящійся упалъ
Съ торжественныя колесницы,
При коей въ узахъ онъ держалъ
Сарматовъ и Саксоновъ плѣнныхъ,
Вселенну въ мысляхъ вознесенныхъ
Единой обращалъ рукой;
Но палъ; и звукъ его достигнулъ
Во всѣ страны, и страхомъ двигнулъ
Съ Дунайской Вислу быстриной.

„Въ стѣнахъ Петровыхъ протекаетъ
Полна веселья тамъ Нева,
Златой порфирою блистаетъ
Покрыта лаврами глава.
Тамъ равной ревностью пылаютъ
Сердца, какъ стогны всѣ сіяютъ
Въ исполненной утѣхъ ночи.
О сладкій вѣкъ! о жизнь драгая!
Петрополь, небу подражая,
Подобны испустилъ лучи!“

Сіе Россія восхищенна
Въ веселіи своемъ гласитъ;
Москва едина, на колѣна
Упавъ, передъ Тобой стоитъ,
Власы сѣдые простираетъ,
Тебя, Богиня, ожидаетъ,
Къ Тебѣ единой вопія:
„Воззри на храмы опалены,
Воззри на стѣны разрушенны;
Я жду щедроты Твоея!“

Гряди, краснѣйшая денницы,
Гряди, и свѣтлостью лица
И блескомъ чистой багряницы
Утѣшь печальныя сердца
И время возврати златое!
Мы здѣсь въ возлюбленномъ покоѣ
Къ полезнымъ припадемъ трудамъ.
Отсутствуя, Ты будешь съ нами;
Покрытымъ орлими крылами,
Кто смѣетъ прикоснуться намъ?

Но естьли гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ;
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верьхъ небесъ къ Тебѣ преклонитъ,
И тучи страшныя нагонитъ
Во срѣтенье врагамъ Твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,
Предыдетъ ужасъ предъ Тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ.

Ломоносовъ.

VI.

КЛАДБИЩЕ.

Одинъ голосъ.

Страшно въ могилѣ, хладной и темной! —
Вѣтры тамъ (*) воютъ, гробы трясутся,
Бѣлыя кости стучатъ.

Другой голосъ.

Тихо въ могилѣ, мягкой, покойной!
Вѣтры тамъ вѣютъ, спящимъ прохладно,
Травки, цвѣточки растутъ.

Первой.

Червь кровоглавый точитъ умершихъ,
Въ черепахъ желтыхъ жабы гнѣздятся,
Змїи въ кропивѣ шипятъ.

(*) То есть на кладбищѣ.

Второй.

Крѣпокъ сонъ мертвыхъ, сладостенъ, кротокъ
Въ гробѣ нѣтъ бури; нѣжныя птички
Пѣснь на могилѣ поютъ.

Первой.

Тамъ обитаютъ черные враны,
Алчныя птицы; хищные звѣри
Съ ревомъ копаютъ въ землѣ.

Второй.

Маленькой кроликъ въ травкѣ зеленой
Съ милой подружкой тамъ отдыхаетъ;
Голубь на вѣточкѣ спитъ.

Первой.

Сырость со мглою, густо мѣшаясь,
Плаваютъ тамо въ воздухѣ душномъ;
Древо безъ листьевъ стоитъ.

Второй

Тамо струится въ воздухѣ свѣтломъ
Паръ благовонный синихъ фіялокъ,
Бѣлыхъ жасминовъ, лилей.

Первой

Странникъ боится мертвой юдоли;
Ужасъ и трепетъ чувствуя въ сердцѣ,
Мимо кладбища спѣшитъ.

Второй.

Странникъ усталый видитъ обитель
Вѣчнаго мира — посохъ бросая,
Тамъ остается навѣкъ.

Карамзинъ.

VII.

КЪ ЭВТЕРПѢ.

Пой, Эвтерпа дорогая!
Въ струны арфы ударяй,
Ты, поколь весна младая,
Пой, пляши и восклицай.
Ласточкой порхаетъ радость,
Кратко соловей поетъ:
Красота, пріятность, младость,
Не увидишь, какъ пройдетъ.

Браннымъ шлемомъ покровенный
Марсъ своей пусть жертвы ждетъ:
Раноль, поздоль, побѣжденный
Голіаѳъ предъ нимъ падетъ;
Вскинетъ тусклый и багровый
Съ скрежетомъ къ нему свой взглядъ,
И вѣнецъ ему лавровый,
Хоть не хочетъ, да отдастъ.

Пусть придворный суетится
За фортуною своей;
Естьли быть ему случится
И наперсникомъ у ней:
Раноль, поздоль, онъ наскучитъ
Кубариться кубаремъ;
Насъ фортуна часто учитъ
Горемъ быть *богатыремъ*.

Время все перемѣняетъ:
Птицъ умолкъ весеннихъ свистъ,
Лѣто знойно пробѣгаетъ,
Травъ зеленыхъ вянетъ листъ;

Идетъ осень златовласа,
Спѣлые несетъ плоды:
Красножелта ея ряса
Превратится скоро въ льды.

Марсъ устанетъ, — и любимецъ
Щастья возьметъ свой покой;
У твоихъ воротъ и крылецъ
Царедворецъ и Герой
Брякнутъ въ кольцы золотыя:
Ты съ согласія отца
Бросишь взоры голубыя,
И зажжешь у нихъ сердца.

Съ сыномъ нѣги Марсъ заспоритъ
О любви твоей къ себѣ,
Сына нѣги онъ поборитъ
И понравится тебѣ;
Качествы твои любезны
Всей душою полюбя,
Опершись на щитъ желѣзный,
Онъ воздремлетъ близь тебя.

Пой, Эвтерпа молодая!
Прелестью своей плѣни;
Бога браней усыпляя,
Громъ изъ рукъ его возьми.
Лавромъ голова нагбенна
Къ персямъ склонится твоимъ,
И должна тебѣ вселенна
Будетъ вѣкомъ золотымъ.

Державинъ.

VIII.

НА ИМЯНИНЫ.

Дай Богъ, Княжна, чтобъ ты отнынѣ
Щастливо дни свои вела,
И въ лучшей смертнаго судьбинѣ
По волѣ сердца бы жила:
Съ утра до вечера смѣялась,
Сегодни, завтра, всякой день,
И скуки мрачной не касалась
Тебя ниже малѣйша тѣнь!

*

Дай Богъ, чтобы разсудокъ вѣрный
Твой пылкой нравъ остерегалъ,
Ума совѣтъ нелицемѣрный
Ошибки чувствъ предупреждалъ;
Чтобъ случай тѣсной не встрѣчался
Необходимости съ тобой,
И нѣжный взглядъ не орошался
Болѣзни горькою слезой!

*

Дай Богъ, чтобы въ семьѣ согласной,
Въ кругу достойнѣйшихъ друзей,
Считала радостью всечасной
Число бѣгущихъ нашихъ дней;
Они чтобы въ виду имѣли
Твоимъ желаньямъ угождать;
Чтобъ всѣ въ глаза тебѣ глядѣли,
Любя и взоръ твой отгадать!

*

Дай Богъ, чтобъ горестну измѣну
Въ пріязни, въ дружбѣ не познавъ,
Ты жизни всю вкушала цѣну.
Храня взаимностей уставъ;
Чтобы, съ тобой веди бесѣду
И тотъ, кто вовсе нелюдимъ,
Познавъ бы нѣжныхъ чувствъ побѣду
Надъ свойствомъ пасмурнымъ своимъ!

Дай Богъ, чтобы въ твоей Онъ долѣ
Всѣхъ благъ собраніе вмѣстилъ!
Чегожь еще желать мнѣ болѣ?
Прости — еще одно забылъ:
Дай Богъ, чтобы сама Природа,
Твое пристрастье чтя къ Лунѣ,
Велѣлабъ ей во всѣ дни года
Играть съ тобой въ твоемъ окнѣ!

К. Долгоруковъ.

IX.

НА ИСТРЕБЛЕНІЕ ВЪ РОССІИ ЗВАНІЯ РАБА

ЕКАТЕРИНОЮ ВТОРОЮ,

въ 15й день Февраля 1786 года.

Красуйся, щастлива Россія,
Восторгомъ радостнымъ пылай!
Цѣлуя времена златыя,
Главу цвѣтами увѣнчай;
Въ порфиру празднествъ облекися,
Веселья мvромъ умастися,
Пріими отрады свѣтлый щитъ
И плескомъ наполняй вселенну.
Тебѣ свободу драгоцѣнну
Екатерина днесь даритъ!

О даръ Божественныя длани,
Даръ истинныхъ Богоцарей!
Достойный чистой сердца дани,
Достойный вѣчныхъ олтарей!
Россійскіе сыны! текиите,
Усердья жертвы принесите:
Мы радостно ихъ Той пожремъ,
Чья насъ десница возставляетъ;
Оковы съ нашихъ рукъ снимаетъ
И съ вый невольничій яремъ!

Съ временъ, въ забвеніи лежащихъ,
Нашъ родъ былъ славою земли;
Повсюду тьмой побѣдъ гремящихъ
Россійски лавры возрасли. —
Не тамъ лишь, гдѣ всходяща Феба,
Парящаго по своду неба
И въ понтъ спѣшаща виденъ свѣтъ;
Но тамъ, гдѣ сей и не сіяетъ,
Завѣсы звѣздной не вскрываетъ,
Гдѣ вѣчно мрачна ночь живетъ.

Среди такого блеска славы,
Побѣдъ, которымъ нѣтъ числа,
Во узахъ собственной державы
Россія рабства дни влекла.
Когда цѣпь чуждую терзала,
Сама въ веригахъ унывала
И не рвала своихъ оковъ;
Но раболѣпными руками
Упадшихъ предъ ея ногами
Царей брала подъ свой покровъ.

Теперь, о радость несказанна!
О день, дражайшій дня побѣдъ!
Царица, Небомъ низпосланна,
Ея неволи узы рветъ.
Россія! ты свободна нынѣ!
Вовѣкъ твоей Екатеринѣ,
Какъ Богу, будешь ты должна:
Она тебѣ вновь жизнь даруетъ,
И щастье вольностью связуетъ
На всѣ грядущи времена.

Обиліе рѣкой польется
И ризу позлатитъ полей;
Гласъ громкихъ пѣсней разнесется,
Гдѣ раздавался звукъ цѣпей.
Рѣзвящіеся хороводы
Выводятъ ужь во слѣдъ свободы
Забавы въ рощи за собой.
Играмъ ихъ старость совосплещетъ,
Во всѣхъ очахъ веселье блещетъ
И знаменуетъ вѣкъ златой.

❊

Развязанными днесь крылами
Орелъ Россійскій воспаритъ
Надъ гордыми его врагами;
Съ высотъ ихъ вы поразитъ,
Обвившись пламенемъ перуна;
Изъ рукъ кичливаго Нептуна
Трезубый жезлъ изторгнетъ онъ;
Въ дальнѣйшіе враговъ предѣлы
Пошлетъ молніеносны стрѣлы,
И пренесетъ къ нимъ Россій тронъ.

❊

Лети, пернатыхъ царь! взносися,
Главой касайся небесамъ;
Подъ кровомъ вѣчности гнѣздися,
Внеси въ ея священный храмъ
Священный ликъ Екатерины!
Безсмертныхъ дѣлъ Ея картины
Поставь на золотой стѣнѣ,
Да узрятъ вѣки отдаленны,
Колико времена блаженны
Текутъ въ подвластной Ей странѣ!

❊

А Ты, которая свободу
Какъ животворный свѣтъ даешь!
Знай, что Россійскому народу
Ты тѣмъ крѣпчайшу цѣпь плетешь. —
Мы прежде власти покорялись;
Въ плѣну днесь Кротости остались
И стали плѣннѣе стократъ.
Твои щедроты безконечны
Сіи сердецъ оковы вѣчны
И духъ свободы покорятъ.

*

Въ потомствѣ благодарны Россы,
Наслѣдники временъ златыхъ,
Воздвигнутъ въ честь Твою колоссы,
Блестящи славой дѣлъ Твоихъ;
На нихъ Твой образъ изваянный,
Рукою правды увѣнчанный,
Святиться будетъ въ родъ и родъ;
И время, кое все снѣдаетъ,
Безсмертну косу изломаетъ
Объ памятникъ Твоихъ щедротъ.

Капнистъ.

X.

АРФА.

Не въ лѣтній ль знойный день прохладный вѣтерокъ
Въ легчайшемъ снѣ на грудь мою пріятно дуетъ?
Не въ злакѣ ли журчитъ хрустальный ручеёкъ?
Иль милая въ тѣни древесъ меня цѣлуетъ?

Нѣтъ! арфу слышу я: ея волшебный звукъ,
На розахъ дремлющій, согласьемъ тихострунным,
Какъ эхо мнѣ вдали щекочетъ нѣжно слухъ;
Иль шумомъ будитъ вдругъ вблизи меня перуннымъ.

Такъ ты, подруга Музъ! лїешь мнѣ твой восторгъ
Подъ быстрою рукой играющей Хариты,
Когда ея чело вѣнчаетъ вкуса богъ,
И улыбаются любовїю ланиты.

Какъ весело внимать, когда съ тобой она
Поетъ про родину, отечество драгое,
И возвѣщаетъ мнѣ, какъ тамъ цвѣтетъ весна,
Какъ время катится въ Казани золотое!

О колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освѣщусь опять твоей зарей,
И твой по прежнему всегдашній буду житель?

Когда наслѣдственны стада я буду зрѣть;
Васъ, дубы Камскіе, отъ времени почтенны;
По Волгѣ между селъ на парусахъ летѣть,
И гробы обнимать родителей священны?

Звучи, о арфа! ты все о Казани мнѣ!
Звучи, какъ Павелъ въ ней явился благодатенъ!
Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ:
Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ!

Державинъ.

XI.

ВОЕННАЯ ПѢСНЬ.

Младые воины, сберитесь
На сродный вамъ военный гласъ,
И болѣ славой возгордитесь!
Не для другихъ пою, для васъ.
Для васъ я лиру восхищаю,
И въ дерзкихъ мысляхъ обращаю
Петра Великаго дѣла.
Онъ міръ наполнилъ громкой славой;
Мужайтесь, зрите подъ Полтавой
Паренье Росскаго Орла!

Ахъ! какъ мнѣ пѣть дѣла Петровы?
О нихъ я мало бы гремѣлъ,
Когдабъ мой гласъ былъ гласъ громовый
И грудь я мѣдяну имѣлъ.

Мнѣ скудны силы преминаютъ,
Но Музы гласомъ ободряютъ,
Велятъ на лирѣ пѣть Петра,
Отецъ Россійскаго народа!
Прости, что дерзостна свобода
Къ вѣщанью дѣлъ Твоихъ скора.

Царей со знаменьемъ Россійскихъ
Се ново войско, новый флотъ;
Нева несетъ до волнъ Балтійскихъ
Враговъ разметанной оплотъ;
Надменный Ругодевъ трепещетъ,
И только мечь Петровъ возблещетъ,
Пылаютъ мстительны огни!
Безъ пользы въ Россиїе предѣлы
Преноситъ Карлъ громовы стрѣлы;
Погасли предъ Петромъ они.

Петра мнилъ Карлъ двенадесятой
Навѣтомъ хитрымъ одолѣть;
Отринутъ умыслъ предпріятой:
Онъ палъ, въ свою уловленъ сѣть.
Напрасно льститъ ему Мазепа;
Уже пылаетъ брань свирѣпа
Передъ Полтавскою стѣной.
Въ полки полки тамъ ударяютъ
И мѣдны жерлы огнь рыгаютъ,
Сокрывъ куреньемъ свѣтъ дневной.

Катятся смертоносны звуки
По облаку багровой мглы,
И Марсъ простеръ кровавы руки,
Несутся паки съ нимъ орлы.

Зїяетъ смерть, земля багрѣетъ,
Отсвѣтомъ небо пламенѣетъ,
И стономъ богатится адъ.
Герой удары направляетъ,
Побѣду къ Россамъ преклоняетъ
Его величественный взглядъ.

❖

О день, на вѣки незабвенной,
Въ которой гордый Готѳъ упалъ!
Тверди собой во слухъ вселенной,
Что ковъ противныхъ Россамъ малъ;
Что жизнь и вольность тотъ положитъ,
Кто миръ священный востревожитъ
Твоихъ, Россїя, тихихъ селъ;
Что, крѣпокъ силою толикой,
Врага увидѣлъ Петръ Великой —
И злобный врагъ оцепѣнѣлъ.

❖

Кавказски холмы воскурились,
Стремится въ знойныхъ Петръ поляхъ;
Отъ слуха Персы устрашились
Въ Дербентскихъ жаждущихъ степяхъ.
Бѣлѣетъ Каспїй подъ кормами,
Полки, водимые орлами,
Вошли въ желѣзныя врата.
Огромна тѣнь возникла Кира,
Когда другой Владѣтель мїра
Вступилъ въ знакомыя мѣста.

❖

Пребудьте славныя дѣянья
Присутственны въ очахъ вождей,
И имъ отъ вашего сїянья
Своихъ доставьте часть лучей.

Герой! Ты днесь творишь Героевъ;
Зри, духъ Твой ихъ ведетъ средь боевъ,
Съ небесъ приникши на сыновъ.
Воззри на трудъ Екатерины,
Въ Архипелажскія пучины —
Твой флотъ гремитъ среди валовъ.

*

Простеръ скиптродержавны руки
Монархъ къ претягостнымъ трудамъ,
И раздаются млатны звуки
По Зюйдерзейскимъ берегамъ.
Тыбъ нѣть, Виргилій, устыдился,
Что флотъ Енеевъ превратился
Въ богинь, живущихъ подъ волной.
Твой Иды древомъ флотъ спасался;
Здѣсь Вѣнценосецъ не гнушался
Священной строить флотъ рукой.

*

Великъ былъ Петръ на ратномъ полѣ,
Великъ былъ Петръ въ морскихъ волнахъ:
Какъ Царь, сѣдящій на престолѣ,
Иль какъ мудрецъ въ чужихъ странахъ;
Ему въ побѣдахъ славы мало;
Его понятье обнимало
Всѣ нужды царствъ, весь долгъ Царя.
Какъ Богъ, внушающій творенье,
Въ народъ Онъ свой вложилъ паренье,
Ко славѣ передъ нимъ паря.

*

О! какъ я щастливъ, что судилось
Гласить мнѣ воинамъ младымъ!
Что въ сердцѣ мнѣ давно твердилось,
Изрекъ я сверстникамъ моимъ

Пылайте, юноши, пылайте,
Того часа и дня желайте,
Какъ Павелъ съ нами загремитъ.
Онъ пойдетъ въ слѣдъ дѣламъ Петровымъ,
Когда велѣніемъ суровымъ
Война въ предѣлахъ закипитъ

*

Пойдемъ и мы, какъ наши дѣды
На жатву славныхъ шли побѣдъ!
Предъ ними пали Персы, Шведы —
Падетъ предъ нами Персъ и Шведъ!
Не сель съ путей своихъ склонились,
Въ предѣлахъ Росскихъ воскрутились
Евфратъ и Нилъ и Ериданъ?
Востокъ и Западъ изумился:
Не пакиль съ Россомъ устремился,
Рекутъ, каратель Готскихъ странъ?

Муравьевъ.

XII.

Ѳеодицея.

Трикраты молнія багрова,
Вїясь, блеснула въ облакахъ;
Трикраты громъ, катясь за нею,
Въ отзывахъ дальнихъ рокоталъ.
Отверзлися воздушны хляби,
И градъ и дождь шумятъ съ небесъ!

Но громъ умолкъ, престала буря,
И — бысть повсюду тишина:
Перстъ Божїй радугу живую
На влажныхъ пишетъ облакахъ! . . .

О ты, что въ гордости надменной,
Или въ унынїи души,
На Промыслъ ропщешь дерзновенно,
Иль втайнѣ стонешь о судьбѣ!
Воззри на знаменїе мира
Межь небесами и землей! . . .
Доколѣ будешь мысль смущенна
Въ сомнѣнїяхъ, въ мечтахъ блуждать?
Доколѣ, сынъ земли и неба,
Не примиришься самъ съ собой?

Да воспаритъ душа безсмертна
Превыше молнїй и громовъ,
Къ жилищу свѣта невечерня!
Что будетъ передъ ней земля,
Межь новыхъ лунъ и новыхъ солнцевъ,
Межь мїрїадами мїровъ?
Увы! лишь малая пылинка,
Чей слабый и дрожащїй блескъ
Въ сїянїи Сатурна тонетъ,
Иль гаснетъ въ синевѣ небесъ. . . .

И чтожь, что суть герои свѣта,
О коихъ племенамъ земнымъ
Немолчно возвѣщала слава? . . .
Во дни невѣденїй моихъ,
Когда лишь мудрствовалъ земная,
Я мнилъ: „се страшны боги суть!

„Се грозны чада Громовержца"
Но взоръ и умъ простеръ горѣ — —
И се! мой богъ, мой громовержецъ
Явился — смертный человѣкъ! . . .

Но, ахъ! почто труды, болѣзни
Почто страданіе и смерть
На малой, бѣдной сей песчинкѣ
Что называемъ мы землей? —
Ахъ! могутъ ли плачевны стоны
По ней ползущихъ червячковъ,
Что мы зовемъ словесной тварью —
Ахъ! могутъ ли сквозь трескъ громовъ,
Который твердь трясетъ эѳиру,
Къ престолу Бога восходить? . . .

Престаньте, Гераклиты, плакать
И мудрствовать противъ Небесъ!
Вашъ плачъ есть тщетный плачъ младенца
И ваша мудрость — слѣпота.
Кто можетъ вмигъ единымъ взглядомъ
Вселенну цѣлу обозрѣть,
Отъ атома до Серафима,
Чтобы постигнуть мысль Творца,
Предъ Коимъ тысяча эоновъ
Суть токмо — яко день единъ?

Спросите, мудрецы, Природу:
Почто, на землю падъ зерно,
Не возродится въ видъ древа,
Когда въ истлѣнье не прейдетъ?
Кому открыта цѣпь чудесна
Великихъ дѣйствій и причин?

Ктобъ могъ провидѣть, что крупинка,
Найденная у водъ морскихъ,
Покажетъ путь къ уразумѣнью,
Какъ погашать небесный огнь? . . . .

Единый лишь Всевышнїй знаетъ,
Почто со древа листъ падетъ,
Иль огненна изъ Этны лава
Рѣкой палящею течетъ;
Разрушится ль дѣтей рукою
Висящее гнѣздо птенцовъ,
Иль въ прахъ и пепелъ превратится
Данайской ратью Илїонъ;
А намъ, намъ то дано лишь вѣдать,
Что все, какъ есть, такъ должно быть.

Благїй творитъ одно благое;
Но есть на свѣтѣ человѣкъ —
И зло на свѣтѣ существуетъ.
Но есть на свѣтѣ человѣкъ —
И существуетъ добродѣтель. . . . .
Ключь ада и рая . . . у насъ.
Достоинство всѣхъ дѣлъ — свобода,
Се мѣрило добра и зла!
Ахъ! безъ нее и самъ бы Ангелъ
Не могъ достойнымъ быть небесъ. . . .

Да мимоидетъ туча скорби,
О смертный, твоея главы!
Надежды кроткой облакъ свѣтлый
Да распростется надъ тобой!
Помысли о судьбѣ великой,
Что ждетъ тебя на небесахъ;

Что на минуту лишь едину
Ты призванъ во юдоль сїю;
Что жизнь . . . разсвѣтше токмо утро
Безсмертїя души твоей. . . .

XIII.

НА КОНЧИНУ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ

ОЛЬГИ ПАВЛОВНЫ.

Ночь лишь седьмую
Мрачнаго трона
Степень прешла,
Съ Росска Сїона
Звѣзду златую
Смерть сорвала;
Лучь, покатяся
Съ синяго неба,
Въ безднѣ погасъ!

Утренняя, ясна,
Тѣнь золотая!
Кратокъ твой блескъ.
Ольга прекрасна,
Ольга драгая!
Тѣнь Твой былъ вѣкъ.
Что Твое утро
Въ вѣчности цѣлой?
Менѣй, чѣмъ мигъ!

Юная роза
Лишь развернула
Алый шипокъ,
Вдругъ отъ мороза
Въ лонъ уснула,
Свянулъ цвѣтокъ:
Такъ и съ Царевной;
Нѣтъ ужь въ ней жизни,
Смерть на челъ!

Къ отчему лону,
Къ матери нѣжной,
Къ братьямъ, сестрамъ,
Къ скипетру, трону;
Къ бабкѣ любезной,
Къ вѣрнымъ рабамъ,
Милый младенецъ!
Ты ужь съ улыбкой
Рукъ не прострешь.

Ликъ полутонный,
Тихое пѣнье,
Мрачность одеждъ,
Вздохи и стоны,
Слезно теченье,
Въ дымѣ блескъ свѣчь;
Норда Царицы
Блѣдность, безмолвье —
Страшный позоръ!

Гдѣ вы стѣснились?
Что окружили?
Чей видимъ трупъ?
Иль вы забылись,

Въ гробъ положили
Спящаго тутъ
Ангела въ тѣлѣ? —
Ольга прекрасна
Ангелъ былъ нашъ.

Вижу въ сїяньѣ
Грады Эоира,
Селицы кругомъ!
Вижу собранье
Горняго мїра;
Ангеловъ сонмъ,
Руки простерши,
Ольгу прїемлютъ
Въ свѣтлый свой полкъ.

. . .

Вижу блаженну
Чистую душу,
Всю изъ огня,
Въ свѣтъ облеченну!
Въ райскую кущу
Идетъ дитя;
Зритъ на Россїю,
Зритъ на Петрополь,
Зритъ на родныхъ;

Зритъ на Пїиту,
Жизнь и усненье
Кто Ея пѣлъ,
Чей въ умиленьѣ
Дождь на ланиту
Искрой летѣлъ;
Слышитъ звукъ лиры,

Томные гласы
Пѣсни моей.

Міра Содѣтель,
Святость и прочность
Царства суть чьи!
Коль добродѣтель
И непорочность
Слуги Твои,
Коихъ ко смертнымъ
Ты посылаешь
Стражами быть:

Даждь, да надъ нами
Ольги блаженной
Плаваетъ духъ,
Чтобъ, какъ очами,
Надъ полвселенной
Неба сей другъ
Зрѣлъ насъ звѣздами,
Дланью багряной
Сыпалъ къ намъ свѣтъ!

Племя Петрово,
Екатерины
Здравьемъ чело,
Сѣнь бы лаврова,
Мирные крины —
Все намъ цвѣло;
Дни бы златые,
Сребряны росы
Съ облакъ лились;

Не былобъ царства
Въ свѣтѣ другова

Щастливѣй насъ:
Яда коварства,
Равенства злова,
Буйства заразъ,
Вольности мнимой,
Ангелъ хранитель,
Насъ ты избавь!

И средь эѳира,
Въ дебри тьмозвѣздной,
Въ райской тиши,
Гдѣ днесь Плѣнира,
Другъ мой любезной
Сердца, души,
Въ ней половину,
Геній Россіи,
Призри мою!

Державинъ.

XIV.

РУЧЕЙ.

Ручей, что по долинѣ вьешься!
Во многомъ сходенъ я съ тобой;
Ты всё однимъ склоненьемъ льешься,
Я склонностью влекусь одной.

В теченьи камушки встрѣчая,
Журчишь ты жалобно чуть-чуть;
Въ любви преграды ощущая,
На-силу смѣю я вздохнуть.

Какъ ясный твой потокъ сребристой,
Стеклянна, зеркальна струя:
Такъ страстно Ниной сердце чисто,
Такъ искренна душа моя.

Отъ грозъ, отъ бурнаго ненастья
Ты кроешься въ тѣни вѣтвей:
Отъ гибельныхъ превратовъ щастья
Я скрылся въ хижинѣ моей.

Къ долинѣ милой постоянно
Стремясь, твоя струя течетъ:
Такъ пламенно сердце безпрестанно
Къ моей любезной Нинѣ льнетъ.

Когда она въ тебя глядится,
Прелестный видъ пріемлешь ты:
Въ моемъ такъ сердцѣ онъ хранится,
Въ немъ врѣзаны ея черты.

*

Не знаю льстить я клятвой ложной,
Пучинъ не можешь ты скрывать;
На днѣ твоемъ все видѣть можно,
И все въ душѣ моей читать.

*

Влеченью слѣдуя Природы,
Стремишь ты къ устью свой покатъ,
Доколь твои кристальны воды
Не заморозитъ лютый хладъ:

*

Безъ Нины будетъ жизнь страданьемъ;
И не погаснетъ къ ней любовь,
Пока съ послѣднимъ трепетаньемъ
Въ семъ сердцѣ не застынетъ кровь.

Каниистъ.

XV.

БЕРЕГЪ.

Послѣ бури и волненья,
Всѣхъ опасностей пути,
Мореходцамъ нѣтъ сомнѣнья
Въ пристань мирную войти.

Пусть она и неизвѣстна,
Пусть ее на картѣ нѣтъ;
Мысль, надежда имъ прелестна,
Тамъ избавиться отъ бѣдъ.

Естьли жь взоромъ открываютъ
На брегу друзей, родныхъ:
О блаженство! восклицаютъ,
И летятъ въ объятья ихъ.

Жизнь! ты море и волненье;
Смерть! ты пристань и покой;
Будетъ тамъ соединенье
Разлученныхъ здѣсь волной.

Вижу, вижу . . . вы маните
Насъ къ мистическимъ брегамъ! . . . .
Тѣни милыя! храните
Мѣсто подлѣ васъ друзьямъ!

Карамзинъ.

XVI.

ЦѢПИ.

Не сѣтуй, милая, со груди что своей
Сронила невзначай ты цѣпи дорогія:
Милѣе вольности нѣтъ въ свѣтѣ для людей;
Оковы тягостны, хотя онѣ златыя.

Такъ наслаждайсяжь здѣсь ты вольностью святой,
Свободною живя, какъ вѣтерокъ въ полянкѣ;
По рощамъ пролетай, кропися водъ струей,
И чѣмъ въ Петрополѣ, будь щастливѣй на Званкѣ.

А естьли и тебѣ подъ бремя чьихъ оковъ
Подвергнуться велитъ когда-либо Природа:
Смотри, чтобъ ихъ плела любовь лишь изъ цвѣтовъ;
Пріятнѣй этотъ плѣнъ, чѣмъ самая свобода.

Державинъ.

XVII.

ВЪ ПОСЛѢДНЕМЪ ВКУСѢ ЧЕЛОВѢКЪ.

Люблю пріятельску бесѣду,
Гдѣ нѣтъ насмѣшки никакой;
Гдѣ можно за столомъ сосѣду
Сказать словца два-три за свой:
Люблю я тамъ играть, рѣзвиться,
Гдѣ принятъ просто, безъ чиновъ;
Гдѣ не боюсь тѣмъ провиниться,
Что на bon mot я не готовъ.

Бывало дѣдъ, почтенный въ родѣ,
Когда семейный пиръ даетъ,
По чувствамъ сердца, не по модѣ
Своихъ гостей къ себѣ зоветъ;
Трапезу ставитъ не богату,
Виномъ заморскимъ не поитъ,
Не штофомъ убираетъ хату —
А всякой веселъ тамъ и сытъ.

Тамъ нѣтъ вѣстей, переговоровъ;
Надутой баринъ не шипитъ;
Не сѣютъ сплетницы раздоровъ,
Богачь надъ бѣднымъ не трунитъ.
Прошли тѣ годы, какъ любили
Такимъ манеромъ въ свѣтѣ жить:
То дни златаго вѣка были,
Какихъ намъ снова не нажить.

Тогда супругъ женѣ былъ вѣренъ,
Сестру любилъ всемъ сердцемъ братъ;
Родитель въ дѣтяхъ былъ увѣренъ,
И ближній ближнему былъ радъ;
Но столь похвальные примѣры
Не попадаются ужь намъ:
Другой всѣ люди стали вѣры,
Себѣ всякъ нынѣ строитъ храмъ.

*

Мы ближнихъ и друзей не знаемъ;
Куда ни сунься, всё одинъ;
Взаимны связи презираемъ,
Корысть намъ богъ и господинъ.
Гдѣ есть хоть малыя выгоды,
Умѣемъ тотчасъ ихъ смекнуть;
Для нихъ чрезъ пропасти и воды
Бездѣлка намъ перешагнуть.

*

Въ большой великолѣпной залѣ
Посмотришь индѣ — тьма людей!
Всѣ пляшутъ до поту на балѣ,
А скука ждетъ всѣхъ у дверей.
Пріятель друга обнимаетъ,
Его ни мало не любя;
Тотъ той же лаской отвѣчаетъ,
И шепчетъ: чортъ бы взялъ тебя!

*

Видалъ я часто обращенье
Обоихъ половъ межь собой:
Ихъ Вальсъ приводитъ въ восхищенье,
Мазурка рай для нихъ земной.

Повсюду слышится всечасно:
Ахъ, какъ мила! ахъ, распремилъ!
Все въ ней божественно, прекрасно! —
Гудки съ двора, и жаръ простылъ.

*

Мущинъ ли гдѣ кружокъ сойдется,
Тамъ безпорядокъ и садомъ;
Бостономъ день у нихъ начнется,
А вечеръ кончится виномъ.
Потомъ разцѣнка за глазами
Пойдетъ порядочная всѣмъ;
Въ злословьѣ хвастаютъ умами,
Никто не дорожитъ ни кѣмъ.

*

Вотъ такъ-то жить мы научились!
О предки! естьлибъ вы сюда
Хоть на минуту къ намъ явились:
Едва повѣрилибъ тогда,
Что ложь, обманъ и лицемѣрство
Умовъ отличныхъ нынѣ знакъ;
Что честь слыветъ за суевѣрство;
Что кто не льститъ, тотъ и дуракъ.

*

Въ замѣну древня благородства,
Взгляните вы на нашу спесь;
Взгляните, чада патріотства,
Колико эгоистовъ здѣсь!
Сіе угрюмое созданье,
Лукавства смертныхъ горькой плодъ;
За нашу хитрость въ воздаянье
Возникъ на свѣтъ сей уродъ.

*

Ликуй, холодный *себялюбецъ!*
Твой праздникъ и пора теперь;
Лежи въ диванѣ, сластолюбецъ,
Одинъ, какъ въ дебри дикой звѣрь.
Тебя никто, никто не любитъ,
Хотя ты знатенъ и великъ;
Твои дѣла не слава трубитъ,
Но купленный бродягъ языкъ.

*

Когда желѣзный прутъ судьбины,
Который школитъ смертныхъ всѣхъ,
Натянетъ на тебя морщины:
Тогда болѣзнь уйметъ твой смѣхъ.
Вздохнешь, забывъ ума игрушки;
Никто не повторитъ твой вздохъ;
Обнявъ парчовыя подушки,
Тошнѣй меня ты скажешь — охъ!

*

Тошнѣй, чѣмъ я, который въ свѣтѣ
Тропинкой узенькой бреду;
Имѣя малое въ предметѣ,
Тихонько жизнь свою веду.
Жена мнѣ другъ, она мнѣ рада;
Дѣтей у насъ полна изба:
Вотъ въ мірѣ семъ Небесъ награда!
Красна простыхъ сердецъ судьба!

*

О другъ мой, мать и вождь - Природа!
Твои дары милѣй всего;
Здоровье, пища и свобода —
Не надо больше ничего.

Пускай въ златую колесницу
Другой садится, а не я;
Пускай крестьянинъ въ поясницу
Не гнется, встрѣтивши меня.

Мои не трогаются чувства,
Когда я Крезовъ свѣтскихъ зрю.
Стяжать не надо мнѣ искуства;
За то Творца благодарю!
А естьлибъ далъ богатства много,
Когдабъ возвысилъ Онъ мой рогъ:
Сошедъ убожества съ порога,
Ябъ можетъ быть забылъ, гдѣ Богъ.

И такъ ты думай, какъ угодно,
Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкъ!
Но мнѣ съ тобой никакъ не сходно
Своимъ на твой мѣняться вѣкъ.
Я буду жить, какъ жилъ доселѣ;
Твоя пусть жизнь идетъ, какъ шла:
Когдажь не будетъ духа въ тѣлѣ,
Тогда увидимъ — чья взяла! . . . .

К. Долгоруковъ.

XVIII.

ПѢСНЬ БОЖЕСТВУ (*).

Господь Природы, Безконечный,
Міровъ безчисленныхъ Творецъ,
Источникъ бытія всевѣчный,
Отецъ чувствительныхъ сердецъ:

Всего, что жизнь въ себѣ питаетъ;
Что видитъ славу, блескъ небесъ,
Улыбкой радость изъявляетъ
И въ скорби льетъ потоки слезъ;

Отъ вѣка Самъ въ Себѣ живущій,
Держащій все въ рукахъ Своихъ;
Нигдѣ незримый, всюду сущій,
Въ странахъ эѳирныхъ и земныхъ!

Блаженство, свѣтъ, душа вселенной,
Святый, премудрый, дивный Богъ!
Кто — сердцемъ, чувствомъ одаренной —
Тебя назвать мечтою могъ?

Тебя? . . . И страшнымъ громомъ Неба
Сей извергъ въ прахъ не обращенъ?
Огнемъ пылающаго Феба
Сей злобный смертный не сожженъ?

(*) Сочиненная на тотъ случай, какъ безумецъ Дюмонъ сказалъ во Французскомъ Конвентѣ: *нѣтъ Бога!*

Но Ты Великъ! но Ты не знаешь,
Какъ мстить, наказывать враговъ;
Они ничто — Ты ихъ прощаешь;
Ты зришь въ врагахъ — Своихъ сыновъ,

И льешь на нихъ дары благіе:
Щадишь безумцевъ жалкихъ кровь. —
Исчезнетъ тьма въ умахъ, и злые
Твою почувствуютъ любовь.

Любовь! . . . и съ кротким удивленьемъ,
Въ минуту славы, торжества,
Съ живымъ, сердечнымъ восхищеньемъ
Падутъ предъ трономъ Божества;

Обнимутъ руку всеблагую,
Отцемъ простертую къ сынамъ;
Восхвалятъ милость пресвятую —
Рекутъ: *есть Богъ: міръ Божій храмъ!*

Карамзинъ.

XIX.

ВИДѢНІЕ ВЪ МАЙСКУЮ НОЧЬ.

ОДА КЪ ФЛОРУ.

(Сафическимъ размѣромъ.)

Майска тиха ночь разливала сумракъ,
Голосъ птицъ умолкъ, вѣтерокъ прохладный
Вѣялъ — златомъ звѣздъ испещрялось небо
Рощи дремали.

Я одинъ бродилъ, погруженный въ мысли
О друзьяхъ моихъ; вспоминалъ пріятность
Всѣхъ щастливыхъ дней, проведенныхъ с
ними,
Видѣлъ ихъ образъ.

Гдѣ ты, мой Клеантъ! (я вздыхая думалъ
Чтобъ со мной теперь раздѣлять восторги?
Гдѣ вы всѣ? — гдѣ Флоръ? гдѣ Аристъ
Филонъ мой
Гдѣ незабвенный?....

Утромъ цвѣлъ!... О Флоръ! не давно ли пл
чемъ
По Филонѣ мы? Ужъ весна двукратно
Оживляла злакъ надъ его могилой,
Птички любились.

Я вздыхалъ, и взоръ устремивъ слезящій
На кусты, на дерпъ, вопрошалъ Природу:
Другъ у насъ за чѣмъ съ превосходнымъ сердцемъ
Отнятъ такъ рано?

Мнѣ была въ отвѣтъ — тишина священна!
Далѣ шелъ я въ лѣсъ, оперся на древо;
Листвій сладкій шумъ вовлекалъ усталы
Чувства въ забвенье.

Вдругъ изъ мрака бѣлъ мнѣ явился призракъ,
Весь въ туманѣ; онъ приближался тихо,
Не былъ страшенъ мнѣ; я узналъ въ немъ милыи
Образъ Филона:

Благовиденъ, младъ, онъ взиралъ какъ Ангелъ;
Русы по плечамъ упадали кудри,
Нѣжность на устахъ, на челѣ спокойство
Изображались.

Онъ уста отверзъ — какъ съ журчащимъ токомъ
Шепчетъ въ дебряхъ гулъ, или арфу Барда
Тронетъ вѣтеръ — такъ мнѣ влялся въ ухо
Голосъ эѳирный.

Онъ гласилъ: „мой другъ! веселись, не сѣтуй;
Я живу: излей и во Флора радость
О судьбѣ моей, а свою съ терпѣньемъ
Участь сносите.

Все возможно! Зришь ли міры блестящи
Тамо; землю здѣсь? — Что она предъ ними,
То и жизнь твоя предъ другими жизнями
Въ вѣчной Природѣ.

Ободрись же ты и надѣйся съ Флоромъ
Лучшихъ жизней [illegible]; но не скорбью тщетной,
Благородствомъ чувствъ и любовью къ благу
Чти мою память!"

Онъ изчезъ. Филонъ! мой любезной, гдѣ ты?
Руки я къ нему простиралъ въ туманѣ;
Сердце билось — ахъ! но повсюду были
Мракъ и безмолвье.

Востоковъ.

XX.

НА РОЖДЕНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА.

Куда, силъ грозныхъ Воевода!
Надѣвъ огнепернатый шлемъ,
На бедро лучь, съ небесна свода
Ты радужнымъ течешь путемъ?
Спустился, зрю, на полуселенну,
На Павловъ и Маріинъ Домъ,
И къ отроку новорожденну
Осклабленнымъ приникъ лицомъ.

„Азъ есмь — вѣщалъ — *кто равенъ Богу!*
„Дитя! симъ именемъ зовись:
„Стань браней, мира на дорогу;
„Въ доспѣхи правды облекись;
„Прими духъ мужества, духъ силы,
„Лучь свѣща, званье, образъ мой,
„И горняго паренья крилы:
„Архангелъ я и пѣстунъ твой.

„Избраньемъ древле я корону
„На Предка твоего надѣлъ;
„Недавно въ слѣдъ Отцу ко трону
„Незримымъ спутникомъ летѣлъ;
„Небесъ имъ поборала сила:
„Прими!“ — И лишь свершилъ онъ рѣчь,
Порфира отрока покрыла;
И препоясалъ молній мечь.

Едва почули Громовержца
Перуны Росски въ пеленахъ,
На нѣжный гласъ сего младенца
Въ трех-сотныхъ отдались громахъ;
Россія блескомъ озарилась,
Усердія къ Царямъ полна:
Такъ свѣтлымъ токомъ слезъ покрылась,
Какъ сребрянымъ дождемъ луна.

„Подаждь, вселенной Вседержитель!
— Взываетъ къ звѣздной вышинѣ: —
„Да юный молніи носитель
„Михаилъ древній будетъ мнѣ!
„Пресѣкъ нестройство тотъ, крамолу,
„Началомъ славы былъ моей;
„А сей, подпорой ставъ престолу,
„Да царствуетъ въ сердцахъ людей!“

Уже Хранителя небесна
Мой духъ вездѣ съ младенцемъ зритъ:
При люлькѣ, среди сна прелестна,
Надъ нимъ простря крылъ стоитъ,
Эѳирную приноситъ манну,
Играетъ солнечнымъ лучомъ;
И въ грудь, на подвиги избранну,
Вливаетъ Божій страхъ съ млекомъ.

То взводитъ онъ его на гору,
То ходитъ съ нимъ среди долинъ;
Его младому кажетъ взору
На высотѣ полетъ орлинъ.
Смотри: надъ домомъ какъ летая,
Онъ зритъ вкругъ змѣй, и вержетъ громъ:
А тамъ, любовью нѣжной тая,
Птенцовъ жметъ кокошь подъ крыломъ.

Иль учитъ: „Ты порфиророденъ,
„Прямый твой долгъ есть долгъ Небесъ,
„И міра Царь есть рабъ Господень,
„Взыщи премудрости словесъ:
„Священна доблесть — право къ власти,
„Лишь правда надъ вселенной Царь;
„Благоволеньемъ къ смертныхъ части
„Всевышній зиждетъ Свой олтарь.“

Отца и Матери въ подобьи
Бесѣдуетъ онъ часто съ нимъ:
„Ищи, твердитъ ему, въ незлобьи
„Ты образца дѣламъ своимъ:
„Престола хищнику, тирану
„Прилично устрашать рабовъ;
„Но Богомъ на престолъ воззванну
„Любить ихъ должно, какъ сыновъ.“

Подъ кровомъ Ангельскимъ, небеснымъ,
Отца и Матери рукой
Расти, дитя, расти прелестнымъ;
А возмужавъ, явись Герой!
Страна твоя сильна, преславна,
Обширно поле, гдѣ парить;
Нѣтъ въ мірѣ царства такъ пространна,
Гдѣбъ можно столь добра творить!

Державинъ.

XXI.

ОДА ИЗЪ ГОРАЦІЯ

Beatus ille, qui procul ex.

Щастливъ, кто, удалясь отъ шума и заботъ,
Какъ праотцы его, какъ первый смертныхъ
родъ,
Наслѣдственны поля спокойно удобряетъ!
Онъ сребролюбія, ни мукъ его не знаетъ;
Ужасна, алчна смерть въ полуночи трубой
Не можетъ звать его отъ сна въ кровавый бой;
Онъ ярости морей себя не подвергаетъ,
Ни къ смерти на судъ людей не обвиняетъ;
Ни, чтобъ себѣ привлечь воззрѣнье отъ боль-
шихъ,
Не ползаетъ, какъ червь, въ преддверіи у нихъ;

Но дни свои ведетъ въ забавѣ благородной:
То съ дерева пилой отъемлетъ сукъ безплодной,
И лучшу вѣтвь прививъ, ей нову жизнь даетъ;
То сладкой виноградъ вкругъ тополя вѣетъ;
То, сидя на крутой зеленыхъ горъ вершинѣ,
Стрежетъ свои стада, рыкающи въ долинѣ;
То съ милою семьей стрижетъ овецъ своихъ,
Иль въ чаши точитъ медъ изъ сотовъ золо-
тыхъ,
Когдажь свое чело подыметъ осень рдяна,
И риза на садахъ разстелется багряна;

Сбираетъ при зарѣ въ саду своемъ плоды.
Какая для него награда за труды,
Когда находитъ онъ на вѣткѣ, имъ привитой,
Иль грушу, или гроздъ, весь пурпуромъ покрытой!
Тебѣ, о богъ садовъ, Вертумнъ, тебѣ, Силенъ,
Приноситъ онъ ихъ въ даръ, какъ перву дань времянъ!

Онъ ищетъ иногда покоя подъ древами,
Или на муравѣ, усыпанной цвѣтами —
И чисты ручейки катятся близко съ горъ,
И нѣжныхъ птицъ въ лѣсахъ гремитъ согласный хоръ;
Съ ихъ пѣснью вѣтерокъ шумъ сладкій проводитъ,
По малу на него пріятный сонъ наводитъ.

Когда же низпошлетъ Зевесъ своей рукой
И бури, и снѣга, и мразъ на шаръ земной;
Онъ провождаетъ дни тогда въ забавахъ новыхъ:
То псами гонитъ въ сѣть въ лѣсахъ вепрей шуровыхъ,
То ставитъ онъ силки на зайцевъ при древахъ.
То сѣтикой ловитъ птицъ, засѣвъ въ густыхъ кустахъ.
Возможетъ ли средь сихъ невинныхъ упражненій
Родиться въ сердцѣ его [illegible]
Возможно ли не быть щастливѣйшимъ ему?
Но что, когда еще имѣетъ онъ въ дому

Любимую жену и мать чадолюбиву,
Которая дѣлитъ съ нимъ жизнь его щастливу,
Готова съ нимъ нести все бремя, всѣ труды,
Съ которой нѣтъ вовѣкъ ни ссоры, ни вражды;
Которая, когда онъ съ поля пріѣзжаетъ,
Супруга у воротъ съ объятіемъ встрѣчаетъ
И ставитъ предъ него не купленный обѣдъ,
Но пищу собственну — млеко, вино и медъ!

Среди сихъ сладкихъ яствъ — сколь зрѣлище утѣшно,
Здѣсь видѣть вдругъ овецъ, бѣгущихъ въ домъ поспѣшно,
Тамъ далѣе воловъ, влекущихся домой
Съ поверженной сохой, съ поникшей головой;
А здѣсь передъ собой все, что любезно, зрится,
Семья, какъ будто рой, вокругъ его толпится!

XXII.

ОТВѢТЪ РАФАЕЛЯ ПѢВЦУ ФЕЛИЦЫ.

Рафаель Санцїо Урбинской,
За Стиксъ отшедшїй на покой,
Мурзѣ Орды Киргизской, Крымской,
Каракалпацкой, Золотой,
А подлинно какой, не знаетъ,
Здоровья и всѣхъ благъ желаетъ!
Сїе же пишетъ во отвѣтъ
На то посланье длинновато,
Которое Эрмїй крылатой
Ему на сей доставилъ свѣтъ.

Мурза! сто тридцать повелѣнїй,
Тобой предписанныя мнѣ,
Признаться, удивили тѣни,
Живущи праздно въ сей странѣ;
Имъ показалось очень странно,
Что такъ слегка и столь пространной
Ты вздумалъ мнѣ урокъ задать,
Надъ коего и третей долей
Со всей моею доброй волей
Я въ день былъ принужденнымъ стать.

Ты видно думалъ, что не диво
Изобразившимъ вещество
Изобразить достойно, живо
И непостижно Божество;

Что какъ воображенью слово.
Такъ и художество готово
Для взора мысль образовать,
И сколь ума паренья смѣлы,
Столь кисти широкъ предѣлы,
И чувствамъ образъ можно дать.

*

Но нѣтъ, Мурза! не такъ не трудно,
Какъ то себѣ мечтаешь ты.
Всѣхъ прелестей согласье чудно
Собрать и слить въ однѣ черты;
Чтобъ душу Ангела небесна
Представила краса тѣлесна.
Ликъ солнца виденъ каждый день;
Однако вся искусства сила
Изобразить сего свѣтила
Одну лишь слабу можетъ тѣнь.

*

Не такъ легко „надъ полвселенной
„На сорокъ токмо двухъ столбахъ
„Престолъ поставить вознесенной,
„Въ восьми смотрящїйся моряхъ:
„Такъ лапы распростерть орлины,
„Чтобъ сжалъ одною зѣвъ онъ Львиный,
„Другой рога Луны сгибалъ;
„И написать, чрезъ вымыслъ вящшїй,
„Чтобы перунъ, въ рукахъ горящїй,
„Гремѣлъ изъ устъ, но не сражалъ.“

*

А ты хотѣлъ, чтобъ я всѣ дива,
Которы намъ ты возвѣстилъ,
Изъ полнаго черпнувъ архива,
Въ одну картину помѣстилъ! —

Хоть зналъ я тщетное желанье,
Но все употребилъ старанье
Тебѣ сколь можно угодить;
И такъ, пустяся на удачу,
Чтобы рѣшить твою задачу,
Я предирїялъ ее дробить.

Сперва, созвавъ въ совѣтъ согласной
Весь живописный нашъ сигклитъ,
Фелицы твоея прекрасной
Рѣшился я представить видъ;
А чтобъ исполнить чудно дѣло,
Юноны сановитой тѣло
Минервиной главой свершилъ,
И прелестьми трехъ Грацїй нѣжныхъ
Покрывъ, о чреслахъ бѣлоснѣжныхъ
Кипридинъ поясъ обложилъ.

И восхищался . . . . какъ предъ мною
Предсталъ Мурза какихъ-то Ордъ,
Подъ шапкой бритою главою
И длинными усами гордъ:
Спросилъ, кого изображаю? —
Фелицу! — „Какъ! Ее? я чаю,
„Что ты несешь и пишешь бредъ.
„Брось кисть, мой другъ, и трудъ напрасный!
„Нѣтъ, не Ея то ликъ прекрасный,
„А развѣ токмо — силуетъ."

Сказалъ, и съ гнѣвомъ удалился.
Привѣтствомъ удивленъ такимъ,
Я рѣчь завесть потерялся
О чудной сей Фелицѣ съ нимъ.

Догнавъ его: „Мурза почтенный!
Сказалъ, „оставимъ несравненный
„Фелицынъ ликъ; позволь спросить
„Совѣта, какъ бы кисть щастлива
„Могла сего осьмаго дива
„Хоть подвиги изобразить? —

*

„Хоть подвиги? Не трудно дѣло
„Затѣялъ ты въ умѣ своемъ!
„Хоть сто бы васъ надъ нимъ сидѣло
„Вѣкъ цѣлой, всталибъ вы ни съ чемъ,
„Для рамъ обширной толь картины
„Малъ лѣсъ всей здѣшней палестины;
„А гдѣ взять красокъ и кистей?
„Опомнися! тебѣль пристало
„Явить намъ ясное зерцало
„Великихъ дѣлъ Царевны сей!

*

„Надъ всѣми Царствами вселенной
„Она возносится какъ кедръ
„Надъ тростью гибкой, униженной,
„Чуть изъ земныхъ возникшей нѣдръ;
„Державный Скипетръ простираетъ
„На Царства; тамъ гражданъ вѣнчаетъ,
„Въ подданство Царствы здѣсь беретъ;
„Стязующіяся Державы
„Невелитъ токъ пресѣчь кровавый,
„И судъ и миръ имъ подаетъ.

*

„Се громъ и трескъ Ея перуна,
„Страшилища Владыкъ земли,
„Съ Полнощи грянувъ, домъ П[illegible]
„Въ Средьземномъ понтѣ потря[illegible]

Какъ гидръ Она въ волнахъ сжигала;
Луну надменну затмѣвала
Крылами Своего орла:
„И Царствъ не возмутя покою,
„Въ предѣлъ Свой сильною рукою
„Пространно море вовлекла.

„Чтобъ хитрость обуздать кичливу,
„Заставить чтить права людей,
„Она зеленую оливу
„Простерла надъ лицемъ морей.
„Подъ сѣнью вѣтьви сей священной
„Не смѣетъ буйство дерзновенно
„Судамъ свободный ходъ прервуть;
„Хоть люты брани вкругъ рыкаютъ,
„Онѣ среди ихъ протекаютъ
„Безстрашно предпріятый путь.

„Но кая можетъ слова сила
„Явить въ величіи своемъ,
„Какъ мракъ Полнощи просвѣтила
„Она премудрости лучемъ;
„Какъ подданныхъ рвала оковы,
„Въ нихъ души поселяла новы;
„И гдѣ, къ ихъ щастью устремленъ,
„Судьба Ей подвигъ прерывала? . . . .
„Она блаженства засѣвала
„Для жатвы будущихъ племенъ!

„Но что! по всей вселеннѣй нынѣ
„Гремятъ дѣла Ея одной;
„И на пространной сей холстинѣ
„Насилу кистїю златой

„Писать ихъ Слава успѣваетъ:
„То какъ рука твоя дерзаетъ
„Подъять толь непомѣрный трудъ?
„Оставь, мой другъ! не суетися:
„Кому дивится свѣтъ — дивися:
„А кисть и краски спрячь подъ спудъ.“

*

Премудраго сего совѣта,
Мурза! отнюдь не презрю я.
И такъ Фелицына портрета,
Ниже картины дѣлъ Ея
Тебѣ доставить не намѣренъ.
Когдажь ты въ способахъ увѣренъ
Ѣ чуда живо написать,
То кисть и краски предъ тобою:
Пиши волшебною рукою,
Что столь красно умѣлъ сказать.

Каннистъ.

XXIII.

ПРЕЛОЖЕНІЕ 49 ПСАЛМА.

Кто въ блескахъ молніи нисходитъ,
Колеблетъ гласомъ горъ сердца,
И взоромъ въ трепетъ все приводитъ?
Природы ль вижу я Творца?
Онъ, Онъ! се мечь въ десной сверкаетъ,
А въ шуйцѣ вѣчныя вѣсы;
Се къ вамъ, народы, Онъ вѣщаетъ — —
О страхъ! о грозные часы!

„Не мни, гласитъ, о родъ строптивый!
Загладить жертвами свой грѣхъ,
Когда во гнѣвѣ судъ правдивый
Приду изречь на смертныхъ всѣхъ.
Что Мнѣ до вашихъ всесожженій,
До вашихъ жертвъ и тучныхъ стадъ?
Богъ пьетъ ли кровь Своихъ твореній?
Безсмертный чувствуетъ ли гладъ?

„Я всю вселенную объемлю
И въ длани жизнь ея держу;
Я вздоху насѣкомыхъ внемлю;
Хощу — и солнце погашу.
Пожри же Мнѣ своей душою,
Очисти совѣсть отъ грѣховъ,
И непорочныхъ устъ хвалою
Да будетъ славимъ Богъ боговъ!

„Но да прильпнетъ языкъ къ гортани
Твоей, о грѣшный человѣкъ!
Не простирай ко Мнѣ ты длани
И не блажи Меня во вѣкъ.
Тебѣ ли Бога пѣснословить.
Коль духомъ не живешь о Немъ,
Коль адъ спѣшишь себѣ готовить
Въ порочномъ житіи твоемъ?

„Изъ устъ твоихъ течетъ ядъ лести,
И злоба ухищренныхъ змѣй;
Ты брату ковъ творилъ изъ мести,
Корысти раздѣлялъ татей.
О лицемѣры! вѣчно ль стану
Я громъ удерживать въ рукахъ?
Возтрепещите! гряну, гряну,
И уничтожу, яко прахъ!"

Дмитріевъ.

XXIV.

КЪ ДОБРОДѢТЕЛИ.

О ты, которая была
Въ глазахъ моихъ всегда прелестна,
Душѣ моей всегда мила
И сердцу съ юности извѣстна!
Вхожу въ святилище твое;
Объемлю, чувствомъ вдохновенный,
Твой жертвенникъ уединенный!
Одно усердіе мое
Даетъ мнѣ право не чуждаться
Твоихъ священныхъ олтарей,
И въ пламенной душѣ моей
Твоимъ блаженствомъ наслаждаться!

Нѣтъ дѣлъ моихъ передъ тобой;
Не сыпалъ злата я на бѣдныхъ:
Мнѣ злата не дано судьбой;
Но глазъ заплаканныхъ, лицъ блѣдныхъ
Не могъ безъ грусти замѣчать;
Дружился въ сердцѣ съ угнѣтеннымъ,
И жалобамъ его священнымъ
Любилъ съ прискорбіемъ внимать;
Любилъ суды правдивы рока
Невинныхъ, добрыхъ торжество.
„Есть гробъ, безсмертье, Божество!"
Я мыслилъ, видя тронъ порока.

Нѣтъ, нѣтъ! я не былъ ослѣпленъ
Симъ блескомъ, сколь онъ ни прекрасенъ!
Драконъ на время усыпленъ,
Но самый сонъ его ужасенъ.

Злодѣй на Этнѣ строитъ домъ,
И пепелъ подъ его ногами;
Тамъ лава устлана цвѣтами,
И въ тишинѣ таится громъ.
Пусть онъ не знаетъ угрызенья!
Онъ не достоинъ знать его.
Безчувственность есть адъ того,
Кто зло творитъ безъ сожалѣнья.

Нѣтъ! въ мысляхъ я не унижалъ
Твоихъ страдальцевъ, Добродѣтель:
Жалѣть объ нихъ я не дерзалъ.
Въ оковахъ рабъ, въ вѣнцѣ Владѣтель
Равно здѣсь щастливы тобой.
Твоею силой укрѣпленный,
На мѣсто казни возведенный,
Достоинъ зависти Герой:
У ногъ его лежитъ вселенна!
Онъ намъ оставитъ тлѣнный прахъ,
Но духъ его на небесахъ —
Душа сама собой блаженна.

Когда мїръ цѣлый трепеталъ (*),
Волнуемый страстями злыми,
Мой взоръ знаменъ твоихъ искалъ:
Я сердцемъ слѣдовалъ за ними!
Творилъ обѣты . . . слезы лилъ
Отъ радости и скорби тайной. . . .
Кто въ вѣкъ чудесной, чрезвычайной
Призракомъ не обманутъ былъ?
Когдажь людей невинныхъ кровью
Земля дымиться начала,
Мнѣ свѣтъ казался адомъ зла. . . . .
Свободу я считалъ любовью! . . . .

(*) Во время революціи.

Я былъ игралищемъ страстей,
Родясь съ чувствительной душою:
Ихъ огнь пылалъ въ груди моей;
Но сердце съ милою мечтою
Всегда сливало образъ твой.
Прости! . . . . ахъ! лѣта заблужденій
Текутъ стезею огорченій;
Намъ страшенъ въ младости покой
И терпіемъ любезны розы! . . . .
Я жертвой, не тираномъ былъ,
И въ нѣжныхъ горестяхъ любилъ
Свои, а не чужія слёзы!

Не совѣстью, одной тоской
Я въ жизни болѣе терзался:
Виновный только предъ собой,
Сквозь слезы часто улыбался!
Когда же, сердцемъ увлеченъ,
Не помнилъ я, въ восторгахъ страсти
Твоей, о Добродѣтель! власти,
И блескомъ щастья ослѣпленъ,
Спѣшилъ за нимъ на путь неправый
Я былъ загадкой для себя:
Какъ можно столь любить тебя.
И нарушать твои уставы?

Преплывъ обширный океанъ,
Чрезъ многія пучины, мѣли;
Собравъ богатства дальнихъ странъ,
Пловецъ стремится къ вѣрной цѣли,
Къ своимъ отеческимъ брегамъ,
И взоръ его нетерпѣливый
Уже открылъ сей край щастливый;
Онъ мыслитъ радостно: „я тамъ!“ . . .

Вдругъ буря въ ужасъ все приводитъ —
Корабль скрывается въ волнахъ!
Пловецъ не гибнетъ — но въ слезахъ
Онъ нищимъ на берегъ выходитъ.

Вотъ жребій мой! . . . . Ахъ! я мечталъ
О тихой пристани, покоѣ;
Но буря и свирѣпый валъ
Сокрыли щастіе злащое!
Пристанища въ семъ мірѣ нѣтъ,
И насъ, съ послѣднею волною,
Въ землѣ, подъ гробовой доскою,
Къ себѣ червь кровоглавый ждетъ!
Блаженъ, кто не былъ здѣсь свидѣтель
Погибели своихъ друзей,
Или въ нещастіяхъ жизни сей
Тобой утѣшенъ, Добродѣтель! . . .

Смотрю на небо: тамъ цвѣты
Въ прелестныхъ радугахъ играютъ;
Златыя, яркія черты
Одна другую пресѣкаютъ,
И вдругъ, въ пространствахъ высоты,
Сливаются съ ночнымъ мерцаньемъ. . . .
Не можно ль съ *сѣвернымъ сіяньемъ*
Сравнять сей жизни красоты? . . . .
Оно угасло — но блистаетъ
Еще полярная звѣзда:
Такъ Добродѣтель никогда
Во мракѣ насъ не оставляетъ!

Остатокъ радостей земныхъ,
Дочь милую, кропя слезами,
Въ восторгѣ нѣжныхъ чувствъ моихъ
Къ тебѣ дрожащими руками

Подъемлю, и молю: будь ей
И горемъ здѣсь и утѣшеньемъ,
Безъ щастья вѣрнымъ наслажденьемъ!
Въ послѣдній часъ судьбы моей
Ее ко груди прижимая,
Да обниму я въ ней тебя!
Да гасну, васъ равно любя,
И милой милую вручая!

Карамзинъ.

XXV.

КЛЮЧЪ.

Сѣдящь, увѣнчанъ осокою,
Въ тѣни развѣсистыхъ древесъ
На урну облегшись рукою,
Являющій лице небесъ,
Прекрасный вижу я источникъ!

Источникъ шумный и прозрачный,
Текущій съ горной высоты,
Луга поящій, долы злачны,
Кропящій перлами цвѣты,
О коль ты мнѣ пріятенъ зришься!

Ты чистъ — и восхищаешь взоры,
Ты быстръ — и утѣшаешь слухъ;
Какъ серна, скачуща на горы,
Такъ мой къ тебѣ стремится духъ,
Желаньемъ пѣть тебя горящій.

Когда въ дуги твои сребристы
Глядится красная заря:
Какіе пурпуры огнисты
И розы пламенны, горя,
Въ паденьемъ водъ твоихъ катятся!

Гора въ день стадомъ покровенну
Себя въ тебѣ любуясь зритъ;
Въ твоихъ водахъ изображенну
Дубраву вѣтерокъ струитъ;
Волнуетъ жатву золотую.

Багрянымъ брегъ твой становится,
Какъ солнце катится съ небесъ;
Лучемъ кристалъ твой загорится
Вдали начнетъ синѣться лѣсъ,
Тумановъ море разольется.

О коль ночною темнотою
Пріятенъ видъ твой при лунѣ!
Какъ блѣдны холмы надъ тобою
И рощи дремлютъ въ тишинѣ:
А ты одинъ, шумя, сверкаешь!

Сгарая стихотворства страстью,
Къ тебѣ я прихожу, Ручей!
Завидую Піита щастью,
Вкусившему воды твоей,
Парнасскимъ лавромъ увѣнчанну.

Напой меня, напой тобою,
Да воспою подобно я,
И съ чистою твоей струёю
Сравнится въ пѣсняхъ мысль моя,
Сладкій гласъ съ твоимъ стремленьемъ

Да честь твоя пройдетъ всѣ грады,
Какъ эхо съ горъ сквозь лѣсъ дремучь:
Творца безсмертной Россіяды,
Священный Гребеневскій Ключь,
Поилъ водой ты стихотворства.

Державинъ

XXVI.

НА ПОБѢДУ РОССІЙСКАГО ФЛОТА НАДЪ ТУРЕЦКИМЪ.

О радость! торжество! о слава нашихъ дней
Безмрачныхъ, съ красотой сравнившася лучей!
Полночны Тифисы, защитники Россіи,
Летятъ среди валовъ! гремящи въ облакахъ
Перуны въ ихъ рукахъ;
Послушны имъ стихіи!

Преходятъ морь стези, гдѣ кроется ихъ врагъ;
Очами ищутъ, гдѣ Турецкой вѣетъ флагъ.
Нашли; обрадуясь пустились, полетѣли!
Всѣхъ руки на ударъ простерты, взнесены,
Всѣ гнѣвомъ разжены;
Постигли, загремѣли!

Я зрю пловущихъ Этинъ побѣдоносный строй,
Какъ ихъ ведетъ морямъ незнаемый Герой!

Ихъ парусы крылѣ, ихъ мачты лѣсъ дремучій!
Вдругъ ступятъ, вдругъ блеснутъ, вновь грянутъ! вновь грозятъ!
И идутъ и разятъ,
Какъ громомъ тяжки тучи!

Іануарій тамъ и Святославъ летитъ,
И вихремъ за собой и хлябь и дымъ крутитъ!
И горнихъ именемъ поборниковъ зовомый (*),
И Ростиславъ, и съ нимъ Европа межъ валовъ
Пускаютъ на враговъ
Безперерывны громы!

Евстафій весь въ огнѣ, бросаетъ огнь и смерть,
Крутится, движется, колеблетъ понтъ и твердь!
Тамъ страшная гора привязанна цѣпями,
Какъ разродившійся Везувій воздухъ рветъ,
Не престая реветъ,
И борется съ горами!

Не молкнетъ трескъ снастей, желѣзныхъ свистъ шаровъ;
Густится дымъ столбомъ, всходя до облаковъ;
Стѣсненны межъ громадъ въ громады волны плещутъ,
И вѣтрилъ бѣлизна и дневныхъ свѣтъ лучей
Сокрылись отъ очей;
Одни перуны блещутъ!

(*) Корабль Трехъ Святителей.

О опытъ тягостной нетрепетныхъ сердецъ!
Ужасенъ взору бой, ужаснѣе конецъ.
Тамъ двѣ крылатыя, двѣ грозныя махины,
Какъ Этна съ Геклою, одна съ другой слетясь,
Всей тяжестью сразясь,
Вспылали средь пучины!

Ихъ звукомъ понтъ, брега и воздухъ потрясенъ,
И Грекъ и Туркъ вдали содрогся ужасенъ;
Недвижимъ Россъ стоитъ, и смертью смерть срѣтаетъ!
Ахъ горе! всѣмъ тонуть погибели въ рѣкѣ!
Съ корыстью онъ въ рукѣ,
Со флагомъ отлетаетъ.

О странно зрѣлище! среди валовъ пожаръ!
Побѣда къ намъ летитъ, однимъ врагамъ ударъ;
Горятъ, отъ дыма мрутъ, полусожженны тонутъ:
Герои Сѣвера, виновники сихъ бѣдъ,
Какъ претерпѣвши вредъ,
Какъ побѣжденны стонутъ!

Кто тучу сей бѣды, о Небо! имъ наслалъ?
Что вижу я? Ихъ вождь полмертвъ межь ними палъ!
Отъемлется отъ нихъ, кто больше всѣхъ имъ нуженъ!
Онъ палъ; здѣсь щитъ, тамъ мечь, тамъ шлемъ его главы!
Печалїю, увы!
Герой обезоруженъ.

Пришедъ въ себя, и мракъ отъ мыслей отрясся,
Онъ, руки на суда расторженны взнося,
„Мой братъ . . . . о Небо! рекъ, плачевнѣйша утрата!
„Воздвигнемъ паруса, о други! полетимъ,
„Умремъ, иль отомстимъ:
„Въ Стамбулѣ взыщемъ брата!“

Летитъ. . . . Смягчись, Герой! судъ Промысла правдивъ;
Твой братъ, твой храбрый братъ, и съ нимъ Спиридовъ живъ.
Не Делфинъ на хребтѣ, то Небо ихъ спасаетъ,
Которое, твой духъ и подвиги любя,
Симъ страхомъ днесь тебя
Толь строго искушаетъ.

Изчезла, какъ туманъ, безвременна мечта,
Сїяетъ полная побѣды красота.
Тамъ гласомъ радости въ восторгѣ всѣ взываютъ;
Объемлютъ всѣ вождя и друга своего,
Лобзая, зракъ его
Слезами омываютъ!

„Когда нашъ громъ, гласятъ, не вовсе истощенъ,
„И Небо насъ хранитъ: Россъ будетъ отомщенъ!
„Мы живы, сопостатъ сторицею утращитъ;
„Мы живы, вновь должна вострепетать земля;
„Онъ гибель корабля
„Всемъ флотомъ намъ заплатитъ.“

Что тако озаренъ средь темной ночи понтъ?
Не Фебъ ли ускорилъ взлетѣть на горизонтъ?
Нѣтъ! вижду: мстятъ врагамъ разгнѣванные Россы!
Ихъ это, ихъ горятъ торжественны огни!
Секвана! встань, взгляни,
Какъ гибнутъ чалмоносцы!

Тамъ портъ вмѣстилище неизреченныхъ мукъ;
Тамъ сѣра, огнь, смола, смрадъ дыма, вопль и звукъ,
Реветъ разинувъ тамъ рокъ челюсти несыты,
Геенна носится по хладной быстринѣ,
Мятутся въ глубинѣ
Встревоженные киты;

Клокочетъ, какъ котелъ, вздымаясь океанъ,
Багрѣетъ, аки кровь, весь трупами устланъ!
Ихъ жретъ мутясь волна, ихъ жретъ свирѣпый пламень!
Восхитивъ сѣрный прахъ въ воздушную страну,
Бросаетъ вдругъ ко дну,
Какъ олово, какъ камень!

О горьнихъ сонмъ смертей! о грозный, лютый часъ!
Тамъ всѣ стихіи вдругъ... Прерви свой, Муза, гласъ,
И страшный адъ, гдѣ твой и смертныхъ врагъ страдаетъ,
Скоряй завѣсою молчанія закрой:
Я вижду — тамъ Герой
Отъ жалости рыдаетъ!

Великій именемъ, Великій дѣломъ Петръ!
Спустися съ высоты на низкость водныхъ нѣдръ;
Воззри на чудеса, Твоимъ рожденны ботомъ!
Какъ въ собственномъ Махметъ пристанищѣ горитъ;
Надъ Росскимъ какъ паритъ
Трубяща Слава флотомъ!

Нептуна Бельту зрѣлъ Тебя Копенгагенъ;
Теперь Твой грозный флагъ близь Чесмскихъ вѣетъ стѣнъ,
Готовитъ ужасъ несть на понтъ нещастной Геллы;
Со страхомъ близкую внимающа напасть,
Ужь Смирна хочетъ пасть;
Трясутся Дарданеллы!

Крѣпи, и громомъ ихъ, сколь можешь, Галлъ, снабжай,
Себѣ и своему студъ роду умножай;
Прапрадѣды твои въ непросвѣщенны лѣта
Въ слѣдъ Римлянина шли въ далекій Юга край;
Ты днесь воюешь втай
На Россовъ за Махмета!

Но гдѣ невинность, тамъ споспѣшество Небесъ;
Екатерина гдѣ, тамъ будетъ перевѣсъ.
Когда подпора царствъ Монархи суть доброты,
Намъ, намъ въ подсолнечной всѣхъ паче должно цвѣсть;
Завистна наша честь;
Недвижимы оплоты.

Еще, Орелъ, еще воздвигнись, воскрылись;
Не вѣетъ ли гдѣ флагъ Турецкій, обозрись.
Чесмеской гаснетъ портъ, да новой воскурится;
Смущай пучину волнъ въ противничей крови,
Топи ихъ, жги и рви,
Да злоба усмирится!

Судьбой возставленъ ты отъ смертнаго одра
Для многихъ щастія, для общаго добра;
Судьбой внезапу сталъ вождь флота непостыденъ,
И безопасности чужой и нашей стражъ:
О Римляне! намъ вашъ
Дуилій не завиденъ.

Мы столбъ изъ мрамора воздвигнемъ къ небеси,
Сводъ Средьземныхъ ты корысти къ намъ неси,
Пріобрѣтенныя близь Хіоса трофеи;
То будетъ нашей знакъ побѣды межь валовъ,
То честь тебѣ, Орловъ,
Содѣйственникъ Астреи!

О естьли бы мой духъ, тобой плѣненный духъ,
Съ великостью твоихъ къ отечеству заслугъ,
Съ горящей ревностью души твоей сравнился:
Ты въ новыхъ бы стихахъ Героемъ былъ моимъ,
Со Гамой бы своимъ
Камоенсъ посрамился!

Подъ именемъ внести къ невѣждамъ свой законъ.
Съ избраннымъ воинствомъ, какъ дерзостный Язонъ,
Онъ шелъ злато руно въ чужой землѣ похитить:
Потрясшаго законъ ты идешь потрясти,
Отечество спасти,
И Грецію защитить.

Пускай воспѣть тебя я слабъ, не дерзновенъ:
Но подвигъ твой во вѣкъ пребудетъ незабвенъ.
Героевъ смертныхъ родъ по долгу величаетъ;
Кто любитъ отчество, Монархиню, себя,
Тотъ лаврами тебя
Отсутственна вѣнчаетъ.

Но естьли, обуздавъ неистовство врага,
На вѣкъ сломивъ Луны гордящейся рога,
Со славой Бельта ты пройдешь врата широки:
Кто, слыша вашъ поѣздъ и усмотря съ земли
Россійской флагъ вдали,
Удержитъ слезъ потоки!

Я зрю текущій вамъ во срѣтенье народъ,
Отягощенный нашъ корыстьми Юга флотъ;
Тамъ дѣвы, юноши и старцы поспѣшаютъ;
Тамъ дѣти, веселясь и перстомъ возводя
На храбраго вождя,
У рождшихъ вопрошаютъ:

„Не сей ли, что орломъ по безднѣ водъ летали,
„Россійскіе огни въ Турецкой флотъ металъ,
„Багровилъ синій понтъ кровьми иноплеменныхъ?
„Не онъ ли именемъ и ревностью Орловъ,
„Кичливыхъ бичь враговъ,
„И слава современныхъ?

„Онъ, онъ! являетъ то и взоръ его и станъ;
„Онъ здѣсь, а тамъ еще дымится океанъ!
„Се братъ его, что текъ въ кровавы первый бои!
„Се грозный варварамъ, Спиридовъ, исполинъ!
„Се Грейгъ, и съ нимъ Ильинъ,
„Нетрепетны Герои!"

Но что вѣщаю я, мечтаній лестныхъ полнъ?
Орлы мои еще среди Азійскихъ волнъ!
Я мыслію одной на ихъ взираю слѣды
Чрезъ горы, чрезъ моря, чрезъ токи многихъ рѣкъ.
О громкій бранью вѣкъ!
Неслыханны побѣды!

И море и земля и высота небесъ
Екатерининыхъ свидѣтели чудесъ.
Балтійскихъ волнъ брегамъ власть Павлова невмѣстна;
Въ Немъ чтитъ Архипелагъ Нептуна своего;
Наслѣдіе Его
Не Сѣверъ, Поднебесна!

Петровъ.

XXVII.

НА СМЕРТЬ К. МЕЩЕРСКАГО.

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой странный гласъ меня смущаетъ:
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ — и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молнїей, косою блещетъ,
И дни мои какъ злакъ сѣчетъ.

Ни что отъ роковыхъ когтей,
Ни кая тварь не убѣгаетъ;
Монархъ и узникъ снѣдь червей,
Гробницы злость стихїй снѣдаетъ;
Зїнетъ время славу стерть;
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна смерть.

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Прїемлемъ съ жизнью смерть свою;
На то, чтобъ умереть, родимся.
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мїрамъ она грозитъ.

Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ;
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій! ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился;
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣжь онъ? — Онъ тамъ. — Гдѣ тамъ? —
Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ:
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.

Глядитъ на всѣхъ — и на Царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златъ и сребрѣ кумиры;

Глядитъ на прелесть и красы;
Глядитъ на разумъ возвышенный;
Глядитъ на силы дерзновенны,
И точитъ лезвее косы.

Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы гордость, съ бѣдностью совмѣстна;
Сего дня богъ, а завтра прахъ;
Сего дня льститъ надежда лестна,
А завтра: гдѣ ты, человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Изчезла и моя ужь младость;
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость;
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ;
Желаніемъ честей размученъ,
Зоветъ, я слышу, славы шумъ.

Но такъ и мужество пройдетъ
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минетъ,
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою
Подите щастьи прочь возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Сей день, иль завтра умереть,
Перфильевъ! должно намъ конечно:
Почтожь терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть Небесъ мгновенный даръ:
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

Державинъ.

XXVIII.

ЕРМАКЪ

Какое зрѣлище предъ очи
Представила ты, древность, мнѣ?
Подъ ризою угрюмой ночи,
При блѣдной въ облакахъ лунѣ,
Я зрю Иртышь: крутитъ, сверкаетъ,
Шумитъ, и пѣной подмываетъ
Высокой берегъ и крутой;
На немъ два мужа изнуренны,
Какъ тѣни въ адѣ заключенны,
Сидятъ, склонясь на длань главой.
Единый младъ, другій съ брадой
Сѣдою и до чреслъ висящей;
На каждомъ вижу я нарядъ,
Во ужасъ сердце приводящей!
Съ булатныхъ шлемовъ ихъ висятъ
Со всѣхъ сторонъ хвосты змѣины
И вѣютъ крылія совины;
Одежда изъ звѣриныхъ кожъ;
Вся грудь обвѣшена ремнями,
Желѣзомъ ржавымъ и кремнями:
На поясъ широкій ножъ,
У стопъ же два лежатъ тимпана
И два повержены копья. —
То два Сибирскіе Шамана,
И ихъ слова внимаю я.

Старецъ.

Шуми, Иртышъ! реви ты съ нами,
И вторь плачевнымъ голосамъ!
На вѣкъ отвержены богами!
О горе намъ!

Младый.

О горе намъ!
О страшная для насъ невзгода!

Старецъ.

О ты, которыя вѣнецъ
Поддерживали три народа,
Гремѣвши міра по конецъ!
О сильна, древняя Держава!
О матерь нѣсколькихъ племенъ!
Прошла твоя, изчезла слава!
Сибирь! и ты познала плѣнъ!

Младый.

Твои народы разточенны,
Какъ вихремъ возмятенный прахъ;
И самъ Кучумъ, гроза вселенны,
Твой Царь, погибъ въ чужихъ пескахъ!

Старецъ.

Священные твои Шаманы
Скитаются въ глуши лѣсовъ . . .
На толь судили вы, Шайтаны!
Достигнуть бѣлыхъ мнѣ власовъ,
Чтобъ я, столѣтній вашъ служитель,
Стеналь и въ прахъ, бывши зритель
Паденья тысячь вашихъ чадъ?

Младый.

И отъ когожь, о боги! пали?

Старецъ.

Отъ горсти Рускихъ! . . . Моръ и гладъ,
Почто Сибирь вы не пожрали?
Ахъ, лучшебъ трусъ, потопъ иль громъ
Всемощны на нее послали,
Чѣмъ быть попранной Ермакомъ!

Младый.

Бичемъ и ужасомъ Природы! . . . .
Кляните вы его всякъ часъ,
Сибирски горы, холмы, воды:
Онъ вѣчный мракъ простеръ на васъ!

Старецъ.

Онъ шелъ, какъ столпъ, огнемъ палящій,
Какъ лютый мразъ, все вкругъ мертвящій:
Куда стрѣлу ни посылалъ,
Повсюду жизнь предъ ней блѣднѣла
И страшна смерть во слѣдъ летѣла!

Младый.

И Царскій братъ предъ нимъ упалъ!

Старецъ.

Я зрѣлъ съ нимъ бой Мегмета-Кула,
Сибирскихъ странъ богатыря;
Разсыпавъ стрѣлы всѣ изъ тула
И вящшимъ жаромъ возгоря,
Извлекъ онъ саблю смертоносну:
„Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь поносну

Влачить мнѣ въ плѣнѣ! онъ сказалъ —"
И въ мигъ на Ермака напалъ.
Ужасный видъ! они оразились;
Ихъ сабли молнїей блестятъ,
Удары тяжкїе творятъ,
И обѣ разомъ сокрушились.
Они въ ручной вступили бой:
Грудь съ грудью и рука съ рукой,
Отъ вопля ихъ дубравы воютъ;
Они стопами землю роютъ;
Уже съ нихъ сыплетъ потъ, какъ градъ;
Уже въ нихъ сердце страшно бьется
И ребра обоихъ трещатъ;
То сей, то оный на бокъ гнется,
Крутятся, и . . . Ермакъ сломилъ.
„Ты мой теперь! онъ возопилъ:
И все отнынѣ мнѣ подвластно!"

Младый.

Сбылось пророчество ужасно!
Плѣнилъ, попралъ Сибирь Ермакъ!...
Но что! уже ли стонъ сердечный
Гонимыхъ будетъ . . . .

Старецъ.

Вѣчный! вѣчный!
Внемли, мой сынъ: вчера во мракъ
Глухихъ лѣсовъ я углубился,
И тамо съ пламенной душой
Надъ жертвою богамъ молился;
Вдругъ вѣтръ возсталъ и поднялъ вой;
Съ деревьевъ листья полетѣли,
Столѣтни дубы заскрыпѣли,

И вихрь закланныхъ серпъ унесъ!
Я палъ, и слышу гласъ съ небесъ:
„Неукротимъ, ужасенъ *Рача*,
Когда казнитъ вселенну онъ:
Сибирь, отвергша мой законъ!
Пребудь вовѣкъ, стоная, плача,
Рабыней *Бѣлаго Царя!*
Да свѣтлая тебя заря
И черна ночь въ цѣпяхъ застанетъ!
А слава грозна Ермака
И чадъ его да вѣкъ не вянетъ,
И будетъ подъ луной громка!"
Умолкнулъ гласъ, и громъ трикратно
Протекъ по бурнымъ небесамъ. — —
Увы! погибли невозвратно!
О горе намъ!

М л а д ы й.

О горе намъ!" —
Потомъ, съ глубокимъ сердца вздохомъ,
Возставъ съ камней, обросшихъ мохомъ,
И снявъ орудія съ земли,
Они вдоль брега потекли
И вскорѣ скрылися въ туманѣ.

„Миръ праху твоему, Ермакъ!
Да увѣнчаютъ Россіяне
Изъ злата вылитый твой зракъ,
Изъ ребръ Сибири източенна
Твоимъ булатнымъ копіемъ!
Но что я рекъ, о тѣнь забвенна!
Что рекъ въ усердіи моемъ?
Гдѣ обелискъ твой? Мы не знаемъ,
Гдѣ даже прахъ твой былъ зарытъ.
Увы! онъ вепремъ попираемъ

Или Остякъ по немъ бѣжитъ
За ланью быстрой и рогатой,
Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернатой.
Но будь утѣшенъ ты, Герой!
Парящій стихотворства Геній
Всякъ день съ Авророю златой,
Въ часы божественныхъ явленій,
Надъ прахомъ плаваетъ твоимъ
И сладку пѣснь гласитъ надъ нимъ:

„Великій! гдѣбъ ты ни родился,
Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ,
Твой подвигъ жизни совершился;
Хотябъ изчезъ твой самый прахъ,
Хотябъ сыны твои, потомки,
Забывъ дѣянья предка громки,
Скитались въ дебряхъ и лѣсахъ,
И жили съ алчными волками:
Но ты, великій человѣкъ!
Пойдешь въ ряду съ Полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ:
И славы лучь твоей затмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалится,
И Время на косу падетъ."

Дмитріевъ.

A

Π

ЛИРІЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ,

ПѢСНИ, РОМАНСЫ и БАЛЛАДЫ.

Tantot, comme une abeille, ardente à son ouvrage,
Elle (*l'ode*) s'en va de fleurs depouiller le rivage:
Elle peint les feſtins, les danses et les ris;
Vante un baiser, cueilli sur les levres d'Jris,
Qui mollement resiste et par un doux caprice
Quelquefois le refuse, afin, qu'on le ravisse.

BOILEAU.

ПЕРЕВОДЪ ЭПИГРАФА.

Иногда, подобная прилѣжной пчелѣ, съ цвѣтка на цвѣтокъ перелетающей, она (*Ода*) или изображаетъ веселые праздники, пляски и смѣхи, или поетъ поцѣлуй, сорванный съ пламенныхъ устъ Ирисы, которая защищается слабо и, отказывая въ немъ, милымъ упорствомъ своимъ принуждаетъ его похитить.

Буало.

ПѢСНИ, РОМАНСЫ и БАЛЛАДЫ.

I.

Выйду я на рѣченьку,
Погляжу на быструю —
Унеси мое ты горе,
Быстра рѣченька съ собой!

Нѣтъ! унесть съ собой не можешь
Лютой горести моей,
Развѣ грусть мою умножишь,
Развѣ пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью своему,
Мысль за мыслію стремится
Всё къ предмету одному.

Ноетъ сердце, занываетъ,
Страсть мучительну тая;
Кѣмъ страдаю, тотъ не знаетъ,
Терпитъ что душа моя.

Чѣмъ же злую грусть разсѣю,
Сердце успокою чѣмъ? —
Не хочу и не умѣю
Въ сердцѣ быть властна моемъ.

Милой мой имъ обладаетъ;
Взглядъ его — мой весь законъ.
Томный духъ пусть вѣкъ страдаетъ,
Лишь бы милъ всегда былъ онъ.

Лучше вѣкъ въ тоскѣ пребуду,
Чѣмъ его мнѣ позабыть.
Ахъ! коль милаго забуду,
Кѣмъ же стану, кѣмъ же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему.
Сердца каждое бїенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А въ душѣ всегда ношу!
Ты, кѣмъ вижу, кѣмъ пылаю,
Кѣмъ я мышлю и дышу!

Не почувствуй ты досады,
Какъ дойдетъ мой стонъ къ тебѣ;
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбѣ.

Естьлижь то найдешь возможнымъ,
Силу чувствъ моихъ измѣрь;
И привѣтствїемъ хоть ложнымъ
Адъ души моей умѣрь!

Нелединскїй.

II.

Ахъ, когдабъ я прежде знала,
Что любовь родитъ бѣды,
Веселясь бы не встрѣчала
Полунощныя звѣзды;
Не лилабъ отъ всѣхъ украдкой
Золотова я кольца;
Не былабъ въ надеждѣ сладкой
Видѣть милаго льстеца!

Къ удаленію удара,
Въ лютой, злой моей судьбѣ,
Я слилабъ изъ воска яра
Легки крылышки себѣ,
И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нѣжно, нѣжно бы взглянула
Хоть однажды на него;

А потомъ бы улетѣла
Со слезами и тоской,
Подгорюнившись бы сѣла
На дорогѣ я большой;
Возрыдалабъ, возопила:
Добры люди! какъ мнѣ быть?
Я невѣрнаго любила —
Научите не любить!

Дмитріевъ.

III.

НА СМЕРТЬ ДОЧЕРИ.

Уже со тьмою нощи
Простерлась тишина;
Выходитъ изъ-за рощи
Печальная луна.
Я лиру томно строю
Пѣть скорбь, обѣявшу духъ —
Прійди грустить со мною,
Луна, печальныхъ другъ!

*

У хладной сей могилы,
Подъ тѣнью древъ густыхъ,
Внемли мой вопль унылый
И вздоховъ стонъ моихъ.
Здѣсь дочери любезной
Прахъ милый погребенъ;
Я лить надъ нимъ токъ слезной
На вѣки осужденъ.

*

Подобно розъ нѣжной
Ты, дочь моя, цвѣла;
Ты въ жизни сей мятежной
Мнѣ другъ, мнѣ всё была.
Теперь, тебя теряя,
Осталось жизнь скончать;
Иль, скорбью грудь терзая,
Всечасно умирать.

*

Но пѣсни сей плачевной
Прервать я долженъ стонъ;
Слезами омоченной,
Нѣмѣетъ лиры звонъ.
Безмолвною тоскою
Сильнѣй тѣснится духъ —
Приди жь грустить со мною,
Луна, печальныхъ другъ!

Капнистъ.

IV.

Я вечоръ въ лугахъ гуляла,
Грусть хотѣла разогнать,
И цвѣточковъ тамъ искала,
Чтобы къ милому послать.

*

Долго, долго я ходила:
Погасалъ ужь солнца свѣтъ;
Всѣ цвѣточки находила,
Одного лишь нѣтъ какъ нѣтъ!

*

Нѣтъ! цвѣточка дорогова
Я въ долинахъ не нашла;
Безъ цвѣточка голубова
Я домой - было пошла;

*

Шла домой съ душой унылой;
Недалеко отъ ручья,
Вижу вдругъ цвѣточикъ милой:
Вмигъ его сорвала я!

*

Незабудочку сорвала —
Слезы покатились вдругъ;
Я вздохнула и сказала:
Не забудь меня, мой другъ!

Не дари меня ты златомъ,
Подари лишь мнѣ себя;
Что въ подаркѣ мнѣ богатомъ?
Ты скажи: люблю тебя!

К. Г. Хованской.

V.

ЧУВСТВО ДРУЖБЫ.

Въ рощахъ здѣшнихъ воспѣваетъ
На кусточкѣ соловей;
Онъ мнѣ, слышится, вѣщаетъ:
„Нѣтъ здѣсь, нѣтъ твоихъ друзей!“

Травка, былїе, цвѣточикъ,
Желты класы, видъ полей,
Всякой мнѣ твердитъ листочикъ:
„Нѣтъ здѣсь, нѣтъ твоихъ друзей!“

Межь зелеными брегами
Тихо катится ручей;
Слышу, онъ журчитъ струями:
„Нѣтъ здѣсь, нѣтъ твоихъ друзей!“

На поля Зефиры мчатся,
И опять летятъ съ полей;
Шумомъ ихъ слова твердятся:
„Нѣтъ здѣсь, нѣтъ твоихъ друзей!“

❖

Пастухи бѣгутъ ко стаду,
Всякъ съ подружкою своей;
Мнѣ твердятъ, рѣзвясь, въ досаду:
„Нѣтъ съ тобой твоихъ друзей!“

❖

Нѣтъ ихъ, нѣтъ со мной конечно,
Нѣтъ моихъ веселыхъ дней;
Лишь мученіе сердечно
Мнѣ осталось безъ друзей!

❖

Въ дружбѣ сладость заключенна,
Вся отрада жизни въ ней;
Въ сердцѣ радость умерщвленна,
Все противно безъ друзей!

❖

Я безъ васъ, друзья любезны,
Лишена утѣхи всей!
Лейтесь, лейтесь, токи слезны!
Нѣтъ со мной моихъ друзей!

К. К. у—а.

VI.

Пусть кто хочетъ пишетъ оды,
Или критику на моды:
Я-такъ пѣсенку пою
Про голубушку свою.

Пусть богатый веселится,
Пусть богатствомъ онъ гордится:
Я-такъ пѣсенку пою
Про голубушку свою.

Пусть чиновъ кто хочетъ ищетъ
И по крыльцамъ барскимъ рыщетъ:
Я-такъ пѣсенку пою
Про голубушку свою.

Пусть военный побѣждаетъ,
А философъ разсуждаетъ:
Я-такъ пѣсенку пою
Про голубушку свою.

Пусть игрокъ въ бостонъ играетъ,
Время жизни убиваетъ:
Я-такъ пѣсенку пою
Про голубушку свою.

Пусть всякъ дѣлаетъ, что хочетъ,
Пусть хоть плачетъ, хоть хохочетъ:
Я-такъ пѣсенку пою
Про голубушку свою.

К. Г. Хованской.

VII.

РОМАНСЪ.

Намедни, въ рощицѣ гуляя,
Гдѣ птички порхали однѣ,
И пѣснямъ соловья внимая,
Вдругъ что-то грустно стало мнѣ.

Невольно отъ души вздохнувши,
Я къ свѣтлой рѣчкѣ подошелъ,
И на вѣтвистой дубъ взглянувши,
На берегѣ подъ тѣнью сѣлъ.

Луна свой видъ изображала
Въ студеной, зеркальной рѣкѣ,
И тихи воды посребряла;
И соловей пѣлъ вдалекѣ;

То громко пѣлъ, то тихо, нѣжно,
То жалобно онъ тосковалъ.
Я, слушая пѣвца прилѣжно,
Сидѣлъ задумавшись, мечталъ.

Но вдругъ, по рощицѣ летая,
На дубъ вѣтвистой онъ взлетѣлъ,
И душу томну услаждая,
Еще, еще нѣжнѣй запѣлъ.

Изъ глазъ тутъ слезы покатились,
И облегчили грудь мою;
Слезами чувства обновились —
Пѣвецъ! сказалъ я соловью:

Ужель и ты нещастье знаешь?
Любезной, милой соловей!
Иль только мнѣ лишь сострадаешь
Въ печальной участи моей?

Я матери, отца лишился,
И младость въ сиротствѣ влачилъ;
Теперь — жестокою плѣнился,
Надежды нѣтъ . . . но полюбилъ! . . .

А ты, мой другъ, о чемъ сгрустился?
Почто напѣвъ твой такъ, унылъ? —
„Я съ милой, съ милой разлучился!
„Я только для нее и жилъ!

„Она вечоръ мнѣ измѣнила;
„Я муку лютую терплю!
„Она другова полюбила,
„А я такъ всё ее люблю!“

Пропѣлъ, умолкъ, вспорхнулъ, помчался
Свою невѣрную искать;
А я на бережку остался
Одинъ по милой тосковать.

И благотворный сонъ на время
Плѣниру предо мной явилъ. . . .
Проснулся я — и скорьби бремя
Еще сильнѣе ощутилъ.

К. Г. Ховланской.

VIII.

Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ,
Пора теперь мнѣ видѣть свѣтъ:
Въ деревнѣ всѣ мои подружки
Разумны стали другъ отъ дружки:
Пора теперь мнѣ видѣть свѣтъ.

Пригожей всѣ меня зовутъ;
Мнѣ надобно подумать тутъ:
Какъ должно въ полѣ обходиться,
Когда пастухъ придетъ любиться;
Мнѣ надобно подумать тутъ.

Онъ скажетъ: я тебя люблю,
Любовь и я ему явлю;
И тѣжь ему скажу три слова,
Въ томъ нѣтъ урона никакова;
Любовь и я ему явлю.

Мнѣ случай этотъ вовсе новъ,
Не знаю я любовныхъ словъ;
Попроситъ онъ любви задатокъ:
Что дать? Не знаю я ухватокъ,
Не знаю я любовныхъ словъ.

Далабъ ему я посохъ свой:
Мнѣ посохъ надобенъ самой,
И чтобъ звѣрей остерегаться,
Съ собачкой мнѣ не льзя разстаться;
Мнѣ посохъ надобенъ самой.

Въ пустой и скучной сторонѣ
Свирѣлки также нужны мнѣ.

Овечку бъ дать ему я рада,
Когда бы не считали стада;
Свирѣлки также нужны мнѣ.

Я помню, какъ была мала,
Пастушка поцѣлуй дала:
Не ужь ли пастуху въ награду
За прежнюю его досаду
Пастушка поцѣлуй дала? —

Любовь, владычица сердецъ,
Какъ быть, научитъ наконецъ;
Любовь своей наградой платитъ,
И даромъ стрѣлъ своихъ не тратитъ;
Какъ быть, научитъ наконецъ.

Пастушка говоритъ тогда:
Пускай пастухъ придетъ сюда!
Чтобъ не было убытка стаду,
Я сердце дамъ ему въ награду,
Пускай пастухъ придетъ сюда.

Богдановичь.

IX.

Стонетъ сизый голубочикъ,
Стонетъ онъ и день и ночь;
Миленькой его дружочикъ
Отлетѣлъ надолго прочь.

Онъ ужь болѣ не воркуетъ,
И пшенички не клюетъ;
Всё тоскуетъ, всё горюетъ,
И тихоньхо слезы льетъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепорхиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждётъ ее . . . увы! но тщетно
Знать судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко травкѣ прилегаетъ,
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужь не стонетъ, не вздыхаетъ,
Голубокъ — на вѣкъ уснулъ!

Вдругъ голубка прилетѣла
Пріунывъ издалека;
Надъ своимъ любезнымъ сѣла —
Будитъ, будитъ голубка.

Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
Ходитъ милаго вокругъ;
Но . . . увы! прелестна Хлоя!
Ужь не встанетъ милый другъ.

Дмитріевъ.

X.

КЪ ЦВѢТКУ.

О цвѣточикъ ароматный!
Гдѣ ты, гдѣ теперь цвѣтешь?
Гдѣ ты запахъ свой пріятный,
Животворный въ воздухъ льешь?
Чьи ты взоры восхищаешь
Милой, нѣжной красотой?
Чье жилище украшаешь,
Мой цвѣтокъ, теперь собой?

Съ мѣстъ, украшенныхъ весною,
Гдѣ ты взросъ и разцвѣталъ,
Не суровою ль рукою
Пересаженный увялъ?
Можетъ быть, что не прилѣжно
Охраняли твой покой;
Можетъ быть, не знали нѣжно
Обращаться тамъ съ тобой!

Иль хотя и разцвѣтаешь,
Но въ простыхъ цвѣтахъ забытъ;
Никого не восхищаешь;
Одинокъ, отъ всѣхъ сокрытъ;

Коль цѣны твоей не знаютъ,
Не цвѣтешь, а сохнешь ты:
Такъ томятся, увядаютъ
Средь нещастій красоты!

❊

Ты достоинъ красотою
Лишь въ фарфорахъ разцвѣтать,
Въ хрусталѣ плѣнять собою,
И чертоги украшать.
Но судьба не позволяетъ,
Чтобъ тебѣ въ сей долѣ быть:
Не всегда щастливъ бываетъ,
Кто достоинъ въ щастьѣ жить!

❊

О цвѣточикъ несравненной!
Естьлибъ рокъ не воспретилъ,
Чтобъ красы твоей безцѣнной
Обладателемъ я былъ:
Никому бъ тебя не ввѣрилъ,
Самъ хранилъ бы твой покой;
Нѣжилъ бы тебя, лелѣилъ,
Восхищался бы тобой!

❊

Ты своею красотою
Всѣ цвѣты бы помрачалъ;
Я гордился бы тобою,
Ты всегда бъ меня плѣнялъ! . . . .
Сердце такъ мое ласкалось,
Рокъ инако быть велѣлъ:
Мѣсто лишь одно осталось,
Гдѣ, цвѣточикъ мой, ты цвѣлъ!

XI.

КРАСОТА И УБОРЪ.

Красотой твоей плѣняться
Безъ нарядовъ можетъ взоръ,
Можетъ сердце восхищаться:
Такъ на чтожь тебѣ уборъ?

*

Перлы, камни дорогіе,
Пышный, блещущій нарядъ,
Тонки ткани золотые —
Вѣры, не сердца плѣнятъ.

*

Пусть другія ослѣпляютъ
Блескомъ, пышностью такой;
Тѣ нарядами плѣняютъ,
Ты плѣняешь лишь собой.

XII.

„Съ душевной пустотою
Не льзя на свѣтѣ жить!
Я думалъ самъ съ собою:
„Мы созданы любить!“

*

И пламень ощущая
Въ груди моей, мечталъ,
Что Лизой обладая,
Я рай вкушать бы сталъ.

*

Вкусилъ; но, ахъ! Лизета,
Какъ бабочка весной,
Летая въ вихрѣ свѣта,
Простилася со мной!

*

Темира взоромъ страстнымъ
Сказала мнѣ: *ты милъ*!
Я щастїемъ напраснымъ
Еще себѣ польстилъ. . . .

*

Темира лишь въ искуствѣ
Плѣнять собою всѣхъ,
Не въ нѣжности, не въ чувствѣ
Находитъ ключь утѣхъ.

*

Я горестной слезою
Свой жребїй укорилъ . . .
Душой съ другой душою
Онъ жить мнѣ не судилъ!

К. Шаликовъ.

XIII.

Темира нѣкогда велѣла
На голосъ пѣсенку сложить;
Темира съ жалобою пѣла,
Что скучно безъ любови жить.

„Тебяль бѣжитъ любовь, Темира?
Амуръ, услыша то, сказалъ,
„Тебѣ ли знать печали міра?
Тебѣ я лукъ и стрѣлы далъ.

„Я скукѣ запретилъ касаться
Тобой украшеннымъ мѣстамъ;
Гдѣ ты желаешь утѣшаться,
Вездѣ присутствую я тамъ.

„Твоей улыбкой ободренна,
Природа вся смѣется вкругъ;
Твоимъ весельемъ восхищенна,
Сама печаль запляшетъ вдругъ.“

Богдановичъ.

XIV.

НАСЛАЖДЕНІЕ.

Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ.
Лавры! васъ я не ищу;
Я и мирточкой доволенъ,
Коль отъ милой получу.

Будь мудрецъ свѣтиломъ міра,
Будь Герой вселенной страхъ:
Рано ль, поздно ли, Темира!
Всякъ истлѣетъ, будетъ прахъ.

Розы ль дышутъ надъ могилой,
Иль полынь на ней растетъ:
Всё равно, о другъ мой милой!
Въ прахъ чувствія ужь нѣтъ.

Прочь же, скука! прочь забота!
Вспламеняй, любовь, ты насъ!
Дни текутъ безъ поворота;
Дорогъ, дорогъ каждый часъ!

Можетъ быть въ сію минуту,
Милый другъ! всесильный рокъ
Посылаетъ Парку люту
Дней моихъ прервати токъ:

Ахъ! почто же медлить болѣ
И съ тоскою ждать конца?
Насладимся мы, доколѣ
Бьются въ насъ еще сердца!

Дмитріевъ.

XV.

МОТЫЛЕКЪ И РОЗА.

Алой розою плѣнился
Златокрылой мотылёкъ;
Всё надъ нею онъ кружился,
Всё манилъ его цвѣтокъ.

„*Розы колятся!*“ вѣщаетъ
Здравый разумъ мотылку.
Красота превозмогаетъ
И влечетъ его къ цвѣтку.

(Ахъ, не въ нашей сердце власти!
Любимъ, сладко намъ любить! —
Долго боремся, но страсти
Разумъ долженъ уступить.)

„*Быть не можетъ!*“ обольщенный
Мотылёкъ себѣ сказалъ;
И любовью увлеченный,
Розу онъ облобызалъ.

Отклонися отъ опасной!
Бойся розы страшныхъ иглъ! . . . .
Поздо! — Мотылёкъ нещастной
Съ поцѣлуемъ . . . смерть вкусилъ!

Въ полѣ пусть никто не льстится
Розу безъ шиповъ найти;
Кто уколовъ быть страшится,
Близко къ ней не подходи!

XVI.

КЪ ЦИТРѢ.

Въ часъ полночи, сердцу милой,
Цитра нѣжная, играй,
И мелодїей унылой
Сердце страстное питай.
Пой, какъ съ розой разцвѣтала
Въ юномъ сердцѣ страсть весной;
Щастье съ розой вмигъ увяло...
Я остался сиротой!
Тишежь, тише, цитра мила!
Съ сердцемъ вмѣстѣ будь унылa;
Томною заставь игрой
Призадуматься съ собой.
И луны лучи златые
Пусть играютъ въ сихъ слезахъ!
Ахъ! видала ты иные,
О луна! въ моихъ глазахъ.
Таковы ли тѣ бывали,
Подъ окномъ когда съ драгой
Мы другъ друга восхищали
И собою и тобой?
Болѣ нѣтъ ихъ — истощились
Всѣ съ весеннею росой;
По щекамъ моимъ катились
Слезы горести одной.
Скороль, цитра, другъ мой милой!
Подъ мелодїю твою,
Въ часъ полуночи унылой,
Съ другомъ слезы я пролью?

К. П. Гагаринъ.

XVII.

Все мило предо мною,
Когда я Нисѣ милъ;
Но я презрѣнъ тобою,
И цѣлой свѣтъ постылъ!
Нѣтъ сердцу утѣшенья
Безъ сердца твоего!
Бѣды и огорченья
Терзаютъ лишь его.

*

Въ твоихъ, бывало, взорахъ
Я страсть твою читалъ,
И въ нѣжныхъ разговорахъ
Тьму радостей вкушалъ.
Но полно, полно вѣрить
Мнѣ взору твоему!
Коль Ниса лицемѣритъ,
Не вѣрю ни чему!

*

Утѣхи, рай, блаженство
Въ одной я Нисѣ зрѣлъ;
Всему я совершенство
Въ тебѣ найти хотѣлъ:
Изчезло заблужденье,
И съ нимъ изчезъ покой;
И, страсти въ награжденье,
Оставленъ я тобой!

В. Пушкинъ.

XVIII

РОЩА.

Опять въ твоей прохладной тѣни,
О роща милая моя!
На мягкой дерновой постели
Пришелъ вкусить спокойство я;
И тихо жалобы сердечны
Твоей глубокой тишинѣ
Ввѣрять опять. . .. Ахъ! слезы вѣчны
Судьбой назначено лить мнѣ! . . .
Твое печальное, уныло,
О роща! время протекло:
Весны дыханье оживило
Тебя — и въ радость облекло.
Ужь ты красуешься цвѣтами,
Журчащими межь нихъ ручьями,
И зеленью плѣняешь взоръ;
Уже гремитъ пернатыхъ хоръ
Въ кудрявыхъ липъ твоихъ вершинахъ;
На древнихъ вязахъ и осинахъ;
Ужь ты зовешь меня къ себѣ —
Ахъ! я пришелъ, пришелъ къ тебѣ;
Но съ тою жь грустію, тоскою,
Въ которой видѣла меня
Ты прошлою, мой другъ, весною,
Своимъ мнѣ эхомъ состеня! . . .
Мой рокъ, увы! не премѣнился,
Печали тѣ же сердце рвутъ;
Веселья лучь въ душѣ затмился,
И дни во мглѣ мои текутъ!

Стени жь опять, стени со мною,
О роща, мой всегдашній другъ!
Разтерзанный судьбы рукою,
Въ тебѣ лишь успокою духъ!

К. П. Шаликовъ.

XIX.

ПОТЕРЯ ДНЯ.

Солнце за горой ужь сѣло,
Лѣсъ зеленый потемнѣлъ;
Съ Хлоей день не видясь цѣлой,
Пригорюнившись сидѣлъ
Въ рощицѣ Миртилъ влюбленный;
Стадо вкругъ его легло.
Онъ, въ печаль свою вперенный,
Гнать его забылъ въ село.

*

Шорохъ каждаго листочка
Внемлющій тревожилъ слухъ,
И дыханье вѣтерочка
Въ трепетъ приводило духъ.
Но уже сгустились тѣни;
Тихо всё—Миртилъ встаетъ,
И въ словахъ сихъ скорбны пени
Съ вздохами изъ сердца шлетъ:

*

„Тщетно, солнце! ты свѣтило,
Тщетно лучь твой мнѣ сіялъ;
Я не видѣлъ Хлои милой;
Этотъ въ жизни день пропалъ.
Роща! ты моя отрада,
Какъ въ тѣни сижу я съ ней!
Безъ нее твоя прохлада
Свѣтъ хладъ въ душѣ моей.

*

„Рощица! пора проститься.
Стадо милое! пойдёмъ;
Поспѣшай ты насладиться
Отъ меня бѣгущимъ сномъ.
Окропился ужь росою
Лугъ, гдѣ съ Хлоей я гулялъ;
А горючею слезою
Мѣсто, гдѣ драгую ждалъ.“

Клинистъ.

XX.

ВОИНЪ СВОЕЙ МИЛОЙ.

Въ чистомъ полѣ, подъ шатрами,
Просто, дружно кто живетъ;
Тотъ не хитрыми словами,
Правдой рѣчь свою ведетъ.

Я не долго собирался
Страсть открыть тебѣ мою;
Покраснѣлъ и замѣшался,
И промолвилъ: *я люблю!*

Я клялся Царю душою
Въ службѣ смерти не робѣть;
Я клянуся жить тобою,
Чтобъ душей твоей владѣть!

Въ знойной день бывалъ я въ полѣ,
Въ стужу зябнулъ я зимой;
Не роптал въ безпечной долѣ
Ни на стужу, ни на зной.

Я отъ зною прохлаждался
На травѣ у ручейка;
Я отъ стужи согрѣвался
Возлѣ ярка огонька.

Но куда бѣжать, укрыться,
Коль престанешь ты любить?
Я не въ силахъ измѣниться:
Въ силахъ — болѣе не жить.

К. П. Гагаринъ.

XXI.

Видѣлъ славный я Дворецъ
Нашей матушки - Царицы;
Видѣлъ я Ея вѣнецъ
И златыя колесницы.

Все прекрасно! я сказалъ,
И въ шалашъ мой путь направилъ;
Тамъ меня мой ангелъ ждалъ,
Тамъ я Лизаньку оставилъ.

Лиза! рай всѣхъ чувствъ моихъ!
Мы не знатны, не велики;
Но, въ обвятїяхъ твоихъ,
Меньшель щастливъ я Владыки?

Царь одинъ веселїй часъ
Милїономъ покупаетъ;
А Природа ихъ для насъ
Вѣчно даромъ расточаетъ.

Пусть пѣвцы не будутъ плесть
Мнѣ похвалъ кудрявымъ складомъ:
Ахъ! сравню ли я ихъ лесть
Милой Лизы съ нѣжнымъ взглядомъ?

Эрмитажъ мой — огородъ;
Скипетръ — посохъ; а Лизета
Моя слава, мой народъ
И всего блаженство свѣта!

Дмитрїевъ.

XXII.

ДРУГУ МОЕМУ.

Кто щастья ищетъ въ свѣтѣ,
Тщеславїе любя:
Тотъ вѣкъ имѣй въ предметѣ
Лишь одного себя!
Но я ищу покою;
Гордынѣ не служу;
Въ сей хижинѣ съ тобою
Я щастье нахожу.

Купцы въ моря глубоки
За златомъ пусть плывутъ,
Герои крови токи
За шагъ границы льютъ;
А я, не жаждя кровью
Купить вселенной всей,
Одной твоей любовью
Богаче всѣхъ Царей!

Хоть хижина убога,
Съ тобой она мнѣ храмъ:
Я въ ней прошу отъ Бога
Здоровья только намъ;
Но жить не алча вѣчно,
Безсмертїемъ не льщусь:
Тебя, мой другъ сердечной,
Я пережить боюсь!

Капнистъ.

XXIII.

Ириса! ты узнать желаешь,
Гдѣ нѣжная любовь живетъ?
Вездѣ ее, вездѣ встрѣчаешь:
Ея жилище цѣлый свѣтъ.

Со блескомъ утренней Авроры
Она румянитъ небеса,
Долины позлащаетъ, горы;
Колеблетъ въ полдень древеса.

Въ поляхъ съ овечками играетъ,
Цѣлуетъ съ вѣтеркомъ цвѣты;
Съ прекрасной бабочкой порхаетъ,
Кропитъ росинками листы.

Любовью все животворится,
Она веселїе сердецъ;
Она во всей Природѣ зрится
Всему начало и конецъ.

Она свой видъ перемѣняетъ,
И образъ твой теперь беретъ;
Ириса! кто тебя узнаетъ,
Не спроситъ, гдѣ любовь живетъ..

XXIV.

Доволенъ я судьбою,
И милою богатъ;
О Лиза! кто съ тобою
И бѣдности не радъ?

Съ тобою жизни бремя
Меня не тяготитъ;
Съ тобою, другъ мой, время
Какъ молнїя летитъ

Не зная, что есть слава,
Я славлю жребїй свой.
Труды съ тобой забава;
Въ твоихъ глазахъ покой.

Ты взглянешь — забываю
Суровость мрачныхъ дней;
Въ болѣзняхъ оживаю
Улыбкою твоей.

Когда ты скажешь: милой!
Проходитъ грусть моя,
Свѣтлѣетъ взоръ унылой,
Спокоенъ, веселъ я!

Тотъ бѣденъ, кто въ семъ мїрѣ
Живетъ лишь для себя.
Я былъ бы и въ порфирѣ
Нещастливъ безъ тебя.

Но естьли рокъ ужасной
Насъ, Лиза, разлучитъ;
Что буду я нещастной?
Сырой землей покрытъ!

Двѣ горлицы понажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ;
Воркуя томно, скажутъ:
„Онъ умеръ во слезахъ!“

Карамзинъ.

XXV.

Видъ прелестный, милы взоры!
Вы скрываетесь отъ глазъ;
Рѣки и лѣса и горы
Разлучатъ на долго насъ.

Сладко было спознаваться
Мнѣ, любезная, съ тобой;
Горько, горько разставаться,
Горько . . . будто бы съ душой!

Сердце поетъ, духъ томится;
Кровь то стынетъ, то кипитъ;
За слезой слеза катится,
Стонъ за стономъ въ слѣдъ летитъ.

О несносное мученье,
Что любезно, то терять!
Медли, медли, разлученье . . .
Медли душу отнимать!

Нѣтъ отрады! все теряю —
Часъ разлуки настаетъ!
Стражду, мучусь, рвусь, рыдаю —
Ахъ! прости . . . прости, мой свѣтъ!

Во слезахъ, въ тоскѣ и скукѣ
Продолжится жизнь моя.
Будь спокойна ты въ разлукѣ —
Пусть одинъ терзаюсь я!

Херасковъ.

XXVI.

Естьли то тебѣ пріятно,
Чтобы я еще любилъ:
Утро мнѣ отдай обратно;
Мой ужь вечеръ наступилъ.

Тѣмъ, которы лѣтъ во цвѣтѣ,
Тѣмъ утѣхи отдадимъ;
Два мига живемъ на свѣтѣ,
Мигъ разсудку посвятимъ.

Гдѣ забавы на престолѣ,
Гдѣ любовь имѣетъ тронъ,
Взявъ рукой меня, оттолѣ
Время ужь выводитъ вонъ.

Должно думать сколько можно
Усладить сей горькій вѣкъ;
Кто не знаетъ жить, какъ должно,
Тотъ нещастный человѣкъ.

Отъ меня далеки стали
Игры, нѣжности, красы,
Кои грудь мою питали
Жизни въ первые часы.

Дважды всѣ мы умираемъ,
Вижу нынѣ ясно то:
Смерть — когда любовь теряемъ;
А другая смерть — ничто.

Съ небеси теперь нисходитъ
Дружба къ помощи моей;
На любовь она походитъ,
Но огня не вижу въ ней.

Ею здѣсь я восхищаюсь,
Ей теперь иду во слѣдъ;
Но . . . . слезами обливаюсь,
Что любви со мною нѣтъ!

Херасковъ.

XXVII.

Мы желали — и свершилось! . . .
Лиза! Небо любитъ насъ.
Постоянство наградилось:
Ты моя! — блаженный часъ!

Быть щастливѣйшимъ супругомъ,
Быть любимымъ и любить,
Быть любовникомъ и другомъ . . .
Ахъ! я радъ на свѣтѣ жить!

Радъ терпѣть, чего не можно
Въ здѣшней жизни избѣжать;
Радъ и плакать, естьли должно
Смертнымъ слезы проливать.

Нѣжность горе услаждаетъ;
Дружба милою рукой
Слезъ потоки отираетъ
И вселяетъ въ грудь покой.

Будь единственнымъ предметомъ
Страсти сердца моего!
Я на вѣкъ простился съ свѣтомъ;
Мнѣ наскучилъ шумъ его.

Пусть Прелесты тамъ сїяютъ
Блескомъ хитростей своихъ;
Пусть онѣ другихъ прельщаютъ,
Пусть другїе любятъ ихъ!

Было время заблужденій;
Я какъ бабочка леталъ
Вкругъ блестящихъ привидѣній —
Сердца въ мраморѣ искалъ!

Сонъ изчезъ — и я увидѣлъ,
Что игрушкой хитрыхъ былъ;
Всѣхъ Прелестъ возненавидѣлъ,
И невинность полюбилъ.

Ты одна любви достойна;
Я нашелъ, чего искалъ,
И душа моя спокойна.
Все сбылось, чего желалъ!

Свѣтъ забудетъ насъ съ тобою:
Что намъ нужды, Лиза, въ немъ!
Мы съ любовію одною
Вѣкъ безъ скуки проживемъ.

Карамзинъ.

XXVIII.

ЧИЖИКЪ.

Милой чижикъ, желтобокой!
Къ верху, другъ мой, не взлетай;
Не клади гнѣзда высоко,
Но въ густой травѣ свивай.
Посмотри, какъ ястребъ гладный
Надъ тобой уже виситъ;
Какъ, твоею кровью жадный,
Когти на тебя острить.

*

Выросъ илемъ надъ горою;
Что же? — зной ли дышетъ — жжетъ!
Буряль налетитъ съ грозою —
Ломитъ вѣтьви, листья рветъ!
А въ долинѣ ива мшиста,
Бури не боясь, стоитъ;
Тамъ струя катится чиста
И ее въ зною поитъ.

*

Такъ за чѣмъ и мнѣ крушиться,
Что вельможей не рожденъ?
Тотъ пусть ищетъ вѣкъ томиться,
Кто тщеславіемъ вскруженъ.
Яжь подгорною стезею
Отъ суетъ мірскихъ уйду;
Трудъ, дѣля съ драгой семьею,
Щастье въ нищетѣ найду.

Капнистъ.

XXIX.

Ты велишь мнѣ равнодушнымъ
Быть, прекрасная, къ тебѣ;
Естьли хочешь зрѣть послушнымъ,
Дай другое сердце мнѣ:
Дай мнѣ сердце, чтобъ умѣло,
Знавъ тебя, свободнымъ быть;
Дай такое, чтобъ хотѣло
Не одной тобою жить.

То, въ которомъ обитаетъ
Образъ безподобный твой,
Сердце, что тобой страдаетъ,
То и движется тобой;
Въ немъ ужь чувства нѣтъ другаго,
И другой въ немъ жизни нѣтъ;
Ты во тьмѣ мученья злаго
Жизнь, отрада мнѣ и свѣтъ!

Вѣрность ль къ тебѣ нарушу?
Первый вздохъ мой ты взяла!
И что я имѣю душу,
Ты мнѣ чувствовать дала:
Ты мнѣ душу, ты вложила;
Твой же даръ несу тебѣ. . .
Но ты жертвы запретила,
Не дозволю ихъ себѣ.

Лишь не мучь меня, желая,
Чтобъ твоимъ престалъ я быть;
Чѣмъ, въ безмолвіи страдая,
Чѣмъ могу тебя гнѣвить?

Развѣ чтишь за преступленье
Взоръ небесный твой узрѣть,
Имъ повергнуться въ смущенье
И безъ помощи . . . терпѣть?

Нелединскій.

XXX.

КЪ СОЛОВЬЮ.

Что въ рощицѣ тѣнистой,
Пѣвецъ мой голосистой,
Такъ рано замолчалъ?
Что такъ печаленъ сталъ?

Тѣжь рощи, тѣжь кусточки,
Тажь свѣтлая заря;
Такіежь ручеёчки,
Такаяжь мурава.

О чѣмъ, мой другъ, жалѣешь?
Ты крылышки имѣешь:
Кудабъ ни захотѣлъ,
Вспорхнулъ и — полетѣлъ.

Престань же, другъ безцѣнный,
Томиться, горевать!
Другихъ плѣнять рожденный,
Не долженъ унывать.

Свиньинъ.

XXXI.

ПѢСНЯ МОЕЙ ДОЧЕРИ.

Вянутъ на полѣ цвѣточки,
Блекнутъ листья на древахъ;
Изсыхаютъ ручеёчки,
Камни старѣютъ во мхахъ.

Птичка крылья опускаетъ,
Нѣжныхъ пѣсенъ не поетъ;
Въ слѣдъ подружекъ не летаетъ,
Какъ пора ея пройдетъ.

Такъ и мы: что намъ пріятно,
Чѣмъ мы нравимся другимъ;
Потеряемъ невозвратно,
Хоть того и не хотимъ.

Время начертитъ морщины
На прекрасныхъ, круглыхъ лбахъ;
Съ лысины своей сѣдины
Намъ разсыплетъ въ волосахъ.

Жаръ потухнетъ въ сердцѣ, взглядахъ;
Острый притупится умъ;
Позабудемъ о нарядахъ,
И повѣсимъ носъ отъ думъ.

Все пройдетъ и истребится,
Ловкость, разумъ, красота;
Чѣмъ же можетъ замѣниться
Ихъ пріятная мечта?

*

Роза спѣлая, созрѣвши,
Поблѣднѣетъ и умретъ;
Но листочикъ облетѣвшій
Духъ пріятный издаетъ.

*

Наша молодость минется,
Съ ней исчезнетъ красота;
Но въ замѣну остается
Даръ безцѣнный — доброта.

С. . . .

XXXII.

ПАСТУХЪ КЪ ГОРОДСКОМУ ЖИТЕЛЮ.

Ты спишь на мягкомъ ложѣ,
Я сплю на муравѣ;
Ты въ зеркалѣ глядишься,
Я въ чистомъ ручейкѣ;
Ты ходишь по Персидскимъ
Узорчатымъ коврамъ,
Я по лугу гуляю,
По шелковой травѣ;
Ты пьешь драгія вина,
Я воду изъ ручья;
Ты вѣчно, какъ въ неволѣ,
Стѣнами окруженъ:
Неволи я не знаю,
Свободенъ и пою;
Тебѣ весну рисуетъ
Искуства груба кисть,
Природа представляетъ
Мнѣ подлинникъ живой;
Ты боленъ и скучаешь,
Я веселъ и здоровъ;
Тебя въ дому за деньги
Привратникъ стережетъ,
Мнѣ песъ мой даромъ служитъ
Защитой отъ звѣрей;
Бряцанье струнъ волшебныхъ
Тебѣ приноситъ сонъ,
Я сплю подъ свистомъ вѣтра,
Или подъ шумомъ водъ;

Ты слушаешь концерты,
Я въ рощѣ соловья;
Едвали въ поздній полдень
Съ постели ты встаешь,
Я съ утренней зарею
Гоню овецъ на лугъ;
Румяны украшаютъ
Любезную твою,
Моей пастушкѣ служатъ
Уборомъ васильки.

Грамматинъ.

XXXIII.

ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ.

Тринадцать лѣтъ прошло,
Какъ Небо васъ связало.
Хоть время и текло,
Но щастіе стояло;
И крылышки прижавъ,
Любовь при васъ осталась;
Цѣпями васъ сковавъ,
Къ вамъ ими приковалась.

Пребудь здѣсь вѣкъ, любовь!
Ты сколькобъ ни летала,
Себѣ пріюту вновь
Такогобъ не сыскала.
А время! ты лети —
Хоть все ты въ мірѣ гложешь,
Но щастья унести
Друзей моихъ не можешь.

Капнистъ.

XXXIV.

Наконецъ твои обманы,
Нравъ притворный, Ниса, твой
Излѣчили сердца раны,
Возвратили мнѣ покой.

Я свободенъ сталъ не ложно;
Усмирилась пылка кровь;
И ужь чувствую, что можно
Не носить твоихъ оковъ.

Сердцу томному къ отрадѣ,
Не терзаюсь грустью я,
И въ притворной ужь досадѣ
Не таится страсть моя.

Имя ли твое вспомянетъ
Кто въ присутствіи моемъ;
Иль хвалить тебя кто станетъ
Не тревожусь я ни чѣмъ.

Я спокойно засыпаю,
Не видавшися съ тобой,
И не первый воображаю
Пробуждаясь образъ твой.

Отъ тебя не жду смущенья,
Быть съ тобой я не ищу:
Зрю тебя безъ восхищенья
И разставшись не грущу.

Не волнуюся душою,
Вспомня красоту твою;
О слезахъ, пролитыхъ мною,
Помышляя, слезъ не лью.

Ты сама о томъ посудишь,
Вправдуль страсть я побѣдилъ:
Даже съ тѣмъ, кого ты любишь,
О тебѣ я говорилъ.

Какъ со мной ни обходися,
Будь хоть ласкова ко мнѣ,
Хоть по прежнему гордися;
Ставлю все я наравнѣ.

Ужь не могутъ разговоры,
Голосъ твой меня тронуть,
И твои ужь нынѣ взоры
Потеряли къ сердцу путь.

Ты красотъ не потеряла,
И теперь ты хороша;
Но не та ужь Ниса стала,
Кѣмъ жила моя душа.

Цѣпь свою я разрывая,
Только смогъ не умереть;
Но гдѣ твердость есть прямая,
Тамъ чего не льзя стерпѣть!

Птичка бѣдная страдаетъ,
Вольности лишась своей,
И всѣ силы истощаетъ,
Выбиваясь изъ сѣтей;

Хоть и перья въ нихъ оставитъ,
Улетитъ хоть чуть жива;
Но ума себѣ прибавитъ —
Впредь не будетъ такова.

Видя, что воспоминаю
Прежній плѣнъ я, Ниса, твой,
Ты помыслишь, что пылаю
И поднесь еще тобой:

Нѣтъ! пловецъ, бѣды избѣгшій,
Какъ у пристани стоитъ,
Объ опасности протекшей
Съ услажденьемъ говоритъ;

Воинъ также, послѣ боя,
Гдѣ побѣда лавръ дала,
Любитъ посреди покоя
Вспоминать свои дѣла;

И невольникъ, въ чувства новы
Скорбь душевну премѣня,
Кажетъ съ радостью оковы,
Что влачилъ дотоль стеня.

Истинну тебѣ вѣщаю;
Вѣрь ты мнѣ, или не вѣрь —
Я и вѣдать не желаю,
Обо мнѣ что мнишь теперь.

Прелестьми гордясь, не льстися
Замѣнить легко меня:
Не легко найдешь ты, Ниса,
Ктобъ такъ вѣренъ былъ, какъ я.

Я потерю не такую
Сдѣлалъ важную въ тебѣ;
Вѣдь обманщицу другую
Скоро льзя найти вездѣ.

Нелединскій.

XXXV.

Съ Милетой позднею порою,
Подъ тѣнью скромнаго лѣска,
Мы видѣли, какъ межь собою
Тамъ два играли голубка:
Любовь моя воспламенилась,
Душа на языкѣ была . . . .
Но полна страстью грудь стѣснилась,
И только лишь вздохнуть могла.

*

Увы! почтожь уста нѣмѣли,
И страсти я открыть не могъ? —
Но естьли бы понять хотѣли,
Не всёль сказалъ ужь этотъ вздохъ?
И должноль клятвѣ, часто ложной,
Всегда въ любви порукой быть?
Глазамъ въ душѣ читать лишь должно,
И сердцу съ сердцемъ говорить.

Капнистъ.

XXXVI.

Полно льститься мнѣ слезами
Непреклонный рокъ тронуть;
Строгими на вѣкъ судьбами
Загражденъ мнѣ къ щастью путь!
Безъ надежды, безъ отрады
Томну жизнь влача въ бѣдахъ,
Отъ небесъ не жду пощады . . .
Гнѣвъ ихъ въ милыхъ зрю глазахъ.

Смерть, прибѣжище нещастныхъ!
Часъ послѣдній, милый часъ!
Ты отъ бремя золъ ужасныхъ
Не спѣшишь избавить насъ.
Ты средь щастья жизнь отъемлешь,
Средь надеждъ, средь благъ разишь;
Стонъ нещастливыхъ не внемлешь.
Смерть! отъ нихъ и ты бѣжишь. . .

Издыхая услаждуся,
Вспомня взоръ, Темира, твой!
Съ свѣтомъ, съ жизнью разлучуся,
Лишь не съ милой мнѣ мечтой.
Пламень, что въ себѣ вмѣщаю,
Онъ душа, онъ жизнь моя:
Имъ я вѣчность постигаю,
Имъ безсмертенъ буду я.

Въ безпечальное селенье
Съ жаромъ страсти преселясь,
Обнаружу упоенье,
Коимъ жилъ, тобой плѣнясь.

Въ царствѣ тѣней ту прославлю,
Жизни кто была милѣй,
И подземный мїръ заставлю
Бога чтить души моей.

Нелединскїй

XXXVIII.

Поля, лѣса густые,
Спокойствїя предѣлъ,
Гдѣ дни мои златые,
Гдѣ я Лизету пѣлъ!
Судьбы моей премѣну
Теперь я вамъ пою:
Лизетину измѣну
И вѣрность къ ней мою.

*

Въ глазахъ ея всечасно
Любви я пламя зрѣлъ;
Я мнилъ, что такъ же страстно
И духъ ея горѣлъ:
Но взоръ младой Лизеты
Стремился лишь плѣнять....
Ахъ! какъ въ такїя лѣты
Умѣть ужь измѣнять!

*

Прїятны разговоры,
Улыбка, страстный видъ,
И сами нѣжны взоры,
Все въ ней притворно льститъ.

Но все въ ней прелесть нова!
Ахъ! пусть опабъ была
Или не такъ сурова,
Или не такъ мила.

*

Лѣсокъ, гдѣ я тоскую,
Гдѣ щастье зрѣлъ мое!
Напомни мнѣ драгую,
Я всё люблю ее!
Ея невѣрность знаю,
Тьму горестей терплю;
Всечасно ей пеняю,
А всё ее люблю.

Капнистъ.

XXXIX.

РОМАНСЪ.

Въ убогой хижинѣ моей
Я бѣдности не знаю,
За тѣмъ, что съ милымъ сердцу въ ней
Всѣ чувства раздѣляю.
Любовь и онъ — мнѣ всякой трудъ
Въ забаву обращаютъ;
Меня съ наградой нѣжной ждутъ
И радостью встрѣчаютъ.

*

Ахъ! кто на свѣтѣ не одинъ,
Тотъ щастливъ въ каждой долѣ;
Надъ тѣмъ и рокъ не властелинъ:
Тому ничто онъ болѣ.

Любовь, любезный и покой —
Вотъ все, чего желаю,
Къ чему стремлюсь всегда душой,
Что щастьемъ называю!

К. Шалиновъ.

XL.

На листочкѣ нѣжной розы
Я старалась начертить
Милу другу, въ знакъ угрозы,
Что не буду ввѣкъ любить;

Но лишь кончить я успѣла,
Вдругъ повѣялъ вѣтерокъ —
Онъ унесъ съ собой листокъ,
Съ нимъ и клятва улетѣла!

Костровъ.

XLI.

Дуэтъ.

Первой голосъ.

Въ часъ разлуки, пастушокъ,
Слезной взоръ склоня въ потокъ,
Говорилъ своей любезной:
Нѣтъ — тому не быть!

*

Нѣтъ, не будешь ты моя!
Ты богата — бѣденъ я.
Будь щастлива, будь спокойна;
Пусть одинъ терплю!

Другой голосъ.

На любезнаго взглянувъ,
Страстно, сладостно вздохнувъ,
Такъ пастушка отвѣчала:
Нѣтъ! тому не быть!

*

Нѣтъ! — ты мой и навсегда!
Бѣдность, другъ мой, не бѣда!
Кто богатъ, какъ мы, любовью,
Тотъ и всемъ богатъ!

Первой голосъ.

Ахъ! безроденъ я и сиръ,
Домъ и дворъ мой — цѣлой мїръ:
Что же добры люди скажутъ
О любви твоей? . . .

Второй голосъ.

Люди знаютъ лишь бранить,
А не знаютъ, какъ любить.
Мнѣ не нужны родъ и племя,
Нуженъ ты одинъ!

Первой голосъ.

Въ щастьи ты теперь живешь,
Горе ты со мной найдешь;
Тяжко плакать — но тяжелѣ
Быть виною слезъ!

Второй голосъ.

Съ другомъ горесть мнѣ сладка,
Радость безъ него горька.
Мы смѣшаемъ наши слезы,
И бѣда пройдетъ!

Первой голосъ.

Я не зналъ, что василёкъ,
Что нарцисъ, что ноготокъ;
А любилъ уже для милой
Собирать цвѣты!

Второй голосъ.

Я не знала нашихъ стадъ;
Сколько мой отецъ богатъ;
А тогда уже любила
Плесть тебѣ вѣнки!

Оба

Для тебя мнѣ жизнь мила,
Красенъ день, цвѣтетъ земля;
Для тебя дано мнѣ сердце,
Вѣрное на вѣкъ.

Ахъ! почтожъ такъ рано намъ
Пріучать себя къ слезамъ?
Сладко, другъ мой, жить съ тобою;
Сладко умереть!

Мерзляковъ.

XLII.

Разлучившися со мною,
Потужи о мнѣ хоть часъ;
Можетъ быть уже съ тобою
Говорю въ послѣдній разъ:
Рокъ велитъ тебя лишиться,
Какъ ни тяжко то снести,
И лишившися крушиться,
Слезы лить, сказавъ: прости!

Плачь и ты о мнѣ подобно
Горести во мзду моей! - - -
Нѣтъ! не мучь мой духъ толь злобно
Ты тоской о мнѣ своей;
Капля слезъ твоихъ мнѣ болѣ
Крови моея ручья.
Въ безпечальной будь ты долѣ;
Пусть одинъ страдаю я.

Естьли рокъ, смягчась тоскою,
Жизнь велитъ мнѣ продолжать,
Я увижуся съ тобою,
Буду щастливъ и опять;
Естлижь грусть мой вѣкъ скончаетъ,
Много ты себя не рви;
Плачъ намъ жизнь не возвращаетъ;
Будь щастлива и живи.

М. Поповъ.

XLIII.

Голубочикъ нѣжной, страстной!
Ты съ голубушкой своей;
Безпрестанно ты при ней —
Нѣтъ разлуки вамъ нещастной!

*

Лишь голубка отлетѣла,
Ты вспорхнулъ и полетѣлъ,
И на той же вѣткѣ сѣлъ,
Гдѣ твоя подружка сѣла;

*

Вы всегда благополучны
Не тревожитесь ничѣмъ —
Въ тепломъ гнѣздышкѣ своемъ
Дни проводите нескучны;

*

Громкой славой не прельщаясь,
Не летишь отъ милой прочь;
Спишь покойно въ темну ночь
Ты, къ подружкѣ прижимаясь.

*

Ахъ! за чѣмъ, за чѣмъ тобою
Быть не льзя мнѣ, голубокъ!
Ахъ! тогда бы, мой дружокъ,
Былъ доволенъ я судьбою.

*

Не рвалось бы сердце страстно!
Естьлибъ крылышки имѣлъ,
Я взвилсябъ и полетѣлъ
Къ той, о комъ грущу всечасно!

XLIV.

Не зрѣлибъ никогда мы въ жизни ясныхъ дней,
Всегдабъ въ сердцахъ своихъ тоску и грусть питали,
Когда бы сладостей любви мы не вкушали;
Отрада изъ ея лїется намъ очей.

*

Кто искренно любимъ, нѣтъ бѣдствїй для того:
Улыбка, взоръ его судьбою управляютъ;
Пусть стрѣлы бѣдствїя страдальца поражаютъ;
Онъ слышитъ: *ты мнѣ милъ!* . . . спокоенъ духъ его.

*

Подъ тѣнью липъ густыхъ дружечку своему
Вчера пастушка грусть сердечну изъясняла;
Я слышалъ, какъ она ему тогда сказала:
„*Печаль милѣе двумъ, чѣмъ радость одному.*

XLV.

Вечеркомъ румяну зорю
Шла я съ грусти посмотрѣть;
А пришла все къ прежню горю,
Что велитъ мнѣ умереть.

Горе къ рѣчкѣ заманило;
Сѣла я на бережокъ —
Сердце пуще пріуныло;
Мутенъ чистый сталъ потокъ.

Я вздохнувши тутъ сказала:
Лейся, рѣчка, какъ слеза!
А сказавши, показала
Полны слезъ мои глаза.

Струйки свѣтлы зашумѣли,
Будто сжалясь надо мной;
Но утѣшить не умѣли,
И осталась я съ тоской.

О души моей веселье,
Для кого мнѣ жизнь мила!
Я послѣдне ожерелье
За тебя бы отдала.

Какъ сокровище я свѣта,
Берегу къ тебѣ любовь;
Ею лишь во мнѣ нагрѣта
Будто пламенемъ вся кровь.

Горячее солнца знойна
Сердце къ милому горитъ;
А душа лишь тѣмъ покойна,
Что въ себѣ его хранитъ. . . .

Но напрасно въ васъ, потоки,
Погружаю голосъ мой;
Вамъ пути хотя широки,
Стонъ останется со мной.

Сколько чистыхъ струй ни вьете
Быстрымъ бѣгомъ въ берегахъ,
Слезъ моихъ не унесете —
Слезы все въ моихъ глазахъ.

Что глаза ни повстрѣчаютъ,
Все постыло, все бѣда!
Рощи и луга скучаютъ;
Темно въ полдень мнѣ всегда.

Вѣтерокъ ли рощу тронетъ,
Гдѣ въ печали я хожу;
Тотчасъ въ душу. . . . милой стонетъ!
И отъ страха я дрожу.

Выйдуль на лужокъ отъ скуки,
Грусть за мною по пятамъ;
Всѣмъ веселье. . . . мнѣ лишь муки:
Гдѣ ступила, горе тамъ!

Люди съ солнцемъ, людямъ ясно,
А со мною все туманъ!
Безъ тебя оно напрасно —
Безъ тебя мнѣ жизнь обманъ.

Нѣтъ ужь, нѣтъ души со мною —
Но ужель, ахъ! ту забылъ,
Звалъ которую драгою,
И клялся, что ты любилъ?

Нѣтъ, не вѣрю! . . . нѣтъ, не львицей
Вскормленъ ты, любезный мой!
Той ли будешь ты убійцей,
Отданъ чей тебѣ покой?

Нѣтъ, не вѣрю. . . . ахъ! заставишь
Сердце вѣрить и тому,
Естьли сроку не убавишь
Возвратиться ты къ нему!

Я повѣрю! . . . . Жизнь разрушу;
А тебѣ лишь тѣмъ отмщу;
Что любя тебя какъ душу,
Смерть мою тебѣ прощу.

Николевъ.

XLVI
ВЕСЕЛОЙ ЧАСЪ.

Братья, рюмки наливайте!
Лейся черезъ край вино!
Все до капли выпивайте;
Осушайте въ рюмкахъ дно!

Мы живемъ въ печальномъ мірѣ;
Всякой горе испыталъ,
Въ бѣдномъ рубищѣ, въ порфирѣ;
Но и радость Богъ намъ далъ.

Онъ вино намъ далъ на радость,
Говоритъ святой мудрецъ:
Старецъ въ немъ находитъ младость,
Бѣдный горестямъ конецъ.

Кто все плачетъ, все вздыхаетъ,
Вѣчно смотритъ Сентябремъ:
Тотъ науки жить не знаетъ,
И не видитъ свѣта днемъ.

Все печальное забудемъ,
Что смущало въ жизни насъ;
Пѣть и радоваться будемъ
Въ сей пріятной, сладкой часъ!

Да свѣтлѣетъ сердце наше,
Да сіяетъ въ немъ покой,
Какъ вино сіяетъ въ чашѣ,
Осребряемо луной!

Карамзинъ.

XLVII.

ПѢСНЯ.

Въ чемъ я виненъ предъ тобою,
Чѣмъ тебя я прогнѣвилъ? —
Развѣ тѣмъ, что всей душою
Я жестокую любилъ?

Сила страсти — бога сила!
Можно ль ей противустать?
Такъ судьба уже судила
Мнѣ, узнавъ тебя, страдать!

Но въ тоскѣ безплодной ноя,
Чѣмъ тебя я оскорблялъ?
Отказавшись отъ покоя,
Твой покой не нарушалъ;

И наружности смущенья,
Слова, взгляду при тебѣ
Изъ душевнаго почтенья
Не позволилъ я себѣ.

Роща дальная внимала
Злополучной страсти гласъ;
Ночь печальна примѣчала
Слезы горькія изъ глазъ.

Нѣтъ надежды наслаждаться
Чувствомъ нѣжности твоей;
Мнѣ осталось лишь питаться
Скрытой горестью своей.

❖

Въ томномъ страсти упоеньѣ
Я вселенную забылъ!
Наяву и въ сновидѣньѣ
Лишь тебя въ ней находилъ.

❖

Образъ милой твой скрывался
Въ тайнѣ сердца моего;
Всякой даръ небесъ казался
Даромъ сердца твоего!

❖

Ты въ лунѣ меня плѣняла;
День яснѣе былъ тобой;
Ты мнѣ прелесть показала
Добродѣтели самой.

❖

Безъ тебя я былъ съ тобою,
Чувство, мысль твою дѣлилъ;
Я мечталъ, что надо мною
Кроткій Геній твой парилъ!

❖

Вотъ страдальца наслажденья:
Хочешь? всѣхъ меня лишай!
Вотъ мои всѣ преступленья:
Будь безжалостна — отмщай!

❖

Позабудь меня, жестока,
Запрети себя видать! —
Но какая сила рока
Запретитъ мнѣ обожать?

⁂

Чувство сладостно, отрадно,
Существо души моей,
Подъ землею развѣ хладной
Ты изчезнешь вмѣстѣ съ ней!

Мерзляковъ.

XLVIII.

КЪ ЭЛИЗѢ.

Когда она сердилась на Амура.

Элиза . . . я въ смущеньѣ! . . .
Откуда гнѣвъ такой?
Противъ Амура мщенье? . . .
Амуръ — невольникъ твой!

⁂

Какъ! то виною ставить,
Что онъ, за честь твою,
Киприду радъ оставить
И Душеньку свою?

⁂

Какъ! тѣмъ лишь оскорбиться,
Что бѣдненькой божокъ
Въ твоей уборной льстится
Имѣть свой уголокъ?

⁂

Что славой почитаетъ
Всегда служить тебѣ;
Элизу украшаетъ,
Хотя . . на зло себѣ?

✣

Твердитъ: „мнѣ все постыло!
„Покою ни часа!“ —
Вольножь Элизѣ было
Слѣпцу открыть глаза!

✣

Амуръ, божокъ игривый,
Едва тебя узналъ,
Сталъ тихой, молчаливый
И рѣзвость потерялъ;

✣

Забылъ свой лукъ, простился
Съ колчаномъ золотымъ;
За то вооружился
Онъ взоромъ лишь твоимъ.

✣

И ты могла Амура
Коварнымъ почитать;
А намъ на бѣдокура
Управу гдѣжь сыскать?

✣

Намъ, коими всечасно,
По милости твоей,
Онъ правитъ самовластно,
Какъ сильный царь царей!

✣

По вышнему уставу,
Намъ должно всѣмъ страдать;
Насмѣшницѣ въ забаву
Лить слезы и молчать!

✣

Я самъ вчера сердился,
Съ Амуромъ въ споръ вступилъ;
Малютка прослезился
И такъ мнѣ говорилъ:

„Я виненъ тѣмъ, что страстенъ! . . .
„Всмотрись въ нее со мной! — — —
„Я богъ . . . но я не властенъ
„Владѣть самимъ собой!“

Мерзляковъ.

XLIX.

Приди, приди на этотъ лугъ,
Гдѣ слезы лью теперь напрасно,
Жестокій, милый сердцу другъ!
Ахъ, какъ невѣрнымъ быть ужасно!
Приди, приди на этотъ лугъ,
Жестокій, милый сердцу другъ!

Одной на свѣтѣ скучно жить;
Тотъ камень, кто не знаетъ страсти.
Чтобъ часъ одинъ любимой быть,
Я годы проведу въ напасти.
Приди, приди на этотъ лугъ,
Жестокій, милый сердцу другъ!

Въ тебѣ ни чувствъ, ни сердца нѣтъ,
Когда мой гласъ тебя не тронетъ!

Тебя твой прежній другъ зоветъ,
Зоветъ со вздохомъ, плачетъ, стонетъ,
Приди, приди на этотъ лугъ,
Жестокій, милый сердцу другъ!

Ахъ! время быстро пролетитъ,
И я увяну непримѣтно;
Тебя мой образъ поразитъ;
Раскаешься, но будетъ тщетно.
Приди, приди на этотъ лугъ,
Жестокій, милый сердцу другъ!

Вздохнешь по мнѣ, но Лизы нѣтъ!
Съ душой, исполненной тобою,
Она оставила сей свѣтъ,
И гробъ ея покрытъ травою.
Тогда придешь на этотъ лугъ,
Но будетъ поздо, милый другъ!

L.

РАИСА.

Древняя Баллада.

Во тьмѣ ночной ярилась буря,
Сверкалъ на небѣ грозный лучь;
Гремѣли громы въ черныхъ тучахъ,
И сильный дождь въ лѣсу шумѣлъ.

Нигдѣ не видно было жизни,
Сокрылось все подъ вѣрный кровъ;
Раиса, бѣдная Раиса
Скиталась въ темнотѣ одна.

Нося отчаянїе въ сердцѣ,
Она не чувствуетъ грозы,
И бури страшный вой не можетъ
Ея стенанїй заглушить.

Она блѣдна, какъ листъ увядшїй,
Какъ мертвый цвѣтъ уста ея;
Глаза покрыты томнымъ мракомъ,
Но сильно бьется сердце въ ней.

Съ ея открытой бѣлой груди,
Язвимой вѣтьвями деревъ,
Текутъ ручьи кипящей крови
На зелень влажныя земли.

Надъ моремъ гордо возвышался
Хребетъ гранитныя горы:
Между стремнинъ, по камнямъ острымъ
Раиса всходитъ на него.

(Тутъ бездна яростно кипѣла
При блескѣ огненныхъ лучей;
Громады волнъ неслися съ ревомъ,
Грозя всю землю потопить.)

Она взираетъ, умолкаетъ;
Но скоро жалкой стонъ ея
Смѣшался вновь съ шумящей бурей:
„Увы! увы! погибла я!

„Кронидъ, Кронидъ, жестокой, милой!
Куда ушелъ ты отъ меня?
Почто Раису оставляешь
Одну среди ужасной тьмы?

„Кронидъ! приди ко мнѣ! забуду,
Забуду все, прощу тебя! —
Но ты нейдешь къ Раисѣ бѣдной! . . .
Почто тебя узнала я?

„Отецъ и мать меня любили,
И я любила нѣжно ихъ;
Въ невинныхъ радостяхъ, въ забавахъ
Часы и дни мои текли;

„Когдажъ явился ты, какъ Ангелъ,
И съ нѣжнымъ вздохомъ мнѣ сказалъ:
Люблю, люблю тебя, Раиса!
Забыла я отца и мать.

„Въ восторгѣ, съ трепетомъ сердечнымъ
И съ пламенной слезой любви
Въ твои объятія упала,
И сердце отдала тебѣ.

„Душа моя въ твою вселилась;
Въ тебѣ жила, дышала я;
Въ твоихъ глазахъ свѣтъ солнца зрѣла,
Ты былъ мнѣ образъ Божества.

„Почто я жизни не лишилась
Въ объятіяхъ твоей любви?
Не зрѣлабъ я твоей измѣны,
И щастливъ былъ бы мой конецъ!

„Но рокъ судилъ, чтобъ ты другую
Раисѣ вѣрной предпочелъ;
Чтобъ ты меня навѣкъ оставилъ!
Когда сномъ крѣпкимъ я спала,

„Когда мечтала о Кронидѣ,
И мнила обнимать его:
Увы! я воздухъ обнимала. . . .
Уже далеко былъ Кронидъ!

„Мечта изчезла, я проснулась;
Звала тебя, но ты молчалъ;
Искала взоромъ, но не зрѣла
Тебя нигдѣ передъ собой!

„На холмъ высокой я спѣшила. . . .
Нещастная! . . . Кронидъ вдали
Бѣжалъ отъ глазъ моихъ съ Людьмилой!
Безъ чувствъ тогда упала я.

„Съ сея ужасныя минуты
Крушусь, тоскую день и ночь;
Ищу вездѣ, зову Кронида —
Но ты не хочешь мнѣ внимать!

„Теперь злощастная Раиса
Звала тебя въ послѣдній разъ. . . .
Душа моя покоя жаждетъ. . . .
Прости! будь щастливъ безъ меня.“

Сказавъ сіи слова, Раиса
Низверглась въ море. Грянулъ громъ:
Симъ Небо возвѣстило гибель
Тому, кто погубилъ ее.

Карамзинъ.

LI.

КЪ ЛИРѢ.

Давно на лирѣ милой,
Давно я не игралъ;
Скорбящій духъ, унылой
Ее позабывалъ.

Природа украшалась
Прелестною весной;
Рука жь не прикасалась
До лиры дорогой.

Здоровье, даръ безцѣнный!
Лишенъ я былъ тебя,
И грустью отягченный,
Влачилъ свой вѣкъ стеня.

Все веселилось въ мірѣ,
Цвѣли въ поляхъ цвѣты;
А я не пѣлъ на лирѣ
Весенней красоты!

Ни ручейковъ журчанья,
Унылый, не слыхалъ,
Ни птицъ въ кустахъ порханья,
Ни рощей не видалъ.

Спасенный днесь судьбою
Отъ лютыхъ, горькихъ мукъ,
Кроплю тебя слезою,
О лира, милый другъ!

Сердечно восхищенье
Влечетъ ее изъ глазъ;
Изчезло огорченье,
Насталъ отрады часъ.

Но ахъ! весна сокрылась;
Желтѣютъ древеса,
И птичка удалилась
Въ полуденны лѣса.

Ужъ бабочка не вьется
Съ цвѣточка на цвѣтокъ,
И съ милой разстается
Пастушкой пастушокъ.

Зефиръ не вѣетъ болѣ;
Осенній вѣтръ шумитъ,
И томно по неволѣ
На лиръ пѣть велитъ;

Но къ пользѣ и нещастье
Даетъ намъ рокъ терпѣть;
Когда пройдетъ ненастье,
Пріятнѣй солнце зрѣть!

Пловецъ всегда ли въ морѣ
Теряетъ жизнь волной?
Утѣшься, лира! . . . вскорѣ
Увижусь я съ весной!

Пушкинъ.

LII.

Любовь, что въ сердцѣ я питаю,
На что, Темира, мнѣ таить,
Хотя и льститься не дерзаю
Тебѣ взаимно милымъ быть!
Льзя ль требовать за то награды,
Что я красой плѣненъ твоей?
Но и нещастну, безъ отрады,
Любовь мнѣ вольности милѣй!

*

Лишь солнце лучь намъ свой являетъ,
Уже со мною образъ твой;
Тебѣ всѣ мысли посвящаетъ
Плѣненный навсегда тобой.
Твоимъ чтобъ насладиться зрѣнемъ,
Лечу къ тебѣ въ восторгъ я;
И то мнѣ служитъ утѣшеньемъ,
Что я страдаю близь тебя!

*

Все, что ты мыслишь, что желаешь,
Въ душѣ начертано моей;
Я слезы лью, когда вздыхаешь,
И жизнію живу твоей.
Въ тебѣ одной, моя драгая,
Утѣху вижу дней моихъ!
Мое блаженство, участь злая,
Все въ волѣ и въ рукахъ твоихъ.

*

Душа, тобою восхищенна,
Тобой мятется и во снѣ.
Ко мнѣ Морфеемъ приведенна,
Какъ ты мила, любезна мнѣ!
Но, ахъ! какъ молнїя блистаетъ
И вдругъ скрывается отъ глазъ:
Такъ сонъ прїятный изчезаетъ,
Весельемъ истребленъ въ тотъ часъ!

Нелединскій.

LIII.

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

*

Любилъ я рѣзвую Плѣниру,
Любилъ веселую Темиру,
Любилъ и сердцемъ и душой;
Онѣ шутили, улыбались,
Моею страстью забавлялись;
А я — я слезы лилъ рѣкой!

*

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

*

Мнѣ горы золота сулили:
Надѣйся! взоромъ говорили.
Пришло къ развязкѣ наконецъ. . . .
И чтожь? мнѣ двери указали!
Учись знать шутку, другъ! сказали —
Онѣ смѣются! . . . я глупецъ!

*

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

*

Тотъ вѣкъ нещастливъ будетъ съ вами,
Кто любитъ прямо, не словами.
Вамъ мило головы кружить,
Играть невинными сердцами,
Дарить насъ рабствомъ и цѣпями,
И только для тщеславья жить.

*

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

*

Ахъ! лучше по лѣсамъ скитаться,
Съ Лапландцами въ снѣгу валяться
И плавать въ лодкѣ по морямъ,
Чѣмъ быть плаксивымъ Селадономъ,
Твердить *увы!* печальнымъ тономъ,
И вѣкъ служить потѣхой вамъ!

*

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

Карамзинъ.

LIV.

ЗАРОКЪ.

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Вина я за столомъ просить,
И лучше вкусъ въ немъ позабуду.
Нѣтъ, нѣтъ! какая прибыль пить?

Я пилъ Бургонское съ Шампанскимъ,
Я пилъ Шато-лафитъ съ Цымлянскимъ,
Я пилъ и много кой-чего —
Сперва былъ веселъ, улыбался,
На счотъ всѣхъ трезвыхъ забавлялся,
А тамъ — не взвидѣлъ ничего.

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Вина я за столомъ просить,
И лучше вкусъ въ немъ позабуду.
Нѣтъ, нѣтъ! какая прибыль пить?

Пельскій.

LV.

Пастушка надъ рѣкой
Вадумавшись сидѣла;
Какъ мчалися, глядѣла,
Въ ней струйка за струёй.

*

Сказала: такъ течетъ
И жизнь и наша младость!
Но есть ли въ жизни сладость,
Когда любви въ ней нѣтъ?

*

Чѣмъ мы окружены,
Все любитъ, все пылаетъ;
Все громко намъ вѣщаетъ,
Что мы любить должны.

*

Лугъ сдѣланъ для овецъ,
Для луга чисты воды,
Луна для всей Природы,
Любовь — для всѣхъ сердецъ.

LVI.

Естьлибъ ты была на свѣтѣ
Не милѣе мнѣ всего,
Ябъ нашелъ въ твоемъ совѣтѣ
Пользу сердца моего;
Сталъ бы думать о свободѣ,
Кою потерялъ любя . . .
Но скажи мнѣ, что въ природѣ
Можетъ замѣнить тебя?

Свѣта ль ложнымъ мнѣ блистаньемъ,
Златомъ ли себя прельщать?
Иль, наполня умъ мечтаньемъ,
Славы, почестей искать?
Но съ дарами щастья сими
Сердце праздно и мертво:
Подъ законами твоими
Я хоть чувствую его.

Мнѣ ль плѣняться не тобою?
Мнѣ ль инымъ заняться чѣмъ?
Сердцемъ, разумомъ, душою —
Ты владѣешь мною всемъ.
Знаешь то сама не ложно:
Сколько сердце ни круши,
Жить, равно мнѣ жить не можно
Безъ тебя, какъ безъ души.

Нелединскій.

LVII.

КАТИНЬКѢ.

Тише, громкой соловей!
Слышишь . . . въ жизнѣ моей
Раздается
И несется
Ветеркомъ, черезъ лѣсокъ,
Милой Кати голосокъ!

*

Какъ малиновка весной,
Передъ утренней зарёй,
Распѣваетъ,
Восхищаетъ
Всѣхъ мелодїей своей:
Такъ онъ милъ душѣ моей!

*

Дай подкрадуся къ окну,
И на милую взгляну!
Какъ день Майскїй
Тихїй, райскїй,
Катинька моя мила;
Такъ тиха — такъ весела!

*

А когда сгруснется ей,
И она въ тоскѣ своей
Потихоньку,
Полегоньку
Нѣжну пѣсенку поетъ:
Сколько новыхъ въ ней красотъ!

*

Иль когда, за клависинъ,
Сѣвши, томной андантинъ
Заиграетъ,
И плѣняетъ
Всѣхъ, кому душа дана —
Съ кѣмъ сравняется она?

*

Съ кѣмъ? . . . Нѣтъ въ свѣтѣ Катей двухъ!
Катинька, мой милый другъ!
Владѣй мною;
Я съ тобою
Всѣхъ щастливѣе Царей;
Ты душа души моей!

*

Тише!... встала и вздохнула,
На окно ко мнѣ взглянула;
Покраснѣла,
Поблѣднѣла;
Я лечу въ объятья къ ней . . .
Громче, тихой соловей!

М. М.

LVIII.

ТОСКА ПО МИЛОЙ.

Ночь мракомъ землю покрываетъ,
И всѣмъ спокойствїе даритъ;
Но щастливый его лишь знаетъ,
А отъ меня — оно бѣжитъ.

Взойди, луна, взойди скорѣе!
Дышу свободнѣе съ тобой;
И тотъ ручей журчитъ милѣе,
Въ которомъ лучь играетъ твой!

Печалью сердце отягченно
Въ тебѣ, луна, отраду зритъ;
Слезою око окропленно
Съ восторгомъ на тебя глядитъ.

Въ лѣсу тѣнистомъ воспѣваетъ
Весны любимецъ, соловей;
Но онъ ужь болѣ не плѣняетъ
Меня гармонїей своей.

Къ любви желанье все стремится,
Хочу любить. . . . подруги нѣтъ!
И, ахъ! въ тоскѣ, какъ вѣтеръ, мчится
Краса моихъ весеннихъ лѣтъ!

Въ Природѣ все любовью таетъ;
Она блаженство нашихъ дней!
И пѣночка съ дружкомъ летаетъ;
Коль нѣтъ его, то грустно ей!

*

А я одинъ! . . . На стонъ унылой
Никто не отвѣчаетъ мнѣ!
А я одинъ! . . . и тщетно милой
Въ плачевной сей ищу странѣ!

*

Луна въ долинѣ осребрила
Цвѣты, смоченные росой;
О естьли бы подруга мила
Гуляла здѣсь теперь со мной!

*

Отерла бы она токъ слезной
Рукою нѣжною своей,
И я бы грудь прижалъ любезной
Ко груди пламенной моей!

*

Но, ахъ! лишь болѣ унываетъ
Мой духъ, гоняясь за мечтой;
И томно эхо повторяетъ
Что милой я не зрю съ собой!

Пушкинъ.

LIX.

Милая вечоръ сидѣла
Подъ кустомъ у ручейка;
Пѣсенку она запѣла,
Я внималъ изъ-далека.
Съ милою перекликался
Ближней рощи соловей - - -
Голосъ милой раздавался,
Отдался въ душѣ моей.

Мнѣ зефиры приносили
Иногда ея слова;
Иногда слова глушили
Вкругъ шумящи дерева.
Смолкни все! — престань мѣшаться,
Ты, завистный соловей!
Пусть одинъ въ душѣ раздастся
Голосъ милой лишь моей!

Нелединскій.

LX.

ПѢСНЯ О ДОБРОМЪ ЦАРѢ.

Жилъ-былъ въ свѣтѣ доброй Царь,
Православной Государь.
Всѣ сердца его любили,
Всѣ отцомъ и другомъ чтили.

Любитъ Царь дѣтей своихъ;
Хочетъ онъ блаженства ихъ:
Санъ, великость забываетъ,
Тронъ, порфиру оставляетъ.

Царь, какъ странникъ, въ путь идетъ
И обходитъ цѣлой свѣтъ.
Посохъ есть ему — держава,
Всѣ опасности — забава.

❖

Для чегожь оставилъ онъ
Царскій санъ и свѣтлый тронъ?
Для чего ему скитаться,
Хладу, зною подвергаться?

❖

Чтобъ вездѣ добро сбирать,
Душу, сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами.

❖

Для чегожь ему желать
Душу, сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами?

❖

Чтобы мудростью своей
Озарить умы людей,
Чадъ и подданныхъ прославить
И въ *искусствѣ жить* наставить.

❖

О *Великій* Государь!
Первый, первый въ свѣтѣ Царь! —
Всю вселенную пройдете,
Но другова не найдете.

Карамзинъ.

LXI.

КЪ ТЕМИРЪ

Прости, моя Темира,
Ужь ѣду отъ тебя!
Насталъ сей часъ ужасной
Для сердца моего!

Тоска, тоска смертельна
Сопутница моя;
Она, какъ камень тяжкой,
Стѣсняетъ грудь мою.

Едва сдержать я слезы
Текущїя могу;
Но тяжки, тяжки вздохи
Всѣмъ кажутъ грусть мою.

Ахъ! можетъ быть впослѣдни
Прощаюсь я съ тобой,
И болѣ не увижусь,
Разставшись навсегда!

Со мною разлучившись,
Ты въ жаркой лѣтомъ день,
Искавъ себѣ прохлады,
Въ луга гулять пойдешь;

Цвѣточикъ тамъ увидишь,
Поблекшїй безъ росы:
Тоской терзаясь, буду
Такъ сохнуть безъ тебя!

Тебѣ напомнитъ также
О мнѣ и ручеекъ:
Его текущи воды
Стремятся завсегда —

Мои подобно слезы
Течь будутъ безъ тебя:
Стѣсненну грустью сердцу
Отрада будетъ въ нихъ.

Тѣ дни, часы щастливы,
Какъ я съ тобою былъ,
Пребудутъ безпрестанно
На мысли у меня.

Что было сердцу мило,
Возможно ль позабыть?
А помня то въ разлукѣ,
Какъ можно не грустить?

Тебя, тебя всечасно
Я буду вспоминать —
И чѣмъ инымъ ужь будетъ
Себя мнѣ занимать?

Но естьли вѣсть нещастна
Ко мнѣ туда придетъ,
Иль возвратясь увижу,
Что я забытъ тобой:

Ахъ! что со мною будетъ?
Могу ль вообразить?
Тебѣ пенять не стану,
А съ горести умру!

LXII.

ЧИЖИКЪ.

Не садись на эту вѣтку! . . .
Иль не видишь, что на ней
Злой ловецъ поставилъ клѣтку
Для погибели твоей?
Посмотри, какъ въ ней порхаетъ,
Участь горьку проклинаетъ
Зябликъ — жертва простоты . . .
Попадешься вѣдь и ты!

*

И наступитъ время грозно,
Естьли въ клѣточку запрутъ;
Будешь каяться, да поздно:
Ужь на вѣкъ остался тутъ!
Взглянешь въ поле на цвѣточки,
Вспомнишь ручейки, кусточки;
О подруженькѣ вздохнешь,
Томно, томно запоешь:

*

„Для чего, увы! прельщался
И приманки красотой?
И теперь бы наслаждался
Въ полѣ волею златой:
Тамъ сидѣлъ бы — гдѣ милѣе;
Тамъ порхалъ — гдѣ веселѣе;
И съ подружкой, въ красны дни,
Пѣлъ бы пѣсенки одни. . . . “ —

*

Такъ богатствомъ обольщаютъ
Часто *Хлоюшекъ* сердца;
Часто *Хлоюшки* считаютъ
Щастье въ пышности вѣнца;
Но алмазы, изумруды,
Жемчуговъ *большія* груды,
Пусть сперва и поблестятъ,
А всего не замѣнятъ.

*

Естьли нѣтъ въ душѣ покою,
Что алмазъ и изумрудъ;
И чрезъ золото рѣкою
Слезы горькія текутъ.
Не въ одномъ богатствѣ щастье.
Развѣ въ хижинахъ ненастье,
А въ чертогахъ красной день?
Нѣтъ! вездѣ и свѣтъ и тѣнь.

*

Ахъ! по сердцу выбирайте —
Хоть бы съ посохомъ однимъ;
Съ милымъ душу сопрягайте!
Вы увидите, что съ нимъ
Безъ богатства вы богаты,
И шалашъ тотъ на палаты
Не смѣняете ни чьи,
Гдѣ текутъ съ любезнымъ дни!

LXIII.

ВЕЧЕРЪ НАКАНУНѢ НОВАГО ГОДА

Съ новыми днями настанутъ
Новыя радости мнѣ:
Скоро увижусь съ любезнымъ,
Съ братомъ и другомъ моимъ!

Въ горестной, скучной разлукѣ
Годомъ казался мнѣ часъ;
Не было въ грусти отрады,
Не съ кѣмъ веселья дѣлить.

Вмѣстѣ жь съ тобою, другъ нѣжный!
Вся перемѣнится жизнь:
Годъ мнѣ покажется часомъ,
Райской минутою день.

Склонности, лѣта, природа,
Сблизили наши сердца;
Въ жизни согласные, будемъ
Мы и по смерти друзья.

Пусть прославляютъ другіе
Стройнымъ напѣвомъ любовь!
Самъ про себя потихоньку
Братскую дружбу пою.

Въ шумныхъ забавахъ и играхъ
Сердцу веселія нѣтъ;
Въ мысляхъ бесѣдуя съ другомъ,
Новаго года я жду.

LXIV.

КЪ МАЛЬВИНѢ.

Ахъ! чѣмъ красавицу мнѣ должно,
Какъ не цвѣточкомъ подарить?
Ее, безъ всякой лести, можно
Съ пріятной розою сравнить.

Что розы можетъ быть славнѣе?
Ее Анакреонъ воспѣлъ.
Что розы можетъ быть милѣе?
Амуръ изъ розъ вѣнокъ имѣлъ.

Ахъ! мнѣль твердить, что вянутъ розы;
Что мигомъ ихъ краса пройдетъ;
Что лишь появятся морозы,
Листокъ душистый опадетъ?

Но что же, милая, и вѣчно
Въ печальномъ мірѣ семъ цвѣтетъ?
Не только розы — скоротечно,
И жизнь — увы! и жизнь пройдетъ.

Но Граціи пока толпою
Тебѣ, Мальвина, въ слѣдъ идутъ,
Пока онѣ еще съ тобою
Играютъ, пляшутъ и поютъ;

Пусть розы нѣжныя гордятся
На лиліяхъ груди твоей:
Ахъ! смѣюль, милая, признаться . . . .
Я розой умеръ бы на ней.

LXV.

ПѢСНЯ

за обѣдомъ съ друзьями.

Забудемъ горе хоть на часъ —
Прочь всѣ заботы съ суетами!
И Неба щедраго дарами
Пусть всякъ теперь, друзья, изъ насъ
Въ восторгѣ сердца насладится:
Поѣстъ, попьетъ, повеселится!

*

На то ли сердце намъ дано,
Чтобъ вѣчно ныло, тосковало,
Невинныхъ радостей не знало;
Чтобъ только мучилось оно?
Нѣтъ! думать такъ есть преступленье;
Намъ жизнь дана на утѣшенье.

*

Не дважды роза въ годъ цвѣтетъ,
Не дважды травка зеленѣетъ,
Не дважды Май въ году свѣтлѣетъ,
И въ рощѣ соловей поетъ;
Одна пора всему въ Природѣ,
И яснымъ днямъ и непогодѣ.

*

Проходитъ молодость, какъ сонъ,
И нѣтъ ея возврата болѣ . . . .
Въ щастливой и нещастной долѣ,
Увы! для всѣхъ одинъ законъ! —

О тратѣ времени жалѣемъ,
А сами жить мы не умѣемъ.

*

Примѣры видя всякой день,
Какъ смерть уноситъ намъ подобныхъ,
Престанемъ въ суетахъ безплодныхъ
Ловить одну лишь щастья тѣнь;
А будемъ *вѣрнаго* держаться —
Что ближе къ намъ, тѣмъ утѣшаться.

*

Кто нужды, бѣдности далёкъ,
Подругу милую имѣетъ,
Друзей своихъ любить умѣетъ
И къ ближнимъ въ сердцѣ не жестокъ;
Свой день, какъ хочетъ, провождаетъ,
Съ забавой трудъ соединяетъ;

*

Къ кому не знаютъ и слѣда
Съ высотъ разящіе перуны,
И спицамъ въ колесѣ фортуны
Челомъ не бьетъ кто никогда;
Кому любезна добродѣтель;
Кто злобы *издали* свидѣтель;

*

Не мыслитъ превзойти людей,
Собой безумно не гордится,
Чужимъ талантомъ веселится;
Бренчитъ на лирѣ для друзей,
И въ мирѣ завсегда съ собою —
Что равно съ участью такою? . . .

*

Найдется ль изъ сыновъ земли
Такъ щастливъ хоть одинъ? — Не знаю;
Но искренно, друзья, желаю,
Чтобъ всѣ жизнь щастливу вели,
И меньше, меньше бы вздыхали . . .
Другъ друга братски обнимали!

*

Забудемъ горе хоть на часъ —
Прочь всѣ заботы съ суетами!
И Неба щедраго дарами
Пусть всякъ теперь, друзья, изъ насъ
Въ восторгѣ сердца насладится:
Поѣстъ, попьетъ, повеселится!

Таушевъ.

LXVI.

РОМАНСЪ

У рѣчки быстротечной
Я съ милою сидѣлъ,
И въ радости сердечной
На милую смотрѣлъ.

*

Цвѣточки ароматны,
И нѣжный птичекъ гласъ,
И вѣтерокъ пріятный —
Все веселило насъ.

*

Вдругъ милая взглянула
На рѣченьку съ тоской:
Задумалась, вздохнула!
И взоръ блеснулъ слезой.

„Увы, мой другъ сердечной!
„Сказала мнѣ она:
„Какъ въ рѣчкѣ быстротечной
„Бѣгущая волна:

„Такъ мчится наша младость,
„И вмѣстѣ, вмѣстѣ съ ней
„Навѣкъ умчится радость,
„И щастье нашихъ дней!

„Но мнѣ на что крушиться
„О младости моей,
„Лишь толькобъ не лишиться
„Горячности твоей.“

Повѣрь! прервалъ я съ жаромъ,
Повѣрь, другъ милой мой!
Что смерть однимъ ударомъ
Сразитъ меня съ тобой.

Но должно ль тѣмъ терзаться,
Чего еще не зримъ?
Нѣтъ! станемъ наслаждаться
Мы щастїемъ своимъ.

Страшна ль тѣмъ старость люта,
Кто сердцемъ зналъ любить?
Любви одна минута
Все можетъ замѣнить.

LXVII.

КЪ СОЛОВЬЮ.

О пѣвецъ весеннихъ дней,
Нѣжный, кроткій соловей!
Сколько ты меня плѣняешь,
Сердце, душу восхищаешь,
Естьли раннею порой
Ты подъ зеленью густой
Сладки пѣсни распѣваешь!

О пѣвецъ весеннихъ дней!
Нѣжной пѣснію своей
Сколько ты меня прельщаешь,
Естьли твой пріятный гласъ,
На зарѣ, въ вечерній часъ,
Иль при свѣтѣ лунной нощи,
Раздается въ тихой рощѣ!

Но, любезный соловей!
Сколько гласъ твой ни плѣняетъ,
Сколь ни милъ душѣ моей,
Какъ ее ни восхищаетъ:
Всё милѣе во сто разъ
Мнѣ Лизетинъ нѣжный гласъ!
Онъ меня обворожаетъ,
Въ рай душей переселяетъ.

LXVIII.

Свидѣтели тоски моей,
Лѣса, безмолвью посвященны!
Утѣхами прошедшихъ дней
Въ глазахъ моихъ вы украшенны;
Понынѣ щастливой мечтой
Всегда средь васъ я наслаждаюсь,
И чувствомъ радостнымъ питаюсь,
Анюту мысля зрѣть съ собой!

Нѣтъ мѣста въ темныхъ сихъ лѣсахъ,
Гдѣбъ не мечтался зракъ мнѣ милой;
Всечасно онъ въ моихъ глазахъ,
Всегда живетъ въ душѣ унылой.
Отъ мѣста къ мѣсту я спѣшу,
Гдѣ быть любезной, воображаю:
Ее отвсюда ожидаю;
У всей природы той прошу.

Что вправду милой нѣтъ со мной,
Повѣрить самъ себѣ не смѣю —
Вотъ тутъ она. . . . вотъ за горой,
По этой тропкѣ встрѣчусь съ нею;
Ищу вкругъ каждаго куста,
Гдѣ съ милой мы бывали прежде:
Внимаю въ смутной я надеждѣ
И шуму каждаго листа.

Журчащіе вокругъ ручьи!
Всего мнѣ болѣ въ васъ отрады;
Анюта прелести свои
Ввѣряла вамъ, ища прохлады.

Въ полдневны лѣтнїе часы,
Какъ птички при кустахъ таятся,
Струи, бывало, къ ней тѣснятся,
Спѣша ласкать ея красы.

Лишенному утѣхъ прямыхъ,
Отрада мнѣ въ ихъ воображеньи,
Для чувствїй пламенныхъ моихъ
Во всѣхъ я вижу наслажденьи.
Какъ послѣ солнца теплоту
Хранитъ земля средь жарка лѣта:
Огнемъ такъ милыхъ глазъ нагрѣта,
Душа хранитъ объ нихъ мечту.

О время! быстротой своей
Яви услугу мнѣ полезну:
Скорѣе достигай тѣхъ дней,
Въ которы мнѣ узрѣть любезну!
На медленность твою вперьвой
Ты жалобы мои внимаешь. . . .
Но, время! ты того не знаешь,
Что нѣтъ души моей со мной.

Нелединскій.

LXIX.

Всего богатства мїра!
На что, на что вы мнѣ,
Когда со мной Темира,
Когда мы съ ней однѣ?

*

Прочь, пышные уборы!
Мила мнѣ простота;
Моей любезной взоры
Украсятъ всѣ мѣста.

*

И хижина убога,
Съ Темирой мнѣ моей,
Прекраснѣе чертога
Блестящаго Царей.

*

Трюмо, плафонъ, паркеты,
Диванъ и будуаръ,
Софы, парчой одѣты,
Любви не множатъ жаръ.

*

Прохладна роща тёмна
Не лучше ль ихъ сто разъ?
Тамъ липа благовонна,
Густой, кудрявой вязъ,

*

Сплелися наклоняся,
Прїятну тѣнь даютъ;
Листочки, шевеляся,
Подъ шумомъ спать зовутъ;

*

Иль холмъ, гдѣ отливаетъ
Какъ бархатъ мурава;
Иль лугъ, гдѣ вѣтръ играетъ
И стелется трава;

*

Иль источникъ чистой,
Что пѣнясь съ шумомъ бьетъ
Изъ подъ скалы кремнистой,
Въ долу журча течетъ.

*

Милѣй сердцамъ простыя
Природы красоты,
Чѣмъ роскоши пустыя,
Мгновенныя мечты.

*

Прочь блескъ богатства лживой!
Не въ немъ ищу отрадъ.
Я бѣденъ — но съ Темирой
И щастливъ и богатъ.

Ш. . . . Бе. . . .

LXX.

ПОБѢДА КРАСОТЫ

Какъ храмъ Ареопагъ Палладѣ,
Нептуна презря, посвятилъ:
Притекъ къ Аѳинской левъ оградѣ,
И ревомъ городу грозилъ.

Она копья непобѣдима
Ко ополченью не взяла,
Противу льва неукротима
Съ Олимпа Геву призвала.

Пошла — и подъ оливой стала,
Блистая легкою броней,
Младую Нимфу обнимала,
Сидящую въ тѣни вѣтьвей.

Левъ шелъ — и подъ его стопою
Приморскій влажный брегъ дрожалъ
Но встрѣтясь вдругъ со красотою,
Какъ солнцемъ пораженный, сталъ.

Вздыхалъ, и палъ къ ногамъ левъ сильный,
Прелестну руку лобызалъ,
И чувства кроткія, умильны
Въ сверкающихъ очахъ являлъ.

Стыдлива дѣва улыбалась,
На молодаго льва смотря,
Кудрявой гривой забавлялась
Сего звѣринаго царя.

Минерва мудрая познала
Его родящуюся страсть,
Цвѣточной цѣпью привязала
И отдала любви во власть.

Не разъ потомъ уже случалось,
Что умъ смирялъ и ярость львовъ,
Красою мужество сражалось
И побѣждала все любовь.

Державинъ.

LXXI.

КЪ МИЛОЙ.

Недавно я на лирѣ
Уныло, томно пѣлъ,
Что я доселѣ въ мiрѣ
Подруги не имѣлъ!
Я *милую* имѣю,
И горесть всё терплю;
Но, ахъ! сказать не смѣю,
Что я ее люблю!

Лишь то въ душѣ твердится,
Что всѣхъ она милѣй —
И мысль моя стремится
Къ владычицѣ моей!

Стремится! . . . умножаетъ
Страданье тѣмъ мое:
Но, ахъ! она не знаетъ,
Что я люблю ее.

*

Какъ съ *милой* я бываю,
Я веселъ — и грущу;
Сказать *люблю* желаю,
И словъ я не сыщу.
То взоръ ея плѣняетъ,
То сердце рветъ мое:
Но, ахъ! она не знаетъ,
Что я люблю ее.

*

Пусть духъ томится страстной!
Мнѣ льзя ли не любить?
О естьлибъ я прекрасной
Могъ такъ же милымъ быть!
Блаженство съ чѣмъ равняться
Тогда моглобъ мое?
Но смѣю ль ей признаться,
Что я люблю ее?

Пушкинъ.

LXXII.

РОМАНСЪ

Осень блѣдная въ поляхъ:
Вѣтры хладные бушуютъ;
Пастухи въ стадахъ тоскуютъ,
Что и птичекъ нѣтъ въ лѣсахъ.
Птичекъ нѣтъ! — Мы другъ для дружки
Будемъ пѣсни пѣть, друзья!
Пастушки, и вы, пастушки!
Сядьте всѣ въ кружокъ — а я
Вамъ спою подъ этой ивой,
Какъ страдалъ одинъ ревнивой:

*

Дафнисъ видитъ за лѣскомъ,
Что вдали его подруга,
Безъ товарища, безъ друга,
Опираясь посошкомъ,
Въ легкомъ утреннемъ корсетѣ,
И въ рукѣ неся вѣнокъ —
Передъ солнцемъ, на разсвѣтѣ,
Тихо крадется въ лѣсокъ.
Ахъ! для нѣжности безмѣрной
Нѣтъ любви, довольно вѣрной!

*

Въ лѣсъ пастушка . . . онъ за ней;
Онъ рѣзво . . . . она рѣзвѣе. . . .
Сердце бьется въ немъ сильнѣе —
Вотъ пастушка, изъ очей

Черезъ лугъ мелькнувъ, какъ серна,
Скрылась въ рощицѣ густой.
„Небо! . . . . такъ, она невѣрна! . . .
„Нѣтъ сомнѣнья! тамъ другой
„Пастушокъ, въ любви щастливой,
„Ждетъ. . . . О полъ несправедливой! —"

✠

Наконецъ онъ въ рощѣ самъ,
Внемлетъ шороху въ листочкахъ,
Притаившися въ кусточкахъ,
Чтобъ, въ досадѣ сердца, тамъ
Обличить любовь невѣрной;
Онъ дѣлитъ рукой листки;
Но, согласные съ измѣной,
Въ темный кровъ сплелись сучки.
Дафнисъ нашъ стоитъ — не дышитъ,
И пастушкинъ голосъ слышитъ.

О могущество боговъ!
Кто клялась любить сердечно,
Жить однимъ, и жить имъ вѣчно —
— Легче громъ подобныхъ словъ —
Говоритъ: „ко мнѣ скорѣе,
„Ближе, миленькой дружокъ!
„Такъ, прижмись ко мнѣ сильнѣе,
„Къ сердцу, къ груди, на вѣнокъ;
„Дай тобою насладиться,
„Чувствомъ щастья восхититься!" —

✠

„Вѣроломка! торжествуй!"
Мыслитъ Дафнисъ. . . . Вдругъ со смѣхомъ
Въ тихой рощѣ, звучнымъ эхомъ
Раздается поцѣлуй.

Тутъ ужь Дафнисъ выбѣгаетъ
Съ дикой яростью въ очахъ . . .
Онъ красавицу пугаетъ,
У которой — на рукахъ
Птичка нѣжная порхала,
А она ее ласкала.

*

— Ахъ! простишь ли, за предметъ,
Мнѣ минутное сомнѣніе? —
„Гдѣ любовь и оскорбленье,
„Тамъ вовѣкъ прощенья нѣтъ.“
Съ словомъ симъ они разстались.
Бѣдный Дафнисъ тосковалъ;
Взоры милыхъ не встрѣчались;
День въ печали протекалъ. . . .
Но красавица смягчилась,
И — подъ вечеръ примирилась

LXXIII.

БѢДНАЯ ДУНЯ.

Ахъ, не лебедь ходитъ бѣлая
По зеленой травкѣ шолковой.
Ходитъ Дуня, ходитъ бѣдная,
Съ томнымъ сердцемъ, въ мысляхъ горестныхъ.

Не любуется цвѣточками,
Краснымъ утромъ не плѣняется,
И пѣвуньи, малы пташечки,
Ужь не могутъ веселить ее.

Снѣгобѣлымъ рукавомъ своимъ
Закрывая очи ясныя,
Только слезы льетъ красавица,
Только думу крѣпку думаетъ:

„На кого меня покинулъ ты,
На кого, сердечной милой другъ?
Не клялся ли ты любить меня,
Не клялась ли я тебя любить?

„Я отстала отъ подруженъ всѣхъ
И отъ батюшки, отъ матушки;
Я покинула сестёръ моихъ
И сторонушку родимую;

„Убѣжала и повѣрилась
Другу милому, сердечному;
Разплела я косу русую
И съ весельемъ отдалась тебѣ.

„Мнѣ свѣтлѣй казалось солнышко
И цвѣточки всѣ душистѣе,
Какъ въ твоихъ объятьяхъ сладостныхъ
Забывалась я нещастная.

„Ахъ, разкройся мать-сыра земля,
Поглоти меня преступницу!
Для когожь мнѣ жить осталося,
Естьли милый мнѣ невѣренъ сталъ?“ . . . .

Тутъ пошла она по берегу
По крутому, по высокому —
И всплеснувъ руками бѣлыми,
Въ волны бросилась ревущія.

LXXIV.

Какъ мнѣ не плакать, ахъ! какъ мнѣ не рваться!
Можно ли смерти себѣ не желать?
Съ милой Анетой велятъ разставаться,
Душу велятъ здѣсь мою покидать!

Ахъ! для чегожь я съ Анетой свыкался,
Естьли теперь ей *прости* говорю?
Взоромъ умильнымъ начто я прельщался,
Ахъ! для чегожь къ ней любовью горю?

Новыя радости мнѣ приносило
Всякое утро, что съ нею дѣлилъ;
Сердце мое одного лишь просило:
Чтобъ неразлученъ съ Анетою былъ.

Всякой часъ болѣ Анетой прельщаясь,
Я почиталъ всѣхъ щастливѣй себя;
Пышности, славѣ, чинамъ посмѣваясь,
Ихъ не искалъ я, Анету любя.

Можно ль искать ихъ любимому ею?
Сердце Анеты престолъ было мой. —
Сжалься, любовь, надо мной и надъ нею!
Ахъ! возврати двумъ нещастнымъ покой!

Сжалься!... дай съ милой еще повидаться;
Слившись устами, дай намъ умереть!
Лучше не жить, чѣмъ всечасно терзаться
И въ разлученьи любовью горѣть.

Какъ мнѣ не плакать, ахъ! какъ мнѣ не
рваться!
Можно ли смерти себѣ не желать?
Съ милой Анетой велятъ разставаться,
Душу велятъ здѣсь мою покидать.

LXXV.

ИРИСА.

Прелестны розы и ясмины!
Когда они цвѣтутъ весной
Среди зеленыя долины,
Посребряемы росой;
Но ихъ прелестнѣе Ириса
Красой невинности цвѣтетъ.

Пріятенъ вѣтерокъ игривый,
Лилеѣ шепчущій любовь,
Ручей пріятенъ говорливый
Между излучистыхъ бреговъ;
Но сколь пріятнѣе Ириса,
Когда *люблю* мнѣ говоритъ! . . .

Какъ сладокъ медъ прозрачной, чистой,
И сахаръ, тающій въ устахъ,
Иль пѣнисто вино душисто,
Родяще розы на щекахъ;
Но сладостнѣй всего на свѣтѣ
Моей Ирисы — поцѣлуй.

Дмитриевичъ.

LXXVI.

МУДРОСТЬ.

Мы недавно отъ печали,
Лиза, я да Купидонъ,
По бокалу осушали;
И просили Мудрость вонъ.

— Дѣтушки! поберегитесь!
Говоритъ сѣдая намъ;
Пить не должно. Воздержитесь;
Этотъ сокъ опасенъ вамъ! —

„Бабушка! сказалъ плутишка,
Твой совѣтъ закономъ мнѣ.
Я послушливый мальчишка;
Но . . . вотъ капелька тебѣ,

Выпей“ . . . Бабушка напрасно
Отговаривалась пить.
Какъ откажешь? богъ прекрасной
Такъ искусенъ говорить!

Стала пить — а намъ твердила
О воздержности въ винѣ;
Но допивши, попросила,
Что осталося на днѣ.

И старушка зашаталась,
Не нашла ужь болѣ словъ;
Вонъ пошла — но спотыкалась,
Опираясь на Любовь.

Давыдовъ.

LXXVII.

БѢДНАЯ ПТИЧКА.

Бьется птичка, сидя въ клѣткѣ;
Жаль ей воли дорогой!
На зеленой лучше вѣткѣ,
Чѣмъ въ темницѣ золотой.

Все въ Природѣ торжествуетъ
Возвращенье красныхъ дней;
Птичка стонетъ и тоскуетъ:
Нѣтъ весны одной лишь ей!

Но свободы ли единой
Сей нещастной столько жаль?
Нѣтъ! . . . гонима злой судьбиной,
Ей двойная вдругъ печаль:

Тотъ, кого она любила,
Для кого хотѣла жить,
Съ тѣмъ неволя разлучила:
Рокъ судилъ всего лишить!

LXXVIII.

КЪ МИЛОЙ ПОДРУГѢ.

Два дни не бывъ съ тобою,
Два дни не зрѣвъ тебя,
Я мучился тоскою,
И все вокругъ меня
Печально, томно было —
Но былъ ли щастливъ я,
Какъ сердце не любило?
Ахъ, нѣтъ! . . . . теперь лишь знаю,
Въ чемъ щастье находить.
Люблю . . . и въ вѣкъ желаю
Любви подвластнымъ быть!
Въ любви все утѣшаетъ:
И грусть, что я терплю,
И слезы, что я лью; —
Всё чувства услаждаетъ,
Питая страсть мою.
Не зрѣть тебя — ужасно!
Но мыслью и душой
Съ одною лишь тобой
Быть, милая, всечасно —
Вотъ щастїе мое!
„Когда узрю ее,
Твердитъ мнѣ сердце страстно,
„Когда скажу я ей,
„Что всякую минуту
„Терпѣлъ я муку люту,
„Что былъ въ разлукѣ съ ней:

„Когда улыбку нѣжну
„Увижу на устахъ;
„Когда прочту прелестну
„Надежду я въ очахъ:
„То все тогда забуду
„И щастливъ, щастливъ буду!“ —
Такъ, милая, тобой
Рай жизни обрѣтаю;
На скучной я покой
Любви не промѣняю!
Пусть огнь кипитъ въ крови,
Пусть сердце унываетъ;
Но, вѣрь мнѣ, все вѣщаетъ:
Нѣтъ щастья безъ любви!

Пушкинъ.

LXXIX.

УМИРАЮЩЕЕ ДИТЯ.

Малютка Лиза на постелѣ
Лежитъ отчаянно больна;
Душа чуть держится ужь въ тѣлѣ,
Страдаетъ и какъ тѣнь блѣдна.

Прегорькими надъ ней слезами
Нещастная рыдаетъ мать,
И устъ касаяся устами,
Ей хочетъ жизнь свою отдать.

Но тщетно бѣдная стенаетъ,
И громко къ небу вопїетъ:
Смерть сожалѣнїя не знаетъ.
Кто долженъ умереть, умретъ.

Увидя Лиза мать стенящу,
Послѣдни силы собрала,
И рѣчь простерши къ ней дрожащу,
Прерывнымъ голосомъ рекла:

„О чемъ ты слезы проливаешь,
Мой другъ единственный, о чемъ?
Куда меня ты отпускаешь?
Къ Отцу всеобщему намъ всѣмъ,

„И на Него надежду тверду
Въ блаженствѣ я моемъ кладу;
Отселѣ къ Богу милосерду
Безъ страха, радостно иду.

„Онъ тамо дастъ мнѣ жизнь блаженну,
Вселитъ меня въ свой домъ святой;
Тамъ буду радость совершенну
И вѣчной я вкушать покой;

„Къ Нему тамъ съ Ангелами купно
Я буду гласъ мой возносить,
И Господа повсеминутно
О вашемъ щастіи просить.“

Сіе сказавъ, она вздохнула,
Рукою сотворила крестъ;
На мать впослѣдніе взглянула,
И отошла отъ здѣшнихъ мѣстъ.

Шишковъ.

LXXX.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ПѢСНЯ.

Я слыхалъ: въ Москвѣ пространной
Много злата и сребра;
Градъ престольный, градъ избранной:
Много всякаго добра!

На клячонкѣ я собрался
На Москву хоть посмотрѣть;
Тамъ Лизетѣ обѣщался
На красавицъ не глядѣть.

Ахъ, мой Ангелъ, успокойся!
Съ кѣмъ могу тебя сравнить?
Будь увѣрена, не бойся:
Буду вѣкъ тебя любить!

Признаюсь тебѣ: я встрѣтилъ
Много въ городѣ дѣвицъ;
Но божусь, что не примѣтилъ
Я тебѣ подобныхъ лицъ.

Какъ-то щеки ихъ краснѣе
Щечекъ кругленькихъ твоихъ;
Но ты ихъ сто разъ милѣе;
Что-то всё не такъ у нихъ!

Тамъ огромныя палаты,
Много, много тамъ всего!
Люди всемъ въ Москвѣ богаты —
Нѣтъ лишь щастья одного.

Ворочусь-ко въ деревушку
На клячонкѣ я своей!
Тамъ оставилъ я подружку;
Привезу гостинца ей:

Ленточку я голубую
Въ знакъ любви Лизетѣ дамъ;
За подарокъ поцѣлую,
И найду я щастье тамъ.

К. Г. Хаванской.

LXXXI.

ПЧЕЛА.

Пчелка златая!
Что ты жужжишь?
Всё вкругъ летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Сотыль душисты
Въ желтыхъ власахъ,
Розыль огнисты
Въ алыхъ устахъ,
Сахаръ ли бѣлый
Грудь у нее?

Пчелка златая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мнѣ говоришь:
Къ меду прилипнувъ,
Съ нимъ и умру.

Державинъ.

LXXXII.

КЪ ГОЛУБКУ.

Голубочикъ сизокрылый,
Голубочикъ нѣжный, милый!
Отъ чего ты такъ унылъ,
Легки крылья опустилъ?

Отъ чего ты всё вздыхаешь,
Плачешь, стонешь, изсыхаешь?
Гдѣ дѣвался твой покой,
Вѣкъ щастливой, золотой?

Прежде, утренней зарею,
Ты съ голубкою своею
Страстно — страстно ворковалъ,
Не томился, не вздыхалъ.

Гдѣ жь теперь твоя любезна?
Видно, часть постигла слезна?
Не о томъ ли ты грустишь? . . .
Ахъ! ее не оживишь.

Не одинъ, мой другъ, вздыхаешь
И въ печали увядаешь;
Злую грусть и я терплю . . .
Я жестокую люблю!

LXXXIII.

ФИЛОСОФЫ, ПЬЯНЫЙ И ТРЕЗВЫЙ.

Пьяный.

Сосѣдъ! на свѣтѣ все пустое:
Богатство, слава и чины!
А естьли за добро прямое
Мечты быть могутъ почтены:
То здраво и покойно жить,
Съ друзьями время проводить,
Красотъ любить, любимымъ быть,
И съ ними сладко ѣсть и пить.

Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

Трезвый.

Сосѣдъ! на свѣтѣ не пустое
Богатство, слава и чины:
Блаженство сыщемъ въ нихъ прямое,
Когда мы будемъ лишь умны,
Привыкнемъ прямо честь любить,
Умѣренно въ довольствѣ жить,
По самой нуждѣ ѣсть и пить:
То можемъ всѣ щастливы быть

Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ.

Пьяный.

Гонялся я за звучной славой,
Встрѣчалъ я смѣло ядры лбомъ;
Сей звѣрской упоенъ отравой,
Я былъ ужаснымъ дуракомъ.
Какая польза страшнымъ быть,
Себя губить, другихъ мертвить,
Въ убійствѣ время проводить?
Безумно на убой ходить!

Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

Трезвый.

Гоняться на войнѣ за славой
И съ ядрами встрѣчаться лбомъ
Велитъ тому разсудокъ здравой,
Кто лишь рожденъ не дуракомъ.
Царю, отечеству служить,
Чадъ, женъ, родителей хранить,
Себя отъ плѣна боронить —
Священна должность храбрымъ быть!

Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ.

Пьяный.

Хотѣлъ я сдѣлаться Судьею,
Законы свято соблюдать:
Увидѣлъ, что кривятъ душею,
Гдѣ должно сильныхъ осуждать!
Какая польза такъ судить:
Однихъ щадить, другихъ казнить,
И совѣстью своей шутить?
Смѣшно въ тенета мухъ ловить.

Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

Трезвый.

Когда судьба тебѣ судьею
Въ судахъ велѣла засѣдать:
Вертѣться нужды нѣтъ душею,
Когда не хочешь взятокъ брать.
Какъ можно такъ и сякъ судить,
Закономъ правду тенетить,
И подкупать себя пустить?
Судьѣ злодѣемъ страшно быть!

Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ.

Державинъ.

LXXXIV.

БЛАЖЕНСТВО ЛЮБВИ

Любить тебя, мой милой другъ,
Имѣть одну тебя въ предметѣ —
Вотъ всѣ мои утѣхи вдругъ!
Вотъ щастье все мое на свѣтѣ!
Тобой одной — и для тебя
Я жизнь люблю и жить желаю;
Кто вѣкъ проводитъ не любя,
Живетъ ли тотъ — мой другъ, не знаю.

Кто любитъ, тотъ въ душѣ своей
Всегда съ собой блаженство носитъ,
И какъ-то къ нѣжной страсти сей
Онъ все до малости относитъ:
Дохнулъ ли тихій вѣтерокъ,
Мысль страстная ужь въ немъ родилась;
Ручья ль увидѣлъ быстрый токъ,
И та же мысль возобновилась;

И мысль сія сама собой
Ему всѣхъ благъ замѣной служитъ;
Пусть рокъ грозитъ ему бѣдой,
Онъ съ другомъ — и въ бѣдѣ не тужитъ:
Нѣтъ для него напастей — нѣтъ!
Онъ выше ихъ себя считаетъ;
Богатство, славу — цѣлый свѣтъ
Онъ все въ драгой своей вмѣщаетъ.

Такъ, милая моя, съ тобой
Хоть будемъ жить подъ кровлей бѣдной,
И тутъ всегда найдемъ покой:
Любовь не знаетъ скуки блѣдной;
И тутъ, благословляя рокъ,
Который намъ судили боги,
Мы маленькой свой уголокъ
Не промѣняемъ на чертоги.

Пусть роскошь въ пышныхъ городахъ
Заводитъ гордыя собранья.
Что ихъ начало? — Скука, страхъ.
Что цѣль? — Холодныя свиданья.
Ахъ! часто осужденъ тужить
Въ богатствѣ Баринъ знаменитой:
А щастью съ Хлоей должно жить
И въ хижинѣ, соломой крытой.

Г. Г. Салтыковъ.

LXXXV.

КУПИДОНЪ И БАБОЧКА.

Однажды показался
Малютка Купидонъ:
За бабочкой гонялся
Въ саду летая онъ.

Съ кусточка на кусточикъ,
Съ цвѣточка на цвѣтокъ,
Какъ Майской вѣтерочикъ
Порхалъ за ней божокъ,

И въ виноградныхъ лозахъ,
И между миртъ леталъ,
И вдругъ, въ цвѣтущихъ розахъ,
Почти ее догналъ.

Но, ручку протянувши,
Онъ пальчикъ уколи;
А бабочка вспорхнувши
Ужь зыблется вдали!

Ни съ чемъ божокъ остался,
Рученкой замахалъ,
Боль чувствовать казался
И въ пальчикъ подувалъ.

Не такъ ли мы стремимся
За рѣзвой красотой,
И часто наградимся
Сердечною тоской?

Волковъ.

LXXXVI.

КЪ ХЛОЁ

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ;
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ.

Съ каждымъ днемъ милѣе
Мнѣ она была:
Съ каждымъ днемъ алѣе
Всё какъ вновь цвѣла.

Но на щастье прочно
Всякъ надежду кинь;
Въ Розѣ, какъ нарочно,
Привилась Полынь:

Роза не увяла,
Тотъ же самый цвѣтъ;
Но не та ужь стала:
Аромата нѣтъ.

Хлоя, какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!
Сколь, увы! опасенъ
Для красы порокъ!

Дмитріевъ.

LXXXVII.

ФІЯЛКА И ТЕРНОВНИКЪ.

Ни мало не гордяся
Своею красотой,
Растя и веселяся,
Довольная собой,
Фіялочка въ лѣсочкѣ
Не въ пышности была,
При терновомъ кусточкѣ
Смирнехонько цвѣла.

Одиножды Терновникъ
Сказалъ цвѣтку сему:
„Я знаю, кто виновникъ
Веселью твоему;
Конечно ты считаешь,
Здѣсь краше нѣтъ тебя;
О, какъ же мало знаешь,
Бѣдняжечка, себя!

„Взгляни, какъ Роза рдѣетъ
Красиво средь луговъ:
Царицы видъ имѣетъ
Она между цвѣтовъ!
Тебя здѣсь и не видно,
Не слышенъ запахъ твой;
Какъ можешь такъ безстыдно
Ты хвастаться собой?“

Фїялочка смиренно
На рѣчь сказала ту:
— Я здѣсь уединенно
Въ спокойствїи цвѣту;
За многимъ не гоняюсь:
Завидовать порокъ;
Довольна, коль считаюсь
Я добренькой цвѣтокъ.

⁂

Хотя не проливаю
Я запахъ въ цѣлый лугъ,
Однако наполняю
Имъ малый свой округъ;
Не рѣдко оставляетъ
Румяный розовъ цвѣтъ
Пчела, и прилетаетъ
Съ меня брать сладкїй медъ.

⁂

Отъ солнечнаго зноя
Пастушка утомясь,
Для хлада и покоя
Въ мѣста сїи склонясь,
Не рѣдко, воздыхая,
Творца благодаритъ,
Что сладко отдыхая,
Фїалочку въ нихъ зритъ.

⁂

Сосѣдушка - прїятель!
Не должно намъ роптать;
Вселенныя Создатель
Умѣлъ, кому что дать.

Безумно наше чванство
Противу Божьихъ дѣлъ:
Онъ розъ далъ убранство,
Мнѣ скромной быть велѣлъ.

Шишковъ.

LXXXVIII.

ПРІЯТНОЕ СМУЩЕНІЕ.

Могу ли вѣрить я глазамъ?
Тебя ли вижу, милу Клою?
Или угодно Небесамъ
Очаровать меня мечтою?
Могу ли вѣрить? твой ли взоръ,
Стремясь ко мнѣ, меня ласкаетъ?
Меняль твой взоръ,
Твой разговоръ
Въ любови нѣжной увѣряетъ?

Ты, Клоя, ты передо мной!
Твоимъ рѣчамъ, мой другъ, внимаю!
Тебя цѣлую, ангелъ мой,
И страстно къ сердцу прижимаю!
Ахъ! естьли то не сладкій сонъ,
Ни съ кѣмъ блаженствомъ не сравнюся!
Когда же сонъ,
Пусть вѣченъ онъ!
Пусть вѣчно, боги, не проснуся!

LXXXIX.

КЪ НАДИНѢ.

Жестокою судьбою
Отъ милой удаленъ;
И строить томну лиру
Въ разлукѣ осужденъ!

⁂

Услышишь ли, Надина,
Унылой голосъ мой?
Душа моя трепещетъ,
Бесѣдуя съ тобой!

⁂

Тебя ли призываю,
Или — ужь тѣнь твою? . . . .
Желаю и страшуся
Узнать судьбу свою!

⁂

Пловецъ въ пучинѣ бурной
Хоть смерть свою и зритъ,
Послѣднею минутой
Еще онъ дорожитъ;

⁂

Надежду созерцаетъ
Онъ въ гибели самой;
Къ ней руки простираетъ . . . .
Вотъ бѣдный жребій мой!

⁂

О благость Провидѣнья!
Ему ли насъ забыть!
Оно не дастъ мгновенья
Тебя мнѣ пережить!

⁂

Когда отъ щастья прежде
Не могъ я умереть,
Такъ нынѣ жить мнѣ должно,
Чтобы съ тобой терпѣть!

Страдать съ моей Надиной —
О сладостная часть!
Не можетъ сей отрады
Похитить злобныхъ власть!

Смотрите, сколь вы слабы!
Разлукѣль запретить
Сердцамъ соединеннымъ
Другъ съ другомъ говорить?

Она вездѣ со мною;
Въ безмолвный нощи часъ
Я пью ея дыханье,
Я слышу милый гласъ!

Ея цѣлую слезы —
На сердце каплютъ мнѣ
Любви нѣжнѣйшей слёзы!
Коль пламенны онѣ! . . .

Надина! ободримся!
Что отнято у насъ?
Ужель не въ нашей волѣ
Послѣдній жизни часъ?

Надина! тамъ блаженство!
Тамъ щастливы душой!
Тамъ нужно только сердце,
Чтобы владѣть тобой.

Не слава тамъ, не знатность,
Не пышны имена;
Не гордыхъ предковъ титлы,
Нужна — любовь одна!

*

Не хладный предразсудокъ
Тамъ будетъ намъ судья:
Прижавши руку къ сердцу,
Ты скажешь: я твоя! —

Мерзляковъ.

XC.

КЪ ВАСИЛЬКУ

на груди Прекрасной.

Гордися участью своею
И долѣе не увядай;
Цвѣти, грудь нѣжну украшай.
Ахъ, сколь ты ощастливленъ ею,
Простой, незнаемой цвѣтокъ,
Мой милой василёкъ!

Всѣ пышну розу прославляютъ,
Изъ туберозъ вѣнки плетутъ,
Или фіялочку поютъ;
А о тебѣ и не вспомянутъ,
Забытой, бѣдненькой цвѣтокъ,
Мой милой василёкъ!

Я быть хочу твоимъ поэтомъ,
И какъ умѣю, воспою
Судьбу завидную твою;
Пусть буду критики предметомъ,
Любимый мной изъ всѣхъ цвѣтокъ,
Мой милой василёкъ!

Не въ хитромъ цвѣтникѣ сажденный,
Не въ вазѣ бережонъ драгой;
На нивѣ сельской ты простой
Одной Природой возращенный,
Живешь и вянешь, мой цвѣтокъ,
Мой милой василёкъ!

Ты жребїемъ своимъ не равенъ
Растущимъ въ городахъ цвѣтамъ:
Твой видъ прїятенъ, стебель прямъ;
Твой запахъ милъ — но ты *не славенъ*!
И будто нѣтъ тебя, цвѣтокъ,
Мой милой василёкъ!

Едва какъ яхонтъ заблистаешь
Среди колосьевъ золотыхъ,
Во цвѣтѣ лучшихъ дней твоихъ;
Махнутъ серпомъ — ты жизнь кончаешь;
Увы! поблекъ, опалъ цвѣтокъ,
Мой милой василёкъ!

Ахъ! то же и съ людьми бываетъ . . .
Глупецъ за лакомымъ столомъ,
А умный бродитъ съ *кошелёмъ*,
И часто, часто вѣкъ кончаетъ
Въ безвѣстности, какъ ты, цвѣтокъ,
Мой милой василёкъ!

Но вотъ насталъ твой часъ блаженный!
Прелестны милая рука
Тебя сломила съ корешка!
Отъ нивы скромной вознесенный . . .
Куда?... Гордись, гордись, цвѣтокъ,
Мой милой василёкъ!

Теперь ужь не страшись борея,
И дождь тебя ужь не зальетъ:
Тебя отъ зноя сбережетъ
Прелеста, на груди лелѣя,
Щастливѣйшій изъ всѣхъ цвѣтокъ,
Мой милой василёкъ!

Ея волшебное дыханье,
Какъ ранній Майскій вѣтерокъ,
Живить твой будетъ стебелёкъ;
И ты, въ пріятномъ колебаньѣ,
Коснешься . . . торжествуй, цвѣтокъ,
Мой милой василёкъ!

Но время все перемѣняетъ!...
Увы! пора твоя придетъ,
Лазурный листикъ опадетъ,
Твой стебелёкъ клониться станетъ — —
Придетъ твоя пора, цвѣтокъ,
Мой милой василёкъ!

Она, взглянувъ на зелень тлѣнну,
И въ горести сказавъ своей:
Такъ вяну я въ тоскѣ моей!
Слезу уронитъ драгоцѣнну
На твой поблекнувшій листокъ,
Мой милой василёкъ!

Лови ее, питайся ею,
Какъ росу утреннюю впивай,
И снова, другъ мой, разцвѣтай. . . .
Что съ участью сравню твоею,
Мой скромный, полевой цвѣтокъ,
Мой милой василёкъ!

Таушевъ.

XCI.

СЛАДОСТЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Красны какъ пришли денёчки,
Я гулялъ въ лугу весной;
Тамъ всѣ птички и звѣрочки
Веселилися со мной;

И гдѣ рѣчка протекаетъ
По зеленому лужку,
Тамъ, я видѣлъ, отдыхаетъ
Старичокъ на бережку.

Хворъ и сѣдъ, мое сердечко!
Жесткимъ рубищемъ покрытъ;
Отъ него тутъ недалечко
Посошокъ его лежитъ;

И кусочикъ черства хлѣба
Положенъ въ его суму —
Убоясь знать кто-то Неба,
Христа ради далъ ему.

Онъ во снѣ поворотился,
И проснулся тотъ же часъ:
Слезъ источникъ покатился
Горькихъ у него изъ глазъ.

Отъ чего, старикъ любезной,
Съ сожалѣньемъ я спросилъ,
Отъ чего потокъ сей слезной?
Развѣ свѣтъ тебѣ не милъ? —

Онъ, въ унынїи глубокомъ,
На меня тогда взглянулъ,
Бѣдный, толь печальнымъ окомъ,
Что и самъ я воздохнулъ.

„О дитя мое любезно!
Томнымъ голосомъ онъ рекъ:
„Житїе веду я слезно,
„И не кончится мой вѣкъ!

„Изнуренъ печалью злою,
„Тяжкой старостью согбенъ,
„Нѣтъ ни пищи, ни покою,
„А работать силъ лишенъ!

„Сынъ мой въ младости скончался,
„Сирыхъ мнѣ оставя чадъ;
„Я одинъ у нихъ остался —
„Малы всѣ, и терпятъ гладъ.

„Испрошенный сей слезами
„Хлѣбецъ малый, предъ тобой.
„Съ пятерыми я дѣтями
„Раздѣлю, пришедъ домой.

„То послѣдня, можетъ, пища,
„Что рука имъ дастъ моя!
„Завтра . . . (Боже, призри нища!)
„Можетъ, мертвъ ужь буду я!“

Онъ умолкъ; но мукой злою
Взоръ его былъ помраченъ;
Я, крушась его тоскою,
Самъ былъ въ слезы приведенъ.

У меня тогда, по щастью,
Кошелекъ въ карманѣ былъ;
Огорченному напастью,
Старцу я его вручилъ.

О, коль жаръ благодаренья
Въ хладномъ сердцѣ былъ великъ!
О, коликаго почтенья
Былъ достоинъ сей старикъ!

Сладость, помогать убогимъ,
Я впервые тутъ вкусилъ,
И съ веселїемъ премногимъ
Весь тотъ вечеръ проводилъ.

Шишковъ.

XCII.

ВЕНЕРИНЪ ПОЯСЪ.

Амуръ тихонько поясъ
У матери укралъ;
Киприда, безпокоясь,
Груститъ: кто поясъ взялъ?
Великой шумъ въ Циперѣ —
Бѣгутъ искать во храмъ,
Бѣгутъ въ чертогъ къ Венерѣ;
По рощамъ, по лугамъ —
Куда дѣвался поясъ?
Пропалъ Венеринъ поясъ!

Всѣ царства переходятъ;
Изъ града въ градъ летятъ;
Въ Москву они приходятъ,
Въ Собраніе спѣшатъ . . .
Пленира тамъ сіяла;
Какъ въ сонмѣ звѣздъ луна;
И къ ней толпа бѣжала —
Смотрите! вотъ она!
Она украла поясъ!
У ней Венеринъ поясъ!

Прекрасная стыдится;
И какъ заря горитъ.
Какъ можно не смутиться?
И Флора къ ней летитъ;

И группами Зефиры
Вплелися въ волоса;
Звучатъ, гремятъ ей лиры,
Дивятся небеса —
Вотъ, вотъ, смотрите, поясъ!
Нашли Венеринъ поясъ!

Амуръ вокругъ летаетъ,
Вѣнокъ приноситъ ей,
И стрѣлы сокрушаетъ;
Онѣ въ глазахъ у ней.
Предъ всѣми онъ признался,
Что самъ ей поясъ далъ;
И всякой любовался,
Какъ поясъ къ ней присталъ.
Носи, Плѣнира, поясъ!
Носи Венеринъ поясъ!

Пушкинъ.

XCIII.
ВОСПОМИНАНІЕ.

Нѣкогда я въ Нисѣ нѣжной
Друга вѣрнаго имѣлъ;
Съ Нисой милою, прелестной
Я короны бъ не хотѣлъ.

Легкой цѣпію своею
Насъ Эротъ сѣединилъ;
Я любилъ, любимъ былъ ею —
Ахъ! тогда я щастливъ былъ!

Мы, бывало, удалялись
Часто въ этотъ съ ней лѣсокъ;
Птички тутъ къ намъ пѣть слеталися,
Съ шумомъ текъ здѣсь ручеёкъ.

Тутъ я ею восхищался,
Съ ней сидѣлъ, съ ней говорилъ;
Въ страстныхъ чувствахъ открывался . . .
Ахъ! тогда я щастливъ былъ!

*

Видъ тѣхъ мѣстъ перемѣнился,
Голосъ птичекъ въ нихъ замолкъ;
Ручеёкъ отъ слёзъ смутился;
Опустѣлъ, унылъ лѣсокъ:

Милая мнѣ измѣнила,
Клятвы прежнія забывъ. . . .
Ахъ! какъ жизнь тому постыла,
Кто былъ нѣкогда щастливъ!

Пельскій.

XCIV.

ПОХВАЛА ЗИМѢ.

Дѣтская пѣсня.

Хоть весною
И тепленько,
А зимою
Холодненько;
Но и въ стужѣ
Мнѣ не хуже:
Въ зимнїй холодъ
Всякой молодъ,
Всѣ игривы,
Всѣ шутливы;
Въ долгу ночку
Къ огонїочку
Всѣ сберутся,
Стары, малы,
Точатъ балы
И смѣются.
А какъ матки
Придутъ Святки:
Тутъ то грохотъ,
Игры, хохотъ!
О, какїя
Тутъ дурныя
На игрищи
Есть личищи!
А плутишкамъ
Ребятишкамъ
Тамъ и нравно,
Гдѣ забавно;

Гдѣ пирушки,
Гдѣ игрушки,
И гдѣ смѣхи,
Скачки, пляски,
Пѣсни, сказки,
Всѣ утѣхи —
А снѣжки-то?
Комѣ свернися!
А коньки-то?
Стань, катися!
А солазки?
Эй робята!
По подвязки
Надо съ брата:
Привяжите,
Ну, везите,
Ѣдемъ въ Питеръ:
Я пусть кучеръ,
Вы лошадки
Рѣзвоноги —
Прочь съ дороги!
Держи право!
Ай, ребятки!
Ну ужь браво!
Накатались,
Наигрались!
Вплоть до ночки
Не видали,
Какъ часочки
Пролетали. —
Тольколь дѣла,
Что катайся?
Чѣмъ изволишь
Забавляйся:

Отъ ученья
За веселье:
Отъ веселья
За ученье.
Всяко время
Мнѣ не бремя:
И зимою,
Какъ весною,
Слава Богу,
Не скучаю,
Но вкушаю
Радость многу!

Шиповъ.

XCV.

РОМАНСЪ.

Я въ горести зарю встрѣчаю,
Весь день я провожу съ тоской;
Приходитъ вечеръ, я страдаю:
Печаль и страсть всегда со мной.

Лоза младая, виноградна,
Вкругъ вяза оплетясь, цвѣтетъ;
Но въ цвѣтѣ вянетъ безопрадна,
Когда подпора упадетъ.

Для розы тѣнь нужна, прохлада;
Нужна защита отъ жаровъ,
И отъ свирѣпства бурь ограда —
Для слабой надобенъ покровъ.

Я роза — ахъ! и нѣтъ прохлады;
Защиты нѣтъ мнѣ отъ жаровъ,
И отъ свирѣпства бурь ограды —
Мнѣ, слабой, надобенъ покровъ.

И я — и я была прекрасна,
Какъ въ щастіи, въ любви цвѣла!
Теперь не та; но такъ же страстна,
Какъ и до сей поры я была.

Меня любили всѣ, искали,
Когда плѣняла я собой;
Теперь, въ нещастіи, въ печали —
Бѣгутъ всѣ прочь, скучаютъ мной.

Ахъ! съ щастьемъ я на вѣкъ простилась,
И горе знаю лишь свое:
Красы и прелестей лишилась —
Осталось сердце лишь мое.

XCVI.

МЕЧТА.

Вошедъ въ шалашь мой торопливо,
Я вижу — мальчикъ въ немъ сидитъ;
И въ уголку кремнемъ въ огниво,
Мнѣ чудилось, звучитъ.

Рѣкою искры упадали
Изъ рукъ его, во тьмѣ горя,
И розы по лицу блистали,
Какъ утренняя заря.

Одна тутъ искра отдѣлилась
И на мою упала грудь,
Мнѣ въ сердце, въ душу заронилась;
Не смѣла я дохнуть;

Стояла бездыханна, млѣла,
И съ мѣста не могла ступить;
Уйти хотѣла, не умѣла —
Не толь зовутъ *любить*?

Люблю! — Кого? — Сама не знаю!
Изчезъ меня прельстившій сонъ;
Но я съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ страдаю,
Какъ бросилъ искру онъ.

Тоскуетъ сердце! . . . Дай мнѣ руку,
Почувствуй пламень сей мечты!
Виновна ль я? Прерви мнѣ муку:
Любезенъ, милъ мнѣ ты!

Державинъ.

XCVII.

КЪ ГОРЛИЦѢ.

Какъ томно, Горлинка, воркуешь!
Уже изчезла ночи тѣнь;
Взошелъ и свѣтъ; ты всё тоскуешь;
Тебѣ не милъ и бѣлой день!
И я, смотря на солнце красно,
Съ тобою чувствую одно:
Не такъ въ печали небо ясно,
Какъ ясно въ щастіи оно.

Ты съ утренней зарей, бывало,
Росы небесной капли пьешь;
Теперь, какъ солнце бъ ни сіяло,
Сама на травку слезы льешь.
Мнѣ было время упоенья,
Цвѣла въ душѣ моей весна;
Теперь — въ душѣ однѣ мученья!
И слезы — пища намъ одна.

Но Горлинка, умѣрь стенанье —
Мгновенно щастье для сердецъ;
Не вѣчно также и страданье:
Изсякнутъ слезы наконецъ;
Умолкнетъ стонъ, душа увянетъ;
Начнутъ всѣ чувства засыпать,
И бѣдный Горлинку вспомянетъ...
Она престала тосковать.

. . . . . ъ.

XCVIII.

Безъ тебя, моя Глафира,
Безъ тебя, какъ безъ души!
Никакія царства міра
Для меня не хороши;
Мнѣ повсюду будетъ скучно,
Не могу я быть щастливъ —
Будь со мною неразлучно,
Милый другъ, доколь я живъ!

❖

Ни богатства не желаю,
Ни въ большіе Господа;
Всё другимъ то уступаю,
Будь лишь ты со мной всегда!
Вотъ одно мое желанье!
И въ душѣ другаго нѣтъ.
Безъ тебя — вся жизнь страданье;
Безъ тебя пустыня — свѣтъ.

❖

Я люблю тебя всѣхъ болѣ;
И блаженъ, блаженъ, любя!
Въ толь пріятной сердцу долѣ
Съ кѣмъ сравняю я себя?
Ахъ! ни съ кѣмъ, ни съ кѣмъ, конечно!
Награжденъ судьбою я!
Буду щастливъ — будешь вѣчно
Ты мой другъ и жизнь моя.

XCIX.

Голубокъ, куда ты мчишься?
Сизенькой, куда спѣшишь?
Ахъ, помедли! утомишься!
Ты безъ отдыху летишь.

Онъ летитъ голубку въ скукѣ,
Нѣжна друга, утѣшать:
Долго, долго съ ней въ разлукѣ
Долженъ былъ онъ горевать.

Но забудетъ время скучно,
Перестанетъ тосковать;
Будетъ съ милой неразлучно
О любви онъ ворковать.

Голубочикъ сизокрылой,
Мчись же къ другу своему! — —
Ахъ, когда примчишься, милой!
Къ сердцу — къ сердцу моему?

Къ сердцу нѣжному *Надины*,
Отравленному тоской;
Нѣтъ въ немъ чувства половины:
Милой взялъ ее съ собой.

Возвратись! — я въ горѣ вяну!
Возвратись! — ты жизнь унесъ;
Возвратись! — стонать не стану,
Не увидишь болѣ слезъ.

Свѣтлый взоръ твой все разсѣетъ,
Горесть, слезы и тоску;
Берегъ тотъ позеленѣетъ,
Гдѣ брожу я по песку.

Волга шумна заструится
И быстрѣе побѣжитъ;
Все въ веселье превратится, — —
Милой другъ все оживитъ.

С.

Прости мнѣ дерзкое роптанье,
Владычица души моей!
Мнѣ мило отъ тебя страданье —
Утѣха, рай моихъ ты дней!
Я строгостей, тобой явленныхъ,
Не помню, взоръ увидя твой.
Всѣхъ чувствій, отъ тебя вмѣщенныхъ,
Вмѣщать ужь духъ не можетъ мой.

Въ бесѣдахъ, гдѣ съ тобой бываю —
Тебя одну въ нихъ вижу я;
Твой каждый шагъ я примѣчаю;
Гдѣ взоръ твой, тамъ душа моя;
И съ кѣмъ ни молвилабъ ты слово —
Читая въ милыхъ мнѣ очахъ,
Тебѣ отвѣтствовать готово,
Мое все сердце на устахъ.

Ты жизнь его . . . его стихія,
Въ тебѣ, тобой живетъ оно;
И въ самыя минуты злыя
Тебѣ, одной тебѣ дано
Души жестокое волненье
Единымъ взглядомъ усмирять,
И безъ надежды утѣшенье
Въ унылы чувства поселять.

О' естьли бы могъ смертный льститься
Особый даръ съ небесъ имѣть:
Хотѣлъ бы въ мысль твою вселиться,
Твои желанья всѣ узрѣть;
Для нихъ пожертвовать собою,
И тайну ту хранить въ себѣ,
Чтобъ щастлива была ты мною,
А благодарна лишь судьбѣ.

Пеладинскій.

CI.

Голубокъ.

Такъ, вѣрю, вѣрю по себѣ;
Я испыталъ сей лютый рокъ!
Теперь ужь все не по тебѣ,
Печальной, бѣдной голубокъ!
Тебѣ пшеничка не сладка,
И ключева вода горька!
Лишась того, что сердцу мило,
Все стало для тебя постыло.

Ко травкѣ ль мягкой прикорнулъ,
На гибкуль вѣточку взлетѣлъ,
Кудабъ ты, другъ мой, ни взглянулъ,
Все, все припомнишь . . . гдѣ сидѣлъ
Съ подругой вѣрной, гдѣ леталъ,
Гдѣ тепло гнѣздышко свивалъ,
И крылышекъ въ объятья страстны
Гдѣ прятался во дни ненастны.

⁂

За чемъ, за чемъ ты покидалъ
Одну голубушку свою?
За чемъ далеко улеталъ?
Какъ на погибель тутъ твою —
Отколь ни взялся ястребъ злой;
Пронзилъ онъ грудь твоей драгой. . . .
Увы! подруженьки не стало!
А съ ней и щастїе пропало!

⁂

Хоть воркованьемъ и тоской
Не оживишь ее, мой другъ;
Но станемъ горевать съ тобой —
Взаимность облегчаетъ духъ.
Ты тамъ, на вѣточкѣ своей,
А я, здѣсь, въ хижинкѣ моей:
И мой удѣлъ такой же слезной —
И я увы! лишенъ любезной!

CII.

На что, печальна лира!
Любовь мнѣ воспѣвать,
Когда моя Плѣнира
Велитъ, любя, страдать?

Велитъ молчать, томиться,
Въ разлукѣ съ нею жить,
Надеждою не льститься,
И только слезы лить!

Сперва друзья мы были
Съ Плѣнирою моей;
Всѣ радости дѣлили —
Дѣлилъ и грусть я съ ней.

Мы вмѣстѣ съ ней гуляли
По рощамъ и лугамъ:
Мы вмѣстѣ отдыхали
Подъ тѣнью липы тамъ.

Когда Плѣнира пѣла,
Я вмѣстѣ съ нею пѣлъ;
Чего она хотѣла,
И я тогожъ хотѣлъ.

Но щастье то вкушая,
Самъ бѣдъ причиной былъ:
Любви еще не зная,
Я страстно ужь любилъ

И грудь моя томилась:
Люблю! я ей сказалъ;
Плѣнира осердилась —
Я всѣхъ нещастнѣй сталъ!

Отъ глазъ своихъ сокрыться
Велѣла мнѣ совсѣмъ;
Съ душею разлучиться
Велѣла словомъ тѣмъ.

CIII.

Безъ друга и безъ милой,
Брожу я по лугамъ;
Брожу съ душей унылой
Одинъ по берегамъ.
Тамъ тѣ же всё встрѣчаю
Кусточки и цвѣтки;
Но, ахъ! не облегчаю
Ни чѣмъ моей тоски!

Срываю я цвѣточикъ,
И въ мысляхъ говорю:
Кому сплести вѣночикъ?
Кого имъ подарю? . . . .
Со вздохомъ тутъ катится
Изъ сердца слезный токъ,
И изъ руки валится
Увядшій въ ней цвѣтокъ.

Во времена щастливы,
Бывало, въ жаркой день,
Развѣсистыя ивы!
Иду я къ вамъ подъ тѣнь.

Пошлетель днесь отраду
Вы сердцу моему?
Ахъ! сладко и прохладу
Вкушать не одному.

Все, все постыло въ мірѣ!
И персты ужь мои
Не движутся на лирѣ,
Лишь слезъ текутъ струи.
Престань же пѣть, нещастный!
И лиру ты разбей;
Не слышенъ голосъ страстный
Душѣ души твоей.

Дмитріевъ.

CIV.

КЪ ИГРАЮЩЕМУ МЛАДЕНЦУ.

Играй, младенецъ непорочной!
Хранитель - Ангелъ надъ тобой!
Я цѣлой часъ гляжу нарочно,
И веселюсь твоей игрой.

Летай по муравѣ шелковой,
Цвѣточки ароматны рви;
И каждой мигъ съ улыбкой новой
Веселье новое лови.

Теперь - то ты, о птенчикъ нѣжный!
Сказать и можно, что живешь;
Пока не вступишь въ вѣкъ мятежный —
Свой день, какъ хочется, ведешь.

Едва лишь глазки отворяешь,
Родные всѣ вокругъ тебя;
И ты другихъ заботъ не знаешь —
Какъ только веселить себя.

Сказалъ ли ты одно хоть слово,
Взглянулъ ли — толькобъ угадать —
Къ утѣхѣ все уже готово! . . .
Чего жь еще тебѣ желать?

Играй, младенецъ непорочной!
Рѣзвись по склонностямъ своимъ;
И я въ твоихъ былъ лѣтахъ точно . . .
Увы! я знаю цѣну имъ. . . .

Сей дѣтства періодъ щастливый
Какъ лучь минутный улетитъ;
Пройдутъ лѣта твои игривы . . . .
И ихъ ни что не замѣнитъ!

Таушевъ.

CV.

ДОГОВОРЪ.

Я люблю Венеры сына —
Лизѣ я сказалъ шутя —
Только съ тѣмъ, чтобъ господина
Промѣнять въ немъ на дитя.

*

Милы мнѣ его затѣи;
Я съ ребенкомъ радъ играть,
Только съ тѣмъ, чтобы мнѣ шеи
Вмѣсто палки не сѣдлать.

*

Позволяю Купидону
Иногда и ослѣпить,
Только съ тѣмъ, чтобъ сверхъ закону
Послѣ за носъ не водить.

*

Пусть бранится онъ со мною:
Отъ дѣтей и брань мила;
Только съ тѣмъ, чтобъ межъ игрою
За любовь она была.

*

Рѣзвый мальчикъ, мнѣ въ утѣху
Смѣйся, прыгай и шали;
Только съ тѣмъ, чтобы отъ смѣху
Послѣ слезы не текли.

Лиза хмурится, и взоромъ
Мнѣ съ упрекомъ говоритъ:
„Ахъ! кто любитъ съ договоромъ,
„Слабо сердце въ томъ горитъ!“

*

Другъ мой, Лизанька! я тоже
Говорилъ въ пятнадцать лѣтъ;
Былъ добрѣе, хоть моложе,
А теперь — я видѣлъ свѣтъ!

Барановъ.

CVI.

О любезный! о мой милой!
Гдѣ ты власть небесну взялъ?
Ты своей волшебной силой
Нову жизнь и душу далъ.

Прочь печали и напасти!
Прочь заботы! — васъ ужь нѣтъ.
Покорися нѣжной страсти,
Я гляжу на новый свѣтъ:

Все въ немъ лучше, веселѣе,
Все о миломъ говоритъ;
Даже солнышко свѣтлѣе
Для меня теперь горитъ;

Даже я сама кажуся,
Милый! лучше отъ тебя:
Величаюся, горжуся,
Больше чувствую себя;

Лучше, кажется, играю
И пріятнѣе пою;
Все мнѣ рай и всемъ питаю
Страсть, любовь къ тебѣ мою,

Страсть, на вѣки воспаленну —
Что скажу я наконецъ? . . .
Ты украсилъ всю вселенну;
Ты мой ангелъ, мой творецъ!

Дмитріевъ.

CVII.

НЕВИННАЯ ПАСТУШКА.

При васъ всегда бываю я,
Мои овечки дорогія!
Безъ васъ груститъ душа моя;
Печальны рощицы густыя,

И всюду скука спутникъ мой;
Ни что меня не утѣшаетъ.
Когда жь вы, милыя, со мной,
То сердце все позабываетъ.

Не возмущается мой слухъ
О градѣ пышною молвою;
Всегда, всегда плѣненъ мой духъ
Одною сельской простотою.

Вы простоты сей образецъ,
Души невинной, безмятежной,
Примѣръ, пріятный для сердецъ,
Примѣръ любви и дружбы нѣжной.

Могу ль, овечки, васъ забыть?
Вы мнѣ утѣхою одною.
Могу ль васъ нѣжно не любить? . . .
Не разлучайтесь же со мною.

А. Варенцовъ.

CVIII.

КЪ МОЕЙ ХИЖИНКѢ.

Жилище мирное, святое,
Уединенное, простое,
Любезна хижинка моя!
Всегда тобою восхищенный,
Твоимъ убожествомъ прельщенный,
Стремлюсь теперь воспѣть тебя!

Стремлюсь — хочу тебя прославить,
Превыше зданій всѣхъ поставить
И ихъ огромность устыдить;
Богатство, пышность предъ тобою
Назвать блестящею мечтою. . . .
Въ нихъ можноль щастье находить?

Ни что тебя не украшаетъ;
Не мраморъ на стѣнахъ сїяетъ,
И не блеститъ нигдѣ металлъ;
Но я смѣюся надъ тщетою,
Горжусь твоею простотою —
Тебя не зодчїй созидалъ.

Твой кровъ берёзы осѣняютъ:
Онѣ смиренно охраняютъ,
Чтобъ не потрясъ тебя Борей.
Передъ тобой ручей струится,
Волной сверкаетъ и гордится,
Служа оградою твоей.

И холмъ, украшенный цвѣтами,
Гдѣ боги жить могли бы сами,
Прїютомъ служитъ для тебя. —
Твой другъ, отъ шума удаленный,
Людьми, судьбою угнетенный,
Въ тебѣ щастливымъ чтитъ себя.

Пускай богачь надъ сундуками
Сидитъ за крѣпкими замками
И деньги отъ себя хранитъ. . . .
Богачь спокоенъ ли бываетъ?
Когда онъ сладко засыпаетъ?
Онъ жизнь свою въ тоскѣ влачитъ.

Пусть честолюбецъ ищетъ славы
И зритъ въ войнѣ свои забавы,
И ближнихъ кровь какъ воду льетъ;
Пускай онъ лавры собираетъ;
Его проклятье угнетаетъ:
На гибель братїй онъ живетъ.

Пускай, по крыльцамъ баръ скитаясь,
Чиновъ, отличій добиваясь,
Подлецъ проводитъ въ прахѣ вѣкъ,
И пусть возвышенъ онъ чинами,
Пусть грудь осыпана звѣздами:
Онъ всё презрѣнный человѣкъ.

Чины того лишь украшаютъ,
Въ комъ добродѣтели блистаютъ
Подобно солнцу въ небесахъ.
А кто чрезъ лесть ихъ получаетъ,
Напрасно быть великимъ чаетъ:
Онъ малъ, хоть и въ большихъ чинахъ

Въ тебѣ, мой уголокъ любезной!
Въ сей вѣкъ, испорченной, желѣзной,
Златые дни я провожу;
Въ тебѣ блаженство обрѣтаю,
Суетъ и горестей не знаю —
Въ тебѣ Астрею нахожу!

Она тѣхъ зданій убѣгаетъ,
Гдѣ роскошь, пышность обитаетъ;
Она не можетъ вмѣстѣ быть
Ни съ униженными льстецами,
Ни съ горделивыми глупцами —
Въ одной тебѣ лишь хочетъ жить.

Въ тебѣ одной!.. и я желаю,
Да жизнь мою въ тебѣ скончаю,
Судьбой довольный, въ тишинѣ:
Тобой душа моя плѣнена!
Въ тебѣ умру, благословенна!
И прахъ мой посвящу тебѣ.

Остолоповъ.

CIX.

КЪ ХЛОѢ.

Какъ все съ тобою духъ плѣняетъ!
И лугъ прекраснѣе цвѣтетъ;
Быстрѣе рѣчка протекаетъ,
Нѣжнѣе пѣночка поетъ;
Какъ все съ тобою духъ плѣняетъ!

Все въ жизни разцвѣло моей,
Когда тобою я плѣнился!
Когда не зналъ я страсти сей,
Природой такъ ли веселился?
Все въ жизни разцвѣло моей!

Какъ сильно бьется сердце страстно!
О Хлоя! . . . . весело любить!
Твердить я то хочу всечасно;
Нѣтъ нужды болѣ мнѣ таить,
Какъ сильно бьется сердце страстно.

Ты любишь! . . . . ты на вѣкъ моя!
Со мною можетъ кто равняться?
Душа открыта мнѣ твоя;
Нѣтъ! . . . ты не можешь притворяться
Ты любишь! — ты на вѣкъ моя!

Пушкинъ.

CX.

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Къ намъ съ весною низлетаетъ
Сладко-дышущій Зефиръ;
Чувствомъ нѣжности питаетъ
И живитъ улыбкой міръ.

Но Природы жизнь и младость,
Цвѣтъ ея весеннихъ дней,
Для того имѣютъ сладость,
Кто цвѣтетъ и сердцемъ съ ней.

У меня оно хладѣетъ
На зарѣ нѣжнѣйшихъ лѣтъ;
Чувствъ ужь жара не имѣетъ;
Въ немъ почти и жизни нѣтъ!

Изнываетъ, увядаетъ,
Какъ въ лѣсу густомъ цвѣтокъ,
Гдѣ и солнце не сіяетъ,
Гдѣ не вѣетъ вѣтерокъ.

Бьется — хочетъ чувство страстно
Съ нѣжнымъ сердцемъ раздѣлить:
Ожиданіе напрасно!
Сердцу не кого любить.

Солнце ль свѣтитъ? въ мрачной нощи
Слышны ль пѣсни соловья?
Эхо ль будитъ мирны рощи
Съ шумомъ быстраго ручья?

Все отзывъ души унылой!
Все твердитъ въ природѣ мнѣ:
Ты одинъ . . . одинъ . . . безъ милой!...
И влечетъ мой духъ къ тоскѣ.

Ахъ! доколѣ же мечтою
Сердце бѣдное томить?
Ахъ! когда я встрѣчусь съ тою,
Съ кѣмъ душею въ душу жить?

Съ кѣмъ бы могъ подъ тѣнь скрываться,
Слушать птичекъ нѣжныхъ хоръ,
На Природу улыбаться
И ловить любови взоръ?

Съ кѣмъ бы могъ?... Но что, нещастной!
Гдѣ желаній всѣхъ предметъ?
Не въ надеждѣ ль ты напрасной? . . .
Ахъ, ея и тѣни нѣтъ!

CXI.

ВЫБОРЪ ЖЕНИХА.

Лиза въ городѣ жила,
Но невинною была;
Лиза, ангелъ красотою,
Ангелъ нравомъ и душою.
Время ей пришло любить . . . .
Всѣмъ любиться въ свѣтѣ должно,
И въ семнадцать лѣтъ не можно
Сердцу безъ другова жить.

Что же дѣлать? гдѣ искать?
И кому *люблю* сказать?
Развѣ въ свѣтѣ появиться,
Всѣхъ плѣнить, *однимъ* плѣниться?
Такъ и сдѣлала она.
Лизу люди окружили,
Лизѣ всѣ одно твердили:
„Ты прельщать насъ рождена!“

„Будь супругою моей!
(Говоритъ богатый ей)
„Всякой день тебѣ готовы
„Драгоцѣнныя обновы;
„Станешь въ золотѣ ходить;
„Ожерельями, серьгами,
„Разноцвѣтными парчами
„Буду милую дарить.“

Чтожь красавица въ отвѣтъ?
Что сказала? *да*, иль *нѣтъ*?
Лиза только улыбнулась,
Прочь пошла, не оглянулась.

Гордой Баринъ ей сказалъ:
„Будь супругою моею;
„Будешь знатной Госпожею:
„Знай, я *полный* Генералъ!“

Чтожь красавица въ отвѣтъ?
Что сказала? *да*, иль *нѣтъ*?
Генералу поклонилась,
Только чиномъ не плѣнилась.
Лиза далѣе идетъ;
Ищетъ долго, не находитъ . . .
„Такъ она и вѣкъ проходитъ!“ . .
Ошибаетесь — найдетъ!

Лизѣ *суженый* сказалъ:
„Чиномъ я не Генералъ,
„И богатства не имѣю,
„Но любить тебя умѣю.
„Лиза! будь на вѣкъ моя!“ —
Тутъ прекрасная вздохнула,
На любезнаго взглянула,
И сказала: *я твоя!*

Карамзинъ.

CXII.

Другъ сердечной, другъ мой милой!
Какъ лишиться мнѣ тебя?
Какъ лишиться, вѣмъ въ унылой
Жизни щастлива была?

Страшный часъ! — съ тобой разстаться
Будто душу потерять!
Вѣчно плакать, вѣчно рваться,
Вѣчно радостей не знать.

Ахъ, помедли, другъ мой милой!
Для чего — куда спѣшить?
Дай минуту быть щастливой!
Дай минуту мнѣ пожить!

Молитъ все тебя со мною:
Рощи, Волга и поля;
Всѣ мѣста, гдѣ мы съ тобою
Были щастливы любя.

Молитъ все . . . Но ты не внемлешь!
Состраданье истребилъ!
О жестокой! ты отъемлешь
Жизнь у той, кого любилъ.

Но любилъ ли ты не ложно —
Но любилъ ли? — Я мятусь. . . . .
Ахъ! помедли, естьли можно,
И съ печалью разлучусь!

CXIII.

ЛОТОПЛЕНЕЦ.

Изъ за облакъ мѣсяцъ красный
Всталъ и смотрится въ рѣку:
Сквозь туманъ и мракъ ужасный
Путникъ ѣдетъ въ челнокѣ.

Блескъ луны предъ нимъ сверкаетъ,
Онъ гребетъ сквозь волнъ и тьму;
Мысль веселье воображаетъ,
Берегъ видится ему.

Но челнокъ вдругъ погрузился —
Путникъ мрачну пьетъ волну;
Сколь ни силился, ни бился,
Камнемъ внизъ пошелъ ко дну.

Се видъ жизни скоротечной!
Сколь надежда намъ ни льсти,
Всѣ потонемъ въ безднѣ вѣчной;
Дружба и любовь, прости!

Державинъ.

CXIV.

Плачетъ бѣдная Надина —
Слезный токъ бѣжитъ ручьемъ!
Естьлибъ милой мой увидѣлъ,
Какъ терзаюся по немъ!

Волга, ты свидѣтель муки
И моихъ печальныхъ дней:
При твоихъ волнахъ лишилась
Съ нимъ я радости моей!

При тебѣ слеза горяча
Изъ очей моихъ лилась;
Мы разстались — все свершилось!
И душа съ нимъ унеслась.

Сердце вдругъ осиротѣло,
Мнѣ сказало: друга нѣтъ!
И Природа повторила
Вмѣстѣ съ сердцемъ: друга нѣтъ!

Ахъ! по берегу крутому
Я ищу слѣдовъ его;
Я ищу, но вѣтръ завѣялъ
Слѣдъ драгова моего.

Я прошу у быстрой Волги:
Возврати ты душу мнѣ!
Быстра Волга отвѣчаетъ:
Другъ твой въ дальней сторонѣ.

У долинъ прыну, у рощей,
Гдѣ бывала часто съ нимъ:
Возвратите вы мнѣ друга!
Я дышала только имъ.

Сжальтесь, сжальтесь, возвратите,
Иль возмите жизнь мою!
Выньте душу изъ Надины,
Чтобъ забыла страсть свою.

CXV.

Мнѣ о любви твоей довольно
Одной щастливѣйшей мечты;
Ахъ! не разстанусь добровольно
Я съ нею ни за что! . . . а ты? . . .

*

Всѣ блага свѣта почитаю
За призракъ, ложь и суеты;
Тобою только занимаю
Всю душу, сердце, умъ! . . . а ты? . . .

*

Для глазъ моихъ блестятъ напрасно
Въ Темирахъ, въ Хлоякъ красоты:
Я взорами ищу всечасно
Твоихъ прелестныхъ глазъ! . . . а ты? . . .

*

Иова дни текутъ такъ точно,
Какъ струйки свѣтлаго ручья;
Иной въ любви блаженство прочно
Вкушаетъ цѣлой вѣкъ! . . . а я? . . .

CXVI.

Куда мнѣ, сердце страстно,
Куда съ тобой бѣжать?
Здѣсь долженъ я всечасно
Печаль мою скрывать.

Друзья мои пеняютъ,
Что я всегда унылъ:
Увы! они не знаютъ,
Таковъ ли прежде былъ.

Ахъ! нѣкогда на лирѣ,
И я рѣзвясь игралъ;
И я путь скромный въ мірѣ
Цвѣтами устилалъ!

О грустно вспоминанье!
Не медлимъ ни часа;
Пойдемъ сокрыть стенанье
Въ дремучіе лѣса!

Тамъ горестью глубокой
Никто не укоритъ;
Ни имени жестокой
При мнѣ не повторитъ.

Пускай одинъ съ тобою
Я буду горевать,
И непрестанно Хлою
Винить и обожать.

Дмитріевъ.

CXVII.

Когда веселїй на крылахъ
Утекши дни воспоминаемъ,
Платя имъ чувства дань, въ слезахъ
Еще отраду мы вкушаемъ.
Укрась, о лютня! голосъ мой
Твоей гармонїей унылой,
И съ сердцемъ вмѣстѣ ты воспой,
Что я живу въ разлукѣ съ милой!

Два сердца за одно имѣть;
Свое тѣмъ бытїе удвоить;
Другъ друга молча разумѣть,
И милой мысль себѣ присвоить;
Сносѣе находить бѣды;
Щастливѣй быть въ прїятной долѣ:
Сихъ благъ я всѣ вкушалъ плоды . . .
Но нѣтъ со мной — нѣтъ милой болѣ!

Любилъ я тѣ луга, кусты,
Гдѣ милая со мной гуляла;
Для насъ Природа красоты
И въ дни ненастны не теряла.
Ужь лугъ цвѣтами не блеститъ,
Что устилали путь предъ нею:
Постылъ тому Природы видъ,
Кто съ милой разлученъ своею!

Ничто не замѣнитъ ужь той,
Которой сердце имя дало!
Прїятства могутъ быть въ другой,
Но милой слыть лишь ей пристало.

Разъ въ жизни сладость намъ дана,
Всѣ блага зрѣть въ одномъ предметѣ:
Въ году одна живетъ весна,
Одна и милая на свѣтѣ.

Въ предѣлы дальни ты несешь,
О нѣжная луна! сїянье,
И мнѣ въ смущенно сердце льешь
Надежды сладкое мечтанье!
Сей даръ въ лучахъ своихъ сошли
Теперь же къ той, съ кѣмъ я [illegible],
И мысли ей о томъ всели,
Кто слезы лить по ней [illegible]!

[illegible].

CXVIII.

— Что съ тобою, ангелъ, стало?
Не слыхать твоихъ рѣчей;
Все вздыхаешь! а бывало
Ты поешь, какъ соловей. —

„Съ милымъ пѣла, говорила,
А безъ милова грущу;
По неволѣ прїуныла;
Гдѣ я милова сыщу?“

— Развѣ милова другова
Не найдешь изъ пастушковъ?
Выбирай себѣ любова,
Всякъ тебя любить готовъ. —

„Хоть Царевичь мной прелестится,
Всё я буду горевать!
Сердце съ сердцемъ подружится:
Ужь не властно выбирать."

Дмитріевъ.

CXIX.

Болеславъ, король польскій.
Баллада.

Замолчала многихъ слава,
И Героевъ и Царей;
Ты содержишь Болеслава,
Польша, въ памяти своей.

Посреди верховной власти,
Вѣренъ дружбѣ и любви,
Сохранялъ онъ сильны страсти
Въ воскипающей крови.

Щастливъ, ежели бы брата
Не имѣлъ Збигнея онъ,
Что глазами супостата
Болеславовъ видѣлъ тронъ.

Не давалъ Царь мщенью мѣста,
И виновнаго любя;
Но, Збигнеева невѣста!
Для чего онъ зрѣлъ тебя?

Какъ лѣсочка въ осѣненьѣ
Цѣжитъ лилїю весна,
Такъ цвѣла въ уединеньѣ
Ты, Волынская Княжна!

Зрѣть, любить тебя Збигнею,
То мгновенїе одно;
Приступить ко Гименею
Было слово ужь дано.

Раздались внезапно бубны,
Въ полѣ прахъ столпомъ стоитъ;
Коней ржанье, гласы трубны:
Рати въ бой! . . . Збигней бѣжитъ.

Истый Ангелъ-покровитель,
Входитъ въ городъ Болеславъ;
Зритъ Княжну — и побѣдитель
Проситъ узъ, предъ ней упавъ.

И Збигнею обрученна,
Въ слезахъ гласитъ Княжна:
„Я на вѣкъ съ нимъ разлученна,
„Но на вѣкъ ему вѣрна.“

Два луны прошло теченья;
Полнъ любовныя тоски,
Царски Царь забылъ раченья,
Позабылъ свои полки.

Но межъ тѣмъ не безъ успѣховъ
Злобной духъ Збигнеевъ былъ;
Онъ съ огромной силой Чеховъ
Предъ Волынь-градъ подступилъ.

Тщетно все — отъ Болеслава
Побѣжала Чеховъ тьма.
Взятъ и вождь свирѣпа нрава;
Не снимаетъ онъ шлема.

Что же? плѣнника срѣтаетъ
Царь у ногъ Княжны своей;
Онъ въ злодѣя мечь вонзаетъ,
Шлемъ валится — то Збигней!

Гдѣ возьму я выраженья,
Скорьбь убїйцы описать?
Онъ безгласенъ, безъ движенья;
Онъ не знаетъ, что начать.

Обратилъ жестокосердый
Мечь онъ къ сердцу своему —
Приближенныхъ сонмъ усердный
Воспротивился тому.

Свой оставилъ тронъ высокой,
И во рубищахъ простыхъ,
Ходитъ въ горести глубокой
По обителямъ святыхъ;

И предъ всѣми, кто бъ ни были,
Исповѣдуя свой грѣхъ,
Слезно проситъ, чтобъ молили
За него Владыку всѣхъ.

Должно думать, что спокойство
Наконецъ сошло съ небесъ.
Ахъ! ни слава, ни геройство,
Не спасаютъ насъ отъ слезъ.

Муравьевъ.

CXX.

Я счастливъ былъ во дни невинности безпечной,
Когда мнѣ богъ любви и въ мысль не приходилъ;
О возрастъ дѣтскихъ лѣтъ! почто ты былъ не вѣчной?
Я счастливъ былъ.

Я счастливъ былъ во дни волшебствъ, очарованій,
Когда любовью свѣтъ и красенъ лишь и милъ!
Дождуся ли опять толь сладостныхъ мечтаній?
Я щастливъ былъ.

Я счастливъ былъ во дни надежды, увѣренья,
Когда Кларисы взглядъ меня животворилъ:
Одни желанія ужь были наслажденья!
Я щастливъ былъ.

Я щастливъ былъ во дни восторговъ непрерывныхъ,
И сердцу милыхъ бурь.... какъ я тогда любилъ!
Увы! тогда не пѣлъ я въ пѣсняхъ заунывныхъ:
Я щастливъ былъ.

Дмитріевъ.

CXXI.

Мрачна буря и весною
Небо свѣтлое темнитъ;
То же съ нашею судьбою:
Скорбь — и въ щастіи разитъ.

*

Буря мрачная промчится,
Вихрь утихнетъ на поляхъ,
Небо снова прояснится,
Оживутъ цвѣты въ лугахъ.

*

Тожь и съ нами: скорбь, печали,
Какъ минутный мракъ, пройдутъ;
Гдѣ мы слезы проливали,
Тамъ веселія насъ ждутъ.

*

Естьли горе часто съ нами,
Что же дѣлать, милый другъ!
Что назначено судьбами,
Должно ль тѣмъ тревожить духъ?

*

Можетъ быть подъ сельскимъ кровомъ
Станемъ жить когда нибудь;
Можетъ быть въ весельи новомъ
Оживится томна грудь!

*

Можетъ быть насъ дружба встрѣтитъ
Въ милой родинѣ отцовъ:
Тамъ всегда лучь щастья свѣтитъ,
Гдѣ сердечная любовь.

*

Пусть она живетъ лишь съ нами —
До другаго нужды нѣтъ!
Гдѣ любовь живетъ съ мечтами,
Тамъ не нуженъ *лучшій свѣтъ!*

*

Тамъ и хижина — палаты;
Тамъ среди песковъ цвѣты;
Будемъ сердцемъ мы богаты;
Все другое лишь мечты.

С. Глинка.

CXXII.

КАРРИКАТУРА.

Сними съ себя завѣсу,
Сѣдая старина!
Да возвѣщу я внукамъ,
Что ты откроешь мнѣ.

Я вижу чисто поле,
Вдалижь передо мной
Чернѣетъ колокольня,
И вьется дымъ изъ трубъ.

Но кто вдоль по дорогѣ,
Подъ шляпой, въ колпакѣ,
Тряхъ, тряхъ, а индѣ рысью,
На старомъ рыжакѣ;

Въ изодранномъ колетѣ
Съ котомкой въ торокахъ?
Палашъ его тяжелый,
Тащась, чертитъ песокъ —

Кто это? Бывшій вахмистръ
Шешминскаго полку,
Отставку получившій
Чрезъ двадцать службы лѣтъ.

Ужь онъ въ верстѣ, не болѣ,
Отъ родины своей;
Всѣ жилки въ немъ взыграли
И сердце разцвѣло!

Какъ будто въ миръ волшебный
Онъ вѣдьмой занесенъ;
Все, все его прельщаетъ,
Въ восторгъ приводитъ духъ!

И воздухъ будто чище,
И травка зеленѣй,
И солнышко свѣтлѣе
На родинѣ его.

„Узнаетъ ли Груняша?
— Ворчалъ онъ про себя —
Когда мы разставались,
Я былъ еще румянъ.“

„Ступай, рыжакъ, проворнѣй!“
И шпорою кольнулъ,
Ретивый конь пустился,
Какъ изъ лука стрѣла.

Ужь витязь нашъ проѣхалъ
Околицу съ гумномъ,
И вотъ ужь онъ въѣзжаетъ
На свой Господскій дворъ.

Но что онъ въ немъ находитъ?
Его ль жилище то?
Весь дворъ заглохъ въ крапивѣ,
Не видно никого!

Лубки прибиты къ окнамъ,
И на дверяхъ запоръ;
Все тихо! — лишь на кровлѣ
Мяучитъ тощій котъ.

Онъ съ лошади слѣзаетъ,
Идетъ и въ дверь стучитъ —
Никто не отвѣчаетъ,
Лишь въ щелку вѣтръ свиститъ.

Заныло вѣще сердце,
И дрожь его взяла;
Побрелъ онъ, какъ сиротка,
Нахохлясь назадъ.

Но робкими ногами
Спустился лишь съ крыльца,
Холопъ его усердный
Представился ему.

Другъ друга вмигъ узнали —
И тотъ, и тотъ завылъ.
„Терентьичь! гдѣ хозяйка?“
Помѣщикъ вопросилъ.

„Охти, охти, бояринъ!
Отвѣтствовалъ старикъ:
Охти!“ — и скорчась слезы
Утеръ своей полой.

„Конечно въ домѣ худо?“
Мой витязь возопилъ:
Скажи, не дай томиться,
Жива, иль нѣтъ жена?“

Терентьичь продолжаетъ:
„Хозяюшка твоя
Жива, иль нѣтъ, Богъ знаетъ,
Да здѣсь ее ужь нѣтъ.

„Пришло тебѣ, бояринъ,
Всю правду обьявить:
Попуталъ грѣхъ лукавый
Хозяюшку твою.

„Она держала пристань
Недобрымъ молодцамъ;
Одинъ изъ нихъ пойманъ,
И на нее донесъ.

„Тотчасъ ее схватили
И въ городъ увезли;
Чтожь съ нею учинили,
Узнать мы не могли.

„Вотъ пятый годъ въ исходѣ —
Охти намъ! — какъ объ ней
Ни слуха нѣтъ, ни духа,
Какъ канула на дно.“ . . .

Что дѣлать! какъ ни больно,
Но вѣчно ли тужить?
Несчастный мужъ, поплакавъ,
Женился на другой.

Сей витязь и по нынѣ,
Друзья! еще живетъ;
Три года, какъ въ округѣ
Онъ земскимъ былъ судьей.

Дмитріевъ.

CXXIII.

Уныніе.

Дни отрадны! гдѣ сокрылись
Ваша свѣтлость и красы?
Мракомъ скорби осѣнились
Прежде ясные часы.
Все въ глазахъ моихъ унылой,
Томной принимаетъ видъ.
Горесть скукою постылой
Все, что мило мнѣ, мертвитъ.

Какъ пріятно разцвѣтало
Утро юныхъ, свѣтлыхъ дней!
Въ полдень облако застлало
Жизни горизонтъ моей.
Мракъ вокругъ меня сгустился,
Тучи двигнулись съ грозой;
Съ бурей вихрь свирѣпый свился;
Громъ сверкаетъ надъ главой.

Смертныхъ жизнь! о сколь ужасенъ
Золъ приливъ твой и отливъ!
Въ щастьи вздремлешь безопасенъ,
А проснешься нещастливъ!
Такъ средь нѣгъ, среди покою,
Пасть и мнѣ открылась бѣдъ;
Горесть острою косою
Дней моихъ посѣкла цвѣтъ.

Лугъ весенній украшая,
На зарѣ цвѣтокъ разцвѣлъ;
Ароматы разливая,
Лакомыхъ манитъ онъ пчелъ;
Мотылёкъ на немъ садится,
Съ бабочкой рѣзвясь драгой;
И прохожій веселится
Раннею его красой.

*

Но внезапно червь презрѣнный
Подъѣдаетъ корешокъ;
Вянетъ стебль и листъ зеленый,
Клонитъ голову цвѣтокъ,
Блекнетъ, сохнетъ и мертвѣетъ.
Странникъ изумленный сталъ,
Удивляется, жалѣетъ:
„Какъ толь рано онъ увялъ!“

*

Такъ и я въ тоскѣ томлюся,
Душу скорбь какъ червь грызетъ;
Но куда ни оглянуся,
Сострадающаго нѣтъ;
И любовью сердце жадно
Къ чьей груди ни приложу,
Всюду токмо чувство хладно,
Иль измѣну нахожу.

*

О! когдабъ я могъ мгновенно
Въ дикій пренестись предѣлъ,
Гдѣ бы лѣсъ дремучій, темной,
Вѣкъ людскихъ слѣдовъ не зрѣлъ;

Гдѣбъ не стлался дымъ жилищный,
Ловчихъ кликъ не слышенъ былъ;
Гдѣбъ лишь звѣрь скитался хищный,
И въ пещерахъ съ бурей выл:

*

Тамо, на скалѣ кремнистой,
Ударяемой волной,
Сѣвъ подъ сосной мрачной, мшистой,
Я бы гласъ унылый мой,
Вопль, стенанье безотрадно
Съ стономъ бури съединялъ,
И безчувственностью хладной
Никого не упрекалъ.

*

Но кудабъ ни тщился скрыться,
Скорбь вездѣ пойдетъ во слѣдъ.
Гдѣжъ возможно защититься
Отъ грызенья лютыхъ бѣдъ,
Гдѣ, какъ не въ земной утробѣ? — —
Міръ есть горести престолъ.
Въ тѣсномъ токмо, въ мрачномъ гробѣ
Мы избавимся отъ золъ.

*

Поспѣши жь, о смерть отрадна!
Тропься горестью моей!
Пусть твоя десница хладна
Очи мнѣ смежитъ скорѣй.
Мать-земля! и ты смягчися,
Попусти мнѣ въ вѣчность шагъ!
Лоно мрака! разступися,
И отъ скорби скрой мой прахъ!

Капнистъ.

CXXIV.

КЪ МЛАДЕНЦУ

Дай собой налюбоваться,
Мила крошечка моя!
Съ завистью, могу признаться,
На тебя взираю я.

Ты спокойно почиваешь,
И ниже во краткомъ снѣ
Грусти, горести не знаешь,
День и ночь знакомыхъ мнѣ.

Лишь проснешься, прибѣгаютъ,
Съ нѣжной радостью въ глазахъ,
Мать, отецъ — тебя лобзаютъ,
И качаютъ на рукахъ.

Всѣ въ восторгѣ предъ тобою,
Всѣхъ ты взоры веселишь,
Коль улыбкой ихъ одною,
Или взглядомъ подаришь.

Чувство горести безсильно
Долго духъ твой возмущать:
Приголубь тебя умильно,
И опять начнешь играть.

Часто слезы теплы льются
И сердечушко дрожитъ;
А уста уже смѣются —
О незлобный, милый видъ!

Но, увы! дни быстро мчатся,
Вступишь въ возрастъ ты другой;
Рокъ и страсти ополчатся, —
И прости твой вѣкъ златой!

Ахъ! я опытомъ то знаю,
Сколько я сердечныхъ слезъ
Проливалъ, и проливаю;
Сколько муки перенесъ!

Смерть родныхъ и сердцу милыхъ,
Страсти, немощь, хладъ друзей . . .
Часто въ мысляхъ я унылыхъ
Жизни былъ не радъ моей.

Но скрѣплюся, и отселѣ,
Естьли снова загрущу,
При твоей я колыбелѣ
Томно сердце облегчу.

Такъ! твои веселы взгляды,
Твой спокойный, милый зракъ,
Пролїютъ мнѣ въ грудь отрады,
И души разсѣютъ мракъ.

О невинность! ты какъ Генїй
Шлешь цѣленїе сердцамъ!
Я хоть нѣсколько мгновенїй
Былъ теперь невиненъ самъ.

И давно погибшу радость
Въ бѣдномъ сердцѣ ощутилъ —
Милый ангелъ мой! ты младость
Хоть на часъ мнѣ возвратилъ.

Дмитрїевъ.

CXXV.

Зимы дни мрачны изчезаютъ
Весны отъ свѣтлаго лица;
Но прелести весны вкушаютъ
Однѣ щастливыя сердца.

Мое, страданьемъ удрученно,
Вездѣ все зритъ въ глубокой тьмѣ!
Какъ все въ природѣ украшенно,
Тогда нѣтъ силъ къ утѣхамъ мнѣ;

Къ нимъ нѣтъ безъ той, кѣмъ духъ страдаетъ,
Нѣтъ права сердцу моему.
Для всѣхъ цвѣсти все начинаетъ,
А для меня конецъ всему.

Воспоминанія мнѣ люты
Я въ сердцѣ завсегда ношу,
И у протекшія минуты
Утѣхъ потерянныхъ прошу.

Лети скорѣй, несносно время!
Умчи съ собою жизнь мою!
Медлительность твоя мнѣ бремя,
Отрадъ въ тебѣ ужь я не зрю.

Ужь мысли нѣтъ, что представлялась
Съ утра, всѣ чувства веселя,
И къ вечеру возобновлялась,
На завтре щастье мнѣ суля.

Вновь зеленѣющи вершины
Деревъ я вижу въ сей странѣ;
И птицъ въ округѣ сей долины
Печальны пѣсни внятны мнѣ.

Ахъ! въ это время насладился
Темиры зрѣньемъ я впервой:
Улыбкой милою плѣнился,
И слышалъ голосъ дорогой;

Тотъ голосъ, что въ кустахъ зеленыхъ,
Гдѣ я у ногъ ея внималъ:
Завидующихъ и прельщенныхъ
Отвсюду птицъ къ ней привлекалъ.

Ахъ! что ту сладость замѣняетъ,
Что прелести любви даютъ? —
Нѣтъ! слава также обольщаетъ,
Но нѣтъ у ней такихъ минутъ.

Къ чему, взявъ мысли величавы,
Хотѣть снискать мнѣ титловъ честь?
На что, на что желать мнѣ славы,
Коль въ жертву нѣкому принесть?

Смятеніе во мнѣ душевно
Не рѣдко возвѣщаетъ мнѣ,
Что близко мѣсто, гдѣ вседневно
Я милу зрѣлъ наединѣ.

Случалось часто дожидаться
Мнѣ милой тамъ, и не видать . . .
Ахъ! пусть опять бы не видаться,
Да толькобъ могъ ее я ждать!

Душа моя, лишась желаній,
Пустыней видя цѣлый свѣтъ,
Полна о будущемъ мечтаній,
Но цѣли никакой ей нѣтъ.

Подобно птица надъ снѣгами,
Какъ видъ полей ее страшитъ,
Порхаетъ томными крылами
И гдѣ спокоиться, не зритъ.

Почтожь напрасно размножаю
Въ угодность сердцу моему
Тѣ жалобы, о коихъ знаю,
Что нужны мнѣ лишь одному?

Но что мнѣ въ томъ, чтобъ уважали
Бѣдой безпомощной моей!
Ищу, чтобъ внялъ моей печали,
Хоть не бралъ бы участья въ ней.

Нелединскій.

CXXVI.

СТАРИННАЯ ЛЮБОВЬ.

Баллада.

Какъ мило жили въ старину!
Бывало, въ теремахъ высокихъ,
Въ кругу красавицъ черноокихъ,
Пѣвцы поютъ любовь, войну,
Любви и храбрости побѣды:
Но мы не такъ живемъ, какъ дѣды!
И пѣнье смолкло въ теремахъ.

Дай для красавицъ я спою,
Какъ въ старину пѣвцы любили,
Бывало, и меня хвалили!
Напомнимъ молодость свою.
Жилъ-былъ когда-то Вождь великой
Съ своею дочкой Милоликой
Во бѣлокаменной Москвѣ.

Бояра, Витязи, Князья
Вкругъ Милолики увивались;
Но тщетно щастїемъ ласкались:
Никто не могъ тронуть ея,
Никто, кромѣ пѣвца младова!
Она таилась — онъ ни слова;
Но у любви есть свой языкъ.

Пѣвецъ вседневно по утрамъ,
Подъ тѣнїю густой березы,
Пѣлъ о любви своей сквозь слезы,
Бряцая лиры по струнамъ;
Душа изъ устъ его летѣла! —
Онъ пѣлъ, а Милолика млѣла,
И воздыхала у окна.

Узналъ о страсти ихъ отецъ,
И гордость въ немъ вострепетала;
„Позоръ ты мой, не дочь мнѣ стала!
О стыдъ! кто милъ тебѣ? . . . пѣвецъ!“
Сказалъ, и въ теремъ запираетъ,
Дочь только въ мысляхъ отвѣчаетъ:
Что знатность! . . . сердцу всѣ равны.

Она подъ стражей, а пѣвецъ
И день и ночь на томной лирѣ
Бряцаетъ: „нѣтъ мнѣ щастья въ мірѣ!
Насталъ отрадамъ всѣмъ конецъ!
Увижусь ли еще я съ милой?
Внемли, о небо! вопль унылой:
Отдай ее, иль смерть пошли!“

Поетъ онъ день, поетъ другой,
На третій — утренне свѣтило
Нещастну жертву озарило:
Отецъ низводитъ дочь съ собой;
Она — едва на трупъ взглянула,
Увы! . . . въ послѣдній разъ вздохнула. —
Красавицы! пѣснь эта *быль*.

Дмитріевъ.

CXXVII.

У кого душевны силы
Истощилися тоской;
Кто лишь въ мрачности могилы
Чаетъ обрѣсти покой:
На лицѣ того проглянетъ
Лучь надежды въ первый разъ
Въ ту минуту, какъ настанетъ
Для него послѣдній часъ.

Жизнь во мнѣ тобой хранится,
Казнь и благо дней моихъ;
Духъ хоть съ тѣломъ разлучится,
Буду живъ безъ связи ихъ.

Душу что во мнѣ питало,
Смерть не въ силахъ то сразить;
Сердцу, что тебя вмѣщало,
Льзя ли не безсмертну быть?

Нѣтъ! не льзя тому быть мертву,
Что дышало божествомъ.
Отъ меня ты примешь жертву
И въ семъ мірѣ и въ другомъ.
Тѣнь моя всегда съ тобою
Неотступно будетъ жить,
Окружать тебя собою
Вздохъ твой, взоры, мысль ловить;

Насладится, вникнувъ тайно
Въ прелести души твоей. . . .
Естьлижь будешь хоть случайно
Близь гробницы ты моей,
Самый прахъ мой содрогнется;
Твой приходъ въ немъ жизнь родитъ;
И тотъ камень потрясется,
Подъ которымъ буду скрытъ.

Нелединскій.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Не голубушка въ чистомъ полѣ воркуетъ,
Не вечерняя заря луга смочила:
Молода жена во теремѣ тоскуетъ,
Красоту свою слезами помрачила,
Непрестанно вспоминая мила друга,
Молодаго друга, милаго супруга.

Ты надежда, ты надежда, другъ сердечной!
Она вопитъ тутъ и плача и вздыхая,
Во жестокой своей грусти, неутѣшной:
Мое сердце не змѣя сосетъ лихая,
Не отрава горемышну изсушаетъ,
Ахъ! съ тобой, мой свѣтъ, разлука сокрушаетъ.

Не постылаго съ тобой я отпустила,
Не лихаго, не сварлива провожала,
Провожаючи рвалася я, не льстила,
Не обманомъ слезы горьки проливала;
Свѣтъ очей моихъ пустила я съ тобою,
Жизнь и смерть мою съ твоею головою.

Не неволей вить меня тебѣ вручали,
Умъ и разумъ твой меня тебѣ вручили;
И не силой насъ съ тобою обручали,
Дружба наша и любовь насъ обручили;
И совѣтъ нашъ увѣнчали не обѣты,
Увѣнчали твои ласковы привѣты.

Погадай же, мой сердечной другъ, подумай,
Какова теперь печаль моя, надежда!
Вспомяни теперь, надежда моя, вздумай,
Что жена твоя и жизни ужь не рада;
Что тобою я однимъ спокойство рушу:
Привези ко мнѣ обратно мою душу.

II.

Ты безщастный, доброй молодецъ,
Безталанная головушка!
Со младыхъ ты лѣтъ въ нещастьи взросъ,
Со младыхъ дней горе мыкаешь.
Въ колыбелкѣ родной матери
Пяти лѣтъ отсталъ мила отца,
Во слезахъ прошолъ твой красный вѣкъ,
Во стенаньѣ молоды лѣта.

Ты зазноба, ты зазнобушка,
Ты прилука молодецкая,
Красна дѣвица, отецка дочь!
Твои очи соколиныя,
Твои брови соболиныя,
Руса коса, красота твоя
Приманила къ себѣ молодца,
Прилучила безталаннаго.

Въ красотѣ твоей дѣвической
Въ твоей младости и разумѣ,
Чаялъ онъ сыскать отца и мать;
На устахъ твоихъ надѣялся

Онъ размыкати тоску и грусть;
Во очахъ твоихъ надѣялся
Потопить свое безщастїе.

Ахъ! какъ ягодѣ калинущкѣ
Не бывать во вѣкъ малинушкой;
Не бывать такъ горемыщному,
Вѣкъ во щастїи и въ радости!
Красна дѣвица скончалася!
Полюбити отказалася
Горемыку добра молодца,
Сиротину безталаннаго.

Ты безщастье, ты безгодье зло!
До чего тебѣ домыкати
Сиротинущку, дѣтинущку,
Безталанна, горемыщнова?
Ужь ни въ чемъ ему удачи нѣтъ,
Ни талану на бѣломъ свѣту.
Знать таланъ его скрывается
Въ четырехъ доскахъ, въ сырой землѣ.

III.

Ты проходишь дорогая
Мимо кельи,
Мимо кельи, гдѣ чернецъ бѣдной
Горюетъ;
Гдѣ неволей добрый молодецъ
Постриженъ.
Ты сними съ меня драгая
Камилавку;
Ты сними съ меня любезна
Черну ряску;
Положи ко мнѣ на грудь ты
Бѣлу руку,
И пощупай, какъ трепещетъ
Мое сердце,
Обливаяся все кровью
Съ тяжкимъ вздохомъ;
Ты отри съ лица румяна
Горьки слезы;
И почувствуй сожалѣнье
Къ моей долѣ.
Не грѣхамъ мое прощенье
Умоляю,
Но чтобъ ты меня любила,
Мое сердце!

IV.

Протекли, ахъ, дни весенніе!
Ужь настала осень скучная,
Привела съ собой дни пасмурны,
Ночи бурныя, дождливыя:
Такъ пройдетъ моя и молодость,
Пролетятъ съ ней и веселости,
Ужь не будетъ доброй молодецъ,
Милъ, пріятенъ краснымъ дѣвушкамъ!
Не лети, о время быстрое!
Не губи мою ты молодость!
Пусть подолѣ погуляю я
Въ удовольствіи и радости.
Ахъ! вчера я до полуночи
Простоялъ съ моей Анютою
У рѣшетчатой калиточки:
Вкругъ шумѣли вѣтры буйные,
Ливный дождь билъ во сыру землю,
Мы того и не примѣтили;
Только въ пламенныхъ сердцахъ нашихъ
Ощущали любовь страстную;
Только слышали взаимныя
Рѣчи сладки, вздохи нѣжныя.
Но пройдетъ, пройдетъ, ахъ, молодость!
Придетъ время, что съ Анютою
Ужь не буду за калиточкой
Въ ночь осеннюю подъ дождемъ стоять.

V.

Охъ, вы славныя Руски кислы щи,
Вы медвяныя щи, пузырныя!
Для чего вы щи скоро киснете
Середи поры время теплаго? —
Что по утру вы щи запѣнилися,
О полудни щи поспѣвали вы,
А при вечерѣ и окиснули. —

Ахъ, ты молодость моя, молодость!
Ты разгульная и веселая!
Для чего скоро, ахъ, проходишь ты
Середи' житья да привольнаго?
Что давно ли то было времячко,
Какъ я молодъ былъ, молодешенекъ,
И легокъ и бодръ, будто добрый конь?
А теперь я началъ уже старѣться.
Проскакалъ конёкъ поле чистое,
Доскакалъ конёкъ до крутой горы:
По горѣ коньку знать шашкомъ итти.

VI.

Чернобровой, черноглазой,
Молодецъ удалой,
Вложилъ мысли въ мое сердце
Зажегъ ретивое! —
Не льзя солнцу быть холоднымъ,
Свѣтлому погаснуть;
Не льзя сердцу жить на свѣтѣ,
И не жить любовью!
Для того ли солнце грѣетъ,
Чтобы травкѣ вянуть?
Для того ли сердце любитъ,
Чтобы горе мыкать?

*

Нѣтъ! не дамъ злодѣйкѣ скукѣ
Ретиваго сердца!
Полечу къ любезну другу
Осеннею пташкой;
Покажу ему платочикъ,
Его же подарокъ:
Сосчитай горючи слёзы
На аломъ платочкѣ;
Изсуши горючи слезы
На бѣлой ты груди,
Или сладкими ихъ сдѣлай,
Смѣшавъ со своими.

*

Воетъ сыръ-боръ за горою,
Метелица въ полѣ;
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога:
Оставайся бѣдна птичка
Запертая въ клѣткѣ!
Не отворишь ты слезами
Отеческой теремъ;
Не увидишь дорогаго,
Ни прежняго щастья! . . . .

*

Не ходить-было красной дѣвкѣ
Вдоль по лугу лугу;
Не искать-было ей глазами
Пригожихъ, удалыхъ;
Не любить-было красной дѣвкѣ
Молодаго парня;
Поберечь-было красной дѣвкѣ
Свое нѣжно сердце!

VII.

Ахъ, не ласточка, не ясенъ соколъ
Вкругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увиваются старой, доброй мужъ
Съ женой вѣрною, нѣжной матерью,
Со хозяйкой домовитою,
Вкругъ надежды ихъ — сына милаго:
Онъ идетъ отъ нихъ въ дальню сторону,
Опоясавшись саблей острою.

Ахъ, не боръ шумитъ, не рѣка льется,
Обливается горючьми слезми,
Возрыдаючи молода жена,
Разставаяся съ краснымъ солнышкомъ,
Провожаючи друга милаго:
Онъ идетъ отъ ней въ дальню сторону
Опоясавшись саблей острою.

Не труба трубитъ и не мѣдь звѣнитъ,
Раздается рѣчь добра молодца:
Ахъ, тебѣль вздыхать, родной батюшка
Перестань тужить, ты родимая,
Не крушись, не плачь, молода жена,
Береги себя, мой сердечный другъ!

Ахъ, не ужели вы не знаете,
Что на матушку, нашу родину,
Православную землю Рускую
Идутъ варвары иноземные? —
Кровожадные — какъ змѣи шипятъ
Храмы Божіи разорить хотятъ,

Города привесть въ запустѣніе,
Селы красныя всѣ огнемъ пожечь,
Стариковъ сѣдыхъ всѣхъ мечу предать,
Молодыхъ дѣвицъ всѣхъ въ полонъ побрать.

Ахъ, не ужели вы запомнили,
Что за васъ же я и за родину,
За святую Русь православную
Полечу теперь въ поле ратное?

Всѣ удалые и могучіе
Дѣти вѣрные Царства Рускаго
На враговъ идти приготовились;
Ужь осѣдланы кони борзые,
Ужь отпущены сабли Тульскія,
Ужь отточены копья мѣткія;
Рать усердная лишь приказу ждетъ,
Чтобъ пуститься ей въ путь назначенной:
Ялъ останусь здѣсь какъ разслабленной?

Ахъ, утѣшьтеся и порадуйтесь:
Не наемникъ васъ защищать идетъ;
Не прельстятъ меня яркимъ золотомъ,
Ни каменьями самоцвѣтными:
Не продамъ за нихъ милой родины,
Отца, матери съ молодой женой!
Не ударюся я въ постыдной бѣгъ
Ни отъ тучи стрѣлъ, ни отъ полымя:
Я на все пойду — съ Божьей помощью!
Вы помолитесь Спасу Чудному:
Онъ услышитъ васъ — и поможетъ намъ,
И разсыплются злые варвары,

Не осмѣлятся нападать опять,
Уничтожатся силы вражїя,
И окончатся брани лютыя —
И родимой вашъ возвратится къ вамъ!...

VIII.

Поверхъ дубчина
Два голубчика
Цѣловалися,
Миловалися,
Сизы крыльями
Обнималися;
Вдругъ напалъ на нихъ
Младъ ясенъ соколъ,
Онъ какъ разъ убилъ
Сиза голубя,
Сиза голубя
Мохноногова,
Пролилъ кровь его
По сыру дубу,
Разметалъ перья
По чисту полю,
И развѣялъ пухъ
По поднебесью.

Ахъ! распалалась,
Разрыдалася
Тутъ голубушка
По голубчикѣ. —

Ты не плачь, не плачь
Нѣжна пташечка!
Младъ ясенъ соколъ
Ей возговорилъ:
Я изъ-за моря
Изъ-за синяго
Пригоню къ тебѣ
Голубей стадо;
Выбирай себѣ
Лучша голубя,
Чиста, сизова,
Мохноногова. —
Не лети, злодѣй,
За сине море!
Говоритъ ему
Бѣдна пташечка:
Не гони ко мнѣ
Голубей стадо;
Охъ! утѣшитъ ли
Меня голубь твой,
Милымъ дѣтушкамъ
Не родной отецъ?

IX.

Ты душа моя,
Красна дѣвица,
Моя прежняя
Полюбовница!
Не сиди, мой свѣтъ,
Долго вечеромъ;
Ты не жги свѣчи
Воска ярова,
И не жди меня
До бѣла свѣта;
Ахъ! задумалъ вѣдь
Я женитися,
И зашелъ къ тебѣ
На прощанїе,
За любовь твою
Поклонитися. —
Только вымолвилъ
Добрый молодецъ,
Разрыдалася
Красна дѣвица,
Затопилася
Въ горючихъ слезахъ —
Говоритъ ему:
Такъ отдай, злодѣй!
Мой золотъ перстень;
И возьми назадъ
Свой булатный ножъ!
Проколи ты имъ
Мою бѣлу грудь,

Распори мое
Ретиво сердце! —

Ахъ; не плачь, не плачь,
Красна дѣвица!
Я ходить буду
Чаще прежняго,
Я любить стану
Милѣй стараго!

Прослезилася
Красна дѣвица,
Тяжело вздохнувъ,
Ему молвила:
Ахъ, не грѣть солнцу
Жарче лѣтняго,
Не любить другу
Милѣй прежняго!

X.

Вы осенніе
Вѣтры буйные!
Потянитеся
Къ другу милому,
Отнесите вы
Къ нему вѣсточку,
Ахъ, не радостну,
А печальную!
Какъ вечоръ-то мнѣ
Молодешенькѣ,
Мало сна было,
Много видѣлось;
Не хорошъ-то мнѣ
Сонъ привидѣлся:
У меня будто
У младешеньки
На правой рукѣ
На мизиньчикѣ
Распаялся вдругъ
Золотой перстень,
Выкатался мой
Дорогой камень!
Разплелися
Косы русыя,
Выплеталася
Лента алая,
Подареньице
Друга милаго!

XI.

Ахъ, ты поле, поле чистое!
Ты раздольице широкое!
Всѣмъ ты поле изукрашено,
Василечками, цвѣточками
И муравкой и кусточками,
Лишь однимъ ты обезчещено:

Посреди тебя ракитовъ кустъ
Сидитъ, при немъ младъ сизой орелъ;
Онъ терзаетъ черна ворона,
Точитъ кровь его горячую
И поитъ ею сыру землю.
Черный воронъ, добрый молодецъ,
А сизой орелъ злодѣй его!

Не ласточки увивалися
Вкругъ родима тепла гнѣздышка,
Увивается тутъ матушка,
Вопитъ, вопитъ, какъ рѣка шумитъ;
Сестра стонетъ, какъ ручей журчитъ;
Жена плачетъ, какъ роса падетъ —
Взойдетъ солнце, росу высушитъ!

XII.

Перестань стонать, кукушечка!
Не кукуй ты заунывная!
Ужь и такъ мое сердечушко
Надорвалося, надѣлося;
Красно солнце затуманилось,
Да опять изъ облакъ выглянетъ:
Красна дѣвица печалится
И печаль ея не кончится:
Ахъ! не можетъ позабыть она
Своего друга сердечнаго
Ни на часъ, ни на минуточку,
Ни ночной порой, ни денною,
Ни утренней, ни вечернею;
Онъ оставилъ красну дѣвицу
Не на долго, на недѣличку;
А съ недѣли ужь на полгода,
Со полугодажь . . . . на весь свой вѣкъ!

XIII.

На восходѣ красна солнышка,
На закатѣ свѣтла мѣсяца,
Не соколъ плылъ по поднебесью:
Молодецъ ходилъ по бережку;
Онъ не скоро шелъ, снаравливалъ,
Во зеленый садъ заглядывалъ,
Самъ кручинясь приговаривалъ:
Ужь всѣ пташечки проснулися,
Другъ со другомъ повидалися
И крылами обнималися;
Лишь одна моя голубушка,

Ахъ, прилука молодецкая,
Крѣпко спитъ теперь во теремъ;
Знать не грезится ей милый другъ;
Знать не мыслитъ обо мнѣ она;
Мое сердце разрывается,
Что съ Надежей не встрѣчается! —

Идетъ дѣвица изъ терема:
Все лице ея заплакано,
Ясны очи помутилися,
Бѣлы руки опустилися.
Не стрѣла сердце поранила,
Не змѣя его ужалила;
Красна дѣвица промолвила:
Ты прости, прости, мой милый другъ!
Ахъ, душа моя, отецкой сынъ!
Ввечеру меня помолвили,
Завтре будутъ поѣжжалые,
Повезутъ ко церквѣ Божїей;
Я достануся иному, другъ;
Хоть иному, а умру твоей!

XIV.

У душечки красной дѣвицы
Бѣло личико смочилося
Не отъ дожжичка весенняго,
Ахъ, смочилося отъ жаркихъ слезъ
По привѣтливомъ миломъ дружкѣ;

Возвѣстили другу милому
Службу Царску, Государеву;

Объявили путь дороженьку
Изъ преславной каменной Москвы
Къ дальну городу Нерчинскому;
Ото всѣхъ мой другъ прощенье взялъ,
Лишь со мною не простился онъ;
Знать стыдится онъ любви моей!

Такъ прости же ты, мой милый другъ!
Наживай себѣ другую ты:
Лучше найдешь, такъ забудь меня;
Хуже найдешь, такъ воспомнишь самъ,
А воспомнивши, вздохнешь по мнѣ!

XV.

Ахъ, чтожь ты голубчикъ
Не веселъ сидишь
И не радостенъ?

Ахъ, какъ мнѣ голубчику
Веселому быть
И радостному?
Вчера вечеркомъ я
Съ голубкой сидѣлъ,
На голубку глядѣлъ,
Игралъ, цѣловался,
Пшеничку клевалъ;
По утру голубка
Убита лежитъ,
Застрѣленая,
Потерянная!
Голубка убита
Боярскимъ слугой!

Ахъ, въ стати бы было
Меня съ ней убить!
Кому изъ насъ мило
Безъ милыя жить?

Голубчикъ печальной,
Не плачь, не тужи!
Ты можешь въ отраду
Хотя умереть;
Мнѣ должно для горя
И жить и терпѣть!
Голубка до смерти
Твоею была;
Мою же голубку
Живую берутъ,
За мужъ отдаютъ,
Просватываютъ!

XVI.

Ты рябинушка,
Ты кудрявая!
Ты когда взошла,
Когда вызрѣла? —
Ты весной взошла,
Лѣтомъ вызрѣла.
Подъ тобою ли
Подъ рябиною,
Ахъ, не макъ цвѣтетъ,
Не огонь горитъ,

А горитъ сердце
Молодецкое
По душѣ его
Красной дѣвицѣ. . . .
Ахъ, скончалася
Красна дѣвица!
Премѣнитеся,
Вѣтры теплые,
Во жестокую
Вы погодушку!
Забушуйте вы,
Вѣтры буйные,
И развѣйте вы
Мать сыру землю,
И раскройте вы
Гробову доску,
Дайте мнѣ еще
Хотя разъ взглянуть
На сердечнаго
Друга милаго!

XVII.

Ты воспой, воспой, жавороночикъ,
Сидючи весной на проталинкѣ:
Доброй молодецъ, сидя въ темницѣ,
Пишетъ грамотку къ отцу, къ матери;
Во письмѣ пишетъ добрый молодецъ:
Государь ты мой, родной батюшка!
Государыня, родна матушка!
Выкупайте вы добра молодца,
Своего сына вы родимаго! —

Отецъ съ матерью отказалися
И весь родъ, племя отрекалися;
Въ родѣ нашемъ-де воровъ не было,
Воровъ не было, ни разбойниковъ.

Ты весной, весной, жавороночикъ,
Сидючи весной на проталинкѣ:
Добрый молодецъ пишетъ въ темницѣ
Ко душѣ своей красной дѣвицѣ:
Ты душа моя, красна дѣвица,
Моя вѣрная полюбовница!
Выручай меня добра молодца! —
Вдругъ возговоритъ красна дѣвица:
Ахъ, вы нянюшки мои, мамушки!
Мои сѣнныя, вѣрны дѣвушки!
Принесите вы золоты ключи,
Отмыкайте мнѣ ларцы кованы,
Доставайте вы золоту казну,
Выкупайте вы добра молодца,
Друга милаго и сердечнаго!

XVIII.

Ужь какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй тоска въ ретиво сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Ужь не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ!
Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ,
Курится огонечикъ малёшенекъ;
У огонечка разостланъ шелковой коверъ,
На коврикѣ лежитъ удалъ добрый молодецъ,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецкую кровь горячую;

Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь,
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сы-
ру землю,
Будто слово хочетъ вымолвить хозяину:
Ты вставай, вставай, удалый добрый молодецъ!
Ты садися на меня, на своего слугу;
Отвезу я добра молодца во свою сторону,
Къ отцу, къ матери родимой, къ роду, племени,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ!
Какъ воздохнетъ тутъ удалый добрый моло-
децъ;
Подымалась у удалаго его крѣпка грудь;
Опустилися у молодца бѣлы руки,
Разтворилась его рана смертоносная,
Пролилась ручьемъ кипячимъ кровь горячая.
Тутъ промолвилъ добрый молодецъ своему коню:
Ахъ, ты конь мой, конь, лошадь вѣрная!
Ты товарищь моей участи,
Добрый пайщикъ службы Царскія!
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ;
Что за ней я взялъ поле чистое;
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла!

XIX.

Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить;
Пришло время, начало сердце крушить;
Съ воздыханья бѣлой груди тяжело. —
То ли въ свѣтѣ здѣсь любовью прослыло,
Полюбя дружка, отъ горести изныть?
Кто по сердцу мнѣ, не смѣть того любить?
Злые люди всё украдкою глядятъ,
Меня дѣвушку заочно всѣ бранятъ.
Какъ же слушать пересудовъ мнѣ людскихъ?
Сердце любитъ, не спросясь людей чужихъ;
Сердце любитъ, не спросясь меня самой.
Вы уймитесь, злые люди, говорить!
Не уймете, научите не любить!
Потужите лучше въ горести со мной!
Было время, и на васъ была бѣда;
Чье сердечко не болѣло никогда?
Всякъ извѣдалъ грусть злодѣйку по себѣ;
Ахъ, не всякой погорюетъ обо мнѣ!
Что же дѣлать съ горемышной головой,
Куда спрятать сердце бѣдное съ тоской?
Другъ не знаетъ, что я плачусь на него,
Людямъ нужды нѣтъ до сердца моего!
Вы, забавушка при радости моей,
Цвѣты алые, поблекните скорѣй!
Васъ горючими слезами оболью,
Вамъ однимъ скажу про горесть я свою:
Какъ безъ солнышка не можно вамъ пробыть,
Мнѣ безъ милаго не можно больше жить!

XX.

У рѣки сидя дѣвка плакала,
Вспоминаючи участь горькую,
Участь горькую, дни прошедшїе,
Дни прошедшїе, дни веселые:
Какъ красавица одѣвалася,
Одѣвалася, наряжалася,
Чтобъ увидѣться со милымъ другомъ,
Со милымъ другомъ, со преступникомъ,
Что склонивъ дѣвку укрывается,
Отъ любви ея отпирается.
Пусть засохнетъ зелена трава,
Говоритъ дѣвка утираючись:
Пусть въ брегахъ твоихъ, быстра рѣченька,
Вмѣсто чистыхъ водъ слезы прольются.
Наряжалась я для мила друга:
Онъ сокрывшися все унесъ съ собой,
Чтобъ тужа по немъ сокрушатися.
Когда столько онъ сталъ нежалостливъ,
Полюбить его я не думала,
Умереть по немъ не задумаюсь.

XXI.

Мы любовницъ оставляемъ,
Оставляемъ и друзей,
Въ смутныхъ мысляхъ представляемъ
Пулей свистъ и звукъ мечей.
Не зараза, не забава
На умѣ теперь у насъ:
На лицѣ и въ сердцѣ слава
И побѣды громкой гласъ.
Скучно было бы разстаться
И любезныхъ покидать,
Естьлибъ мы не шли сражаться
И злодѣевъ побѣждать,
Тѣхъ злодѣевъ, что мѣшаютъ
И любви и тишинѣ,
Что любовницъ насъ лишаютъ,
И зовутъ отъ нихъ къ войнѣ.
Вы, лишаяся спокойства,
Будете о насъ тужить;
Мы, наполнены геройства,
Будемъ вашъ покой хранить.
О любезныя! желайте,
Чтобъ войнѣ пришелъ конецъ;
Къ намъ любовь не оставляйте,
То для насъ одинъ вѣнецъ!
Гласы трубны раздаются
И оружія гремятъ;
Ваши горьки слезы льются,
А у насъ сердца кипятъ.
Но съ любезной разлучаться,
То труднѣе всѣхъ побѣдъ;
Сердце хочетъ съ ней остаться,
Слава на войну зоветъ.

XXII.

Деревенское житье
Щастье непорочно,
Упражненіе мое
Мнѣ съ друзьями прочно;
Время съ пользой провожу,
Дальнихъ бѣдъ не видя,
Всѣ забавы нахожу,
Ближнихъ не обидя.
Не хочу знать, что то свѣтъ,
И что въ немъ по модѣ;
Я отъ свѣтскихъ всѣхъ суетъ
Жить хочу въ свободѣ;
Тщетно пусть манятъ другихъ
Градскія кокетки,
Мнѣ милѣй стократно ихъ
Сельскія сосѣдки;
Ихъ не въ маскѣ красота
Сердце восхищаетъ,
Но любезна простота
Вѣрность обѣщаетъ;
Я созрѣлые плоды
Въ радости сбираю,
Окончавъ мои труды,
Сладко засыпаю.

XXIII.

Ахъ, ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта;
Всё ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною?
Что у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго у крилоса,
У гробницы Государевой,
У гробницы Петра Перваго,
Петра Перваго Великаго,
Молодой сержантъ Богу молится,
Самъ онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
По кончинѣ вскорѣ Государевой,
Государя Петра Перваго,
Въ возрыданьѣ слово вымолвилъ:
Разступись ты мать сыра земля
Что на всѣ четыре стороны;
Ты разкройся гробова доска,
Развернися золота парча,
И ты встань, пробудись, Государь,
Пробудись, батюшка, православной Царь!
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе;
Безъ тебя мы осиротѣли,
Осиротѣвъ обезсилѣли.

XXIV.

Ахъ, далече, далече въ чистомъ полѣ,
Стояло тутъ деревцо вельми высоко,
Подъ тѣмъ ли подъ деревомъ выростала трава,
На той ли на траванькѣ разцвѣтали цвѣты,
Разцвѣтали цвѣты всё лазуревые,
На тѣхъ ли на цвѣтахъ разостланъ коверъ,
На томъ ли на коврѣ два брата сидятъ,
Два брата сидятъ, два родимые;
Большой-то братецъ въ цымбалы игралъ,
А меньшой-то братецъ пѣсню припѣвалъ:
Породила насъ матушка, какъ двухъ сыновей,
Вспоилъ, вскормилъ батюшка, какъ двухъ соколовъ,
Вспоивши, вскормивши, ничему насъ не училъ,
Научила молодцовъ чужа дальна сторона,
Чужа дальна сторона, понизовы города;
Чужа дальна сторона безъ вѣтру сушитъ,
Безъ вѣтру сушитъ и безъ морозу знобитъ;
Какъ думала матушка насъ вѣкъ не избыть,
Избыла насъ родимая единымъ часомъ,
А теперь тебѣ матушка насъ вѣкъ не видать.

XXV.

Ты дуброва, моя дубровушка,
Ты дуброва моя зеленая,
Ты къ чему рано зашумѣла,
Приклонила ты свои вѣтви?
Изъ тебя ли изъ дубровушки
Мѣлки пташечки вонъ вылетали;
Одна пташечка оставалася,
Горемышная кокушечка,
Что кокуетъ она и день и ночь,
Ни на малой часъ перемолку нѣтъ;
Жалобу творитъ кокушечка
На залетнова яснова сокола:
Разорилъ онъ ея тепло гнѣздышко,
Разогналъ ея малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ кокунятушекъ,
Что по ельничку, по березничку,
По часту лѣску, по орѣшничку.
Что во теремѣ сидитъ дѣвица,
Что въ высокомъ сидитъ красная,
Подъ косящатымъ подъ окошечкомъ:
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ключи кипятъ,
Жалобу творитъ красна дѣвица
На заѣзжева добра молодца,
Что сманилъ онъ красну дѣвицу
Что отъ батюшки и отъ матушки,
И завезъ онъ красну дѣвицу
На чужую дальну сторону,
На чужую дальну незнакомую;
Что завезши, хочетъ кинути.

XXVI.

Возлѣ садику млада хожу,
Возлѣ зелена млада гуляю,
Соловьиныхъ пѣсенъ слушаю:
Хорошо въ саду соловей поетъ,
Онъ поетъ, поетъ припѣваючи,
Къ моему горю примѣняючи,
Къ моему житью ко безщастному.
Не пеняю я молодешенька
Ни на батюшку, ни на матушку,
Ни на братца, на яснова сокола,
Ни на сестрицу, лебедь бѣлую;
Что пеняю я младешенька
На свою ли участь горькую,
На свои ли очи ясныя:
Ахъ, вы очи, очи ясныя!
Вы глядѣли, да оглядѣлися,
Вы смотрѣли, да осмотрѣлися,
Не по мысли вы друга выбрали,
Не по моему по обычаю.

XXVII.

Ахъ! кабы на цвѣты не морозы,
И зимой бы цвѣты разцвѣтали;
Ахъ! кабы на меня не кручина,
Ни о чемъ-то бы я не тужила,
Не сидѣла бы я подгорюнясь,
Не глядѣла бы я въ чисто поле.
И я батюшкѣ говорила,
И я свѣту своему доносила:
Не давай меня батюшка за мужъ,
Не давай, государь, за неровню,
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы;
Не съ хоромами жить, съ человѣкомъ,
Не съ богатствомъ жить мнѣ, съ совѣтомъ.
Я по сѣнямъ шла, я по новымъ шла,
Подняла шубушку соболиную,
Чтобъ моя шубушка не прошумѣла,
Чтобъ мои пуговки не прозвякнули,
Не услышалъ бы свекоръ батюшка,
Не сказалъ бы онъ своему сыну,
Своему сыну, моему мужу.

XXVIII.

Ахъ, какъ тошно мнѣ тошненько
Нынѣшній годочикъ,
А еще того тошнѣе
Этотъ мнѣ денёчикъ!
Не пила бы я ни ѣла,
На мила глядѣла;
Не спалабъ я, не дремала,
Совѣтъ совѣтала,
Совѣтъ, совѣтъ совѣтала
Со милымъ дружечкомъ:
Поживемъ моя надёжа
Въ любви хорошенько,
Въ любви, въ любви хорошенько
Хоть единъ годочикъ;
Намъ покажется годочикъ
За единъ денёчикъ.
И я радъ бы съ тобой жити,
Лихи на насъ люди,
Лихи, лихи на насъ люди,
Ближніе сосѣди,
Безпрестанно на насъ смотрятъ,
А все примѣчаютъ,
И батюшкѣ и матушкѣ
На насъ намучаютъ:
Будто я млада младенька
Вставала раненько,
По утру рано вставала,
Друга провожала,
На крылечушкѣ стояла,
Платочкомъ махала.
Я платочкомъ-то махала,

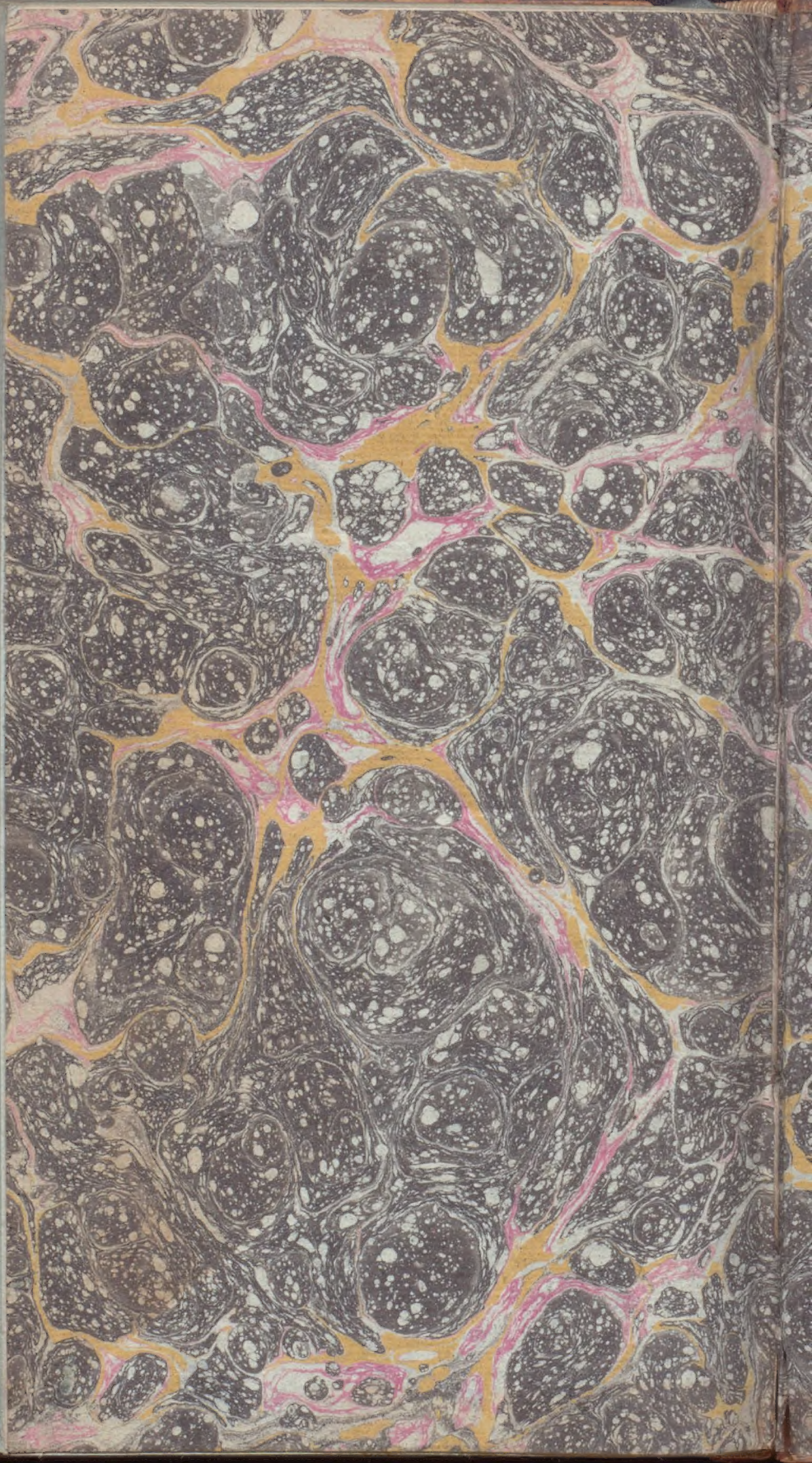
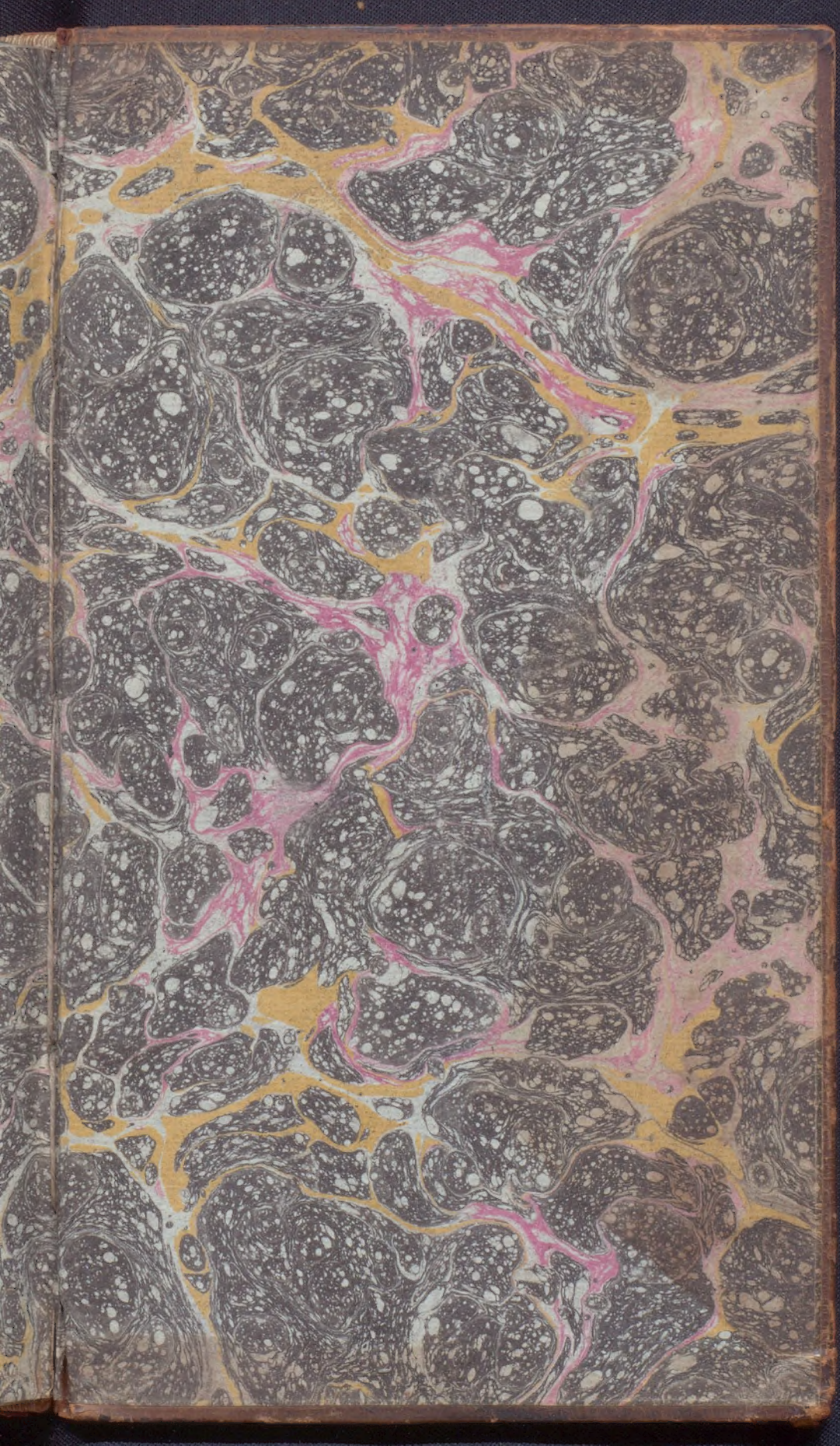
Чтобъ милъ воротился:
Воротись моя надежа,
Воротися! сердце
Не воротишься надежа,
Хотя оглянися.
Слышно, слышно, моя радость,
Хочешь ты жениться.
Какъ поѣдешь ты вѣнчаться,
Заѣзжай прощаться;
Ты возьми тоску кручину
Съ меня молоденьки;
Заплети тоску кручину
Добру коню въ гриву;
Ты размычь мою кручину
По чистому полю;
Обратись моя кручина
Травой, муравою,
Травой, травой, муравою,
Алыми цвѣтами:
Ахъ, какъ всѣ цвѣты аленьки,
Одинъ поалѣе,
Одинъ, одинъ поалѣе,
Аленькой цвѣточикъ.
Хотя всѣ друзья мнѣ милы,
Одинъ помилѣе,
Одинъ, одинъ помилѣе
Миленькой дружечикъ.

Конецъ второй Части.

ОПЕЧАТКИ

въ I и II Томахъ.

Томъ I. стран. 129. строк. 1.
Напечатано: подъемлютъ.
Читай: подъемлетъ

Томъ II. стран. 215 строк. 7.
Напечатано: Говоритъ сѣдая имъ.
Читай: Говорила Мудрость имъ.

241 страница,
Подъ пѣснію: Венеринъ поясъ, *вмѣсто имени:* Пушкинъ,
должно поставить:
Вышеславцевъ.